Р
1215897
Т 29
Р1
Т29

Гейнце Н.Э.

Петербург и Сибирь.

1891г.

п05

Н. Э. ГЕЙНЦЕ.

Р1
Г29

ПЕТЕРБУРГЪ и СИБИРЬ

ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ

ИЗЪ ЖИЗНИ СѢВЕРНОЙ СТОЛИЦЫ И СТРАНЫ ИЗГНАНІЯ.

ИЗДАНІЕ
М. И. ТРОЯНСКАГО.

1215897 Р

ГОМЕЛЬСКАЯ ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. В. Комарова, Невскій, 136—138.
1891.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПЕТЕРБУРГЪ:

	стр.
Двѣ встрѣчи	1
Воистину воскресе!	46
Прощеное воскресенье	51
Чернильная клякса	63
Сестра на прокатъ	67
Два мундштука	72
Повысили	78
Аднуре	82
Капиталъ съѣлъ	90
Жену купилъ	95
Цѣпочка	101
Бракъ не по сердцу	107

СИБИРЬ:

Умирающій варнакъ	119
Исповѣдь убійцы	144
Братоубійца	155
Изъ-за корысти	177
На вскрытіи	188
Около золота	198
Сибирскій „Держиморда“	208
Медаль или каторга?	217
Иванъ сорокъ второй	223
Въ ночь подъ Рождество	228
На елкѣ у природы	237
Ребенокъ-подстрекатель	245

ПЕТЕРБУРГЪ.

ДВѢ ВСТРѢЧИ.

(Изъ жизни погибшихъ въ волнахъ моря житейскаго).

I.

То, что я хочу разсказать вамъ, случилось въ Петербургѣ въ теченіи послѣднихъ пятнадцати лѣтъ. Героиня моя была, какъ вѣжливо привыкли называть, „милое, но погибшее созданіе". Ее звали подруги Лизой, подгулявшіе гости Лизуткой, по виду же на жительство она оффиціально называлась дочерью дворянина Елизаветою Андреевной Снѣжковой.

Она жила на Малой Итальянской, у Панкратьевны.

Знаете-ли вы, читатель, что значитъ жить у Панкратьевны и кто эта Панкратьевна?

Если не знаете, то я объясню вамъ.

Панкратьевна—непремѣнно старуха—это съемщица квартиры, отдающая комнаты исключительно „одинокимъ дѣвицамъ", являясь ихъ хозяйкой и „благодѣтельницей". Такихъ Панкратьевнъ въ Петербургѣ много и, познакомившись съ одной,

вы будете имѣть понятіе о всѣхъ,—всѣ онѣ на одинъ фасонъ скроены и сшиты,—это слишкомъ рельефный типъ, чтобы на немъ долго останавливаться.

Нужно сказать вообще, что я врагъ всякихъ подробныхъ, такъ сказать, „фотографическихъ“ описаній какъ наружности, такъ и свойствъ характеровъ героевъ; не все-ли равно, блондинъ-ли онъ или брюнетъ, одѣтъ-ли въ сюртукъ или визитку,—отъ отсутствія этихъ свѣдѣній мало потеряетъ читатель, а характеръ героя долженъ выясняться не изъ его описанія, а изъ дѣйствій и разговоровъ, а потому читатель весьма рѣдко встрѣтитъ у меня подобныя отступленія отъ нити разсказа.

Былъ уже двѣнадцатый часъ утра. Лѣтнее іюльское солнце яркими и горячими лучами пробивалось сквозь дырявую ситцевую занавѣску и освѣщало убогую комнатку Лизы съ ея незатѣйливымъ убранствомъ: стѣны, оклеенныя грошевыми обоями съ ободранными панелями, на которыя суровыя русскія зимы наложили неприглядныя пятна сырости; деревянную кровать, покрытую сшитымъ изъ ситцевыхъ лоскутковъ одѣяломъ, съ нѣсколькими подушками, видимо, смятыми; облѣзлый комодъ, покрытый вязаною бѣлою салфеткою сомнительной чистоты, на которомъ красовалось маленькое складное зеркальце, нѣсколько бонбоньерокъ и множество пузырьковъ и баночекъ. На стѣнѣ надъ комодомъ висѣло

нѣсколько фотографическихъ карточекъ, иныя въ рамкахъ, а иныя просто пришпиленныя булавками. Нѣсколько разнокалиберныхъ стульевъ, столъ съ остатками убогаго ужина, мѣдный подсвѣчникъ съ догорѣвшей свѣчей и нѣсколько женской одежды на стѣнѣ,—словомъ, обыденная обстановка комнаты отъ съемщицы.

Сама хозяйка, хорошенькая блондинка, съ помятымъ отъ ненормальной жизни лицомъ, но тонкимъ и нѣжнымъ профилемъ, въ измятомъ ситцевомъ платьѣ, стоитъ у комода передъ зеркаломъ и разчесываетъ свои длинные золотистые волосы. На видъ ей лѣтъ двадцать.

— Здравствуй, Лиза. Ты, говорятъ, кладъ нашла, быстро вбѣгая въ комнату, затараторила молоденькая, востроглазая брюнетка, подруга Лизы и ея сосѣдка по комнатамъ—Маша.

— А, Маша, это ты?—вздрогнувъ, проговорила Лиза.—Какъ ты меня испугала; вотъ не ожидала! Когда вернулась?

Подруги поцѣловались.

— Только-что; прямо изъ деревни; ну, и покуралесила же я тамъ эти полтора мѣсяца; такую столичную барышню разыгрывала, что не тронь меня; только деньги всѣ какъ есть истратила; насилу на обратную дорогу хватило и то старостиной дочкѣ серьги продала и, вотъ, какъ есть прибыла опять къ Панкратьевнѣ.

— Ну, что-жъ мать, отецъ: живы, здоровы? Весело тебѣ было, хорошо?

Всѣ живехоньки и здоровехоньки; а ужъ такъ весело было, что и не разсказать: всѣ это за тобой ухаживаютъ, вездѣ это тебѣ отъ всѣхъ уваженіе, парни это деревенскіе глаза лупятъ, а подойти боятся; волостной писарь даже предложеніе стороной дѣлалъ, да я никакого вниманія; все больше съ урядникомъ въ любовь играла; онъ, сердечный, кажись, все мѣсячное жалованье мнѣ на леденцы, да на жамки истратилъ.

— Что же ты за волостнаго не пошла? Все бы лучше.

– Нашла дуру! Оно нѣсколько времени въ деревнѣ пожить, въ порядочную поиграть—хорошо, ну, а навсегда тамъ застрять—мерси!

— Все же лучше, чѣмъ наша жизнь.

Ну, это кому какъ. Да ты зубы-то мнѣ не заговаривай, о кладѣ-то разскажи...

— О какомъ кладѣ?

-- Да мнѣ, не успѣла я сегодня вернуться, Панкратьевна всѣ уши прожужжала, какая ты счастливая, судьбу свою нашла, двѣсти рублей денегъ съ какого-то пріѣзжаго получила. Правда?

— Ну, правда.

– Да какая ты безчувственная, – всплеснула руками Маша.—Да если бы мнѣ такой капиталъ достался, да я бы, кажись, съ утра до вечера все бы до потолка прыгала, а она такъ равнодушно: „Ну, правда“.

— Чему же радоваться? Деньги-то остались, а онъ уѣхалъ.

— Ну, что же, деньги есть и кути,—безпечно рѣшила Маша, повернувшись на каблучкѣ.— Впрочемъ,—прибавила она послѣ нѣкотораго раздумья,—можетъ ты влюбилась. Панкратьевна тоже что-то сказывала. Лизочка, душечка, разскажи, хорошо-ли это—влюбившись быть? Никогда не доводилось.

— Да я сама не знаю, влюблена-ли я еще.

— Это какъ же?

— Да такъ! Помнишь, я разсказывала тебѣ о моей первой любви?

— Это къ тому-то, что тебя отъ тетки увезъ да черезъ полгода здѣсь, въ Петербургѣ, бросилъ?

— Ну, да!

— Такъ что-жъ?

— Ну, этотъ похожъ на того, такъ я и не знаю, люблю-ли я этого послѣдняго, или это только воспоминаніе о первомъ, задумчиво проговорила Лиза, окончивъ свою прическу и бросивъ на себя послѣдній взглядъ въ зеркало.— Ишь, лице-то на что похоже! А все отчего? Оттого, что всю ночь ни-мнче глазъ не сомкнула, такъ съ вечера и не раздѣвалась, все объ этомъ думала.

— Я что-то этого не пойму. — удивилась Маша.

— Да тебѣ этого и не понять. Вѣдь, ты никогда не любила?

— Богъ миловалъ. Да онъ изъ какихъ?

— Учитель, издалека,—нехотя отвѣтила Лиза, подходя къ кровати и садясь на нее.

— Гдѣ же ты его подцѣпила, разскажи, милочка, душечка,—затараторила Маша, присаживаясь рядомъ.

— Ну, такъ и быть, слушай. Недѣли три тому назадъ въ ресторанъ онъ съ товарищемъ заѣхалъ. Случайно познакомились, разговорились, къ себѣ пригласилъ; на другой день точно потянуло къ нему; пошла я, да съ тѣхъ поръ до вчерашняго дня каждый день у него бывала; время хорошо проводили: сидѣли, читали вдвоемъ или въ обществѣ его товарищей, такъ-что я провела все это время, какъ и ты, совсѣмъ порядочной женщиной.

— И тебѣ не надоѣло? А мнѣ, признаться, и писарь, и урядникъ смерть надоѣли... Да, впрочемъ, ты изъ ученыхъ: вотъ бобы, чай, съ нимъ разводила, ты это любишь,—захохотала Маша.

— Не смѣйся, тебѣ этого не понять, а мнѣ такъ тяжело, что разсталась съ нимъ, что и передать не могу. Вчера его утромъ проводила, такъ весь день какъ шальная ходила, всю ночь не спала, пусто какъ-то... Ужь я раскаяваюсь, что съ нимъ не уѣхала.

— А развѣ бралъ?

— Брать-то бралъ и просилъ даже очень, но требовалъ, чтобы сперва обвѣнчаться и мужемъ и женой въ его городъ ѣхать.

— Чудно! Ну, что же, тѣмъ лучше,—сообразила Маша.

— Въ томъ-то и дѣло, что не лучше; я отказалась: не стою я его; онъ такой хорошій, а я...

— Что же ты?

— Да я не знаю, смогу-ли я быть хорошей женой послѣ двухъ лѣтъ такой жизни.

— Оно, правда, нашей сестрѣ привыкать къ хорошей жизни трудно, но все же отказываться было не слѣдъ; можетъ, судьбу свою упустила. Попытала бы!

— Ну, а какъ не совладала бы съ собой, такъ его же погубила бы.

— Оно такъ-то такъ,—задумчиво промолвила Маша.—Ну, а онъ что-жъ?—проговорила она послѣ нѣкотораго молчанія.

— Онъ что-жъ, уѣхалъ, давъ мнѣ на первое время двѣсти рублей; просилъ бросить эту жизнь, помогать обѣщалъ, да забудетъ.

— Не говори, бываетъ,—заволновалась Маша;—у меня подруга была, тоже Лиза, такъ ей одинъ иногородній купецъ ровно четыре года помогалъ, каждое первое число по двадцати пяти рублей присылалъ, а самъ въ два года, можетъ, разъ бывалъ; чудакъ тоже; теперь умеръ.

— Можетъ быть. Вотъ я и хочу работу достать или мѣсто и зажить честно,—рѣшительно заявила Лиза и, вставши съ кровати, подошла къ комоду.—Надо, вотъ, сейчасъ на Литейную,

къ Павлову, присяжному повѣренному, его товарищу, добѣжать, обѣщался переписку дать,— продолжала она, отворяя ящикъ комода и доставая чистые воротнички съ манжетами.

— Что-жъ, подавай Богъ, дѣло хорошее. Скучно, чай, только; я бы, кажись, не вынесла,— замѣтила подругѣ Маша.

Лиза въ это время сняла со стѣны темненькое шерстяное платье, бережно встряхнула его и начала одѣваться.

— Кстати, Маша, ты такая отгадчица; нынче я только подъ утро заснула и такой хорошій сонъ видѣла: всю свою прежнюю жизнь, какъ на ладони: и тетю покойницу, что я своимъ побѣгомъ въ гробъ уложила, и гимназическихъ подругъ, и его... перваго... видѣла, что бы значилъ этотъ сонъ?

— Сонъ хорошій,—серьезно рѣшила Маша:— прошлое хорошее видѣть—предвѣщаетъ хорошее будущее.

— Не врешь?—сомнительно покачала головой Лиза.

— Сейчасъ умереть; хоть въ моемъ сонникѣ посмотри.

— Хорошо бы, кабы такъ, да едва-ли... Невозможно,—затуманилась Лиза.

— И что ты, милочка, для Бога все возможно: и наша сестра исправляется и по хорошей дорогѣ идетъ,—примѣры бывали, строго и наставительно замѣтила Маша.

— Дай-то Богъ, а то смерть какъ надоѣло; хоть бы полгода прожить честной женщиной. Вотъ я и готова, добавила Лиза, застегивая послѣднюю пуговицу платья.

— Ну, я тебя задерживать не стану,—заторопилась Маша, или съ Богомъ. Да, кстати, дай мнѣ, милочка, взаймы три рубля; денегъ, то-есть, ни-ни... Какъ будутъ—непремѣнно отдамъ.

— Изволь, съ удовольствіемъ,—улыбаясь сказала Лиза.

Открывши верхній ящикъ комода, она достала оттуда портмонэ и, вынувъ просимую зеленькую бумажку, передала ее Машѣ.

— Ну, вотъ, это размерси-мерси,—воскликнула съ восторгомъ эта послѣдняя и бросилась обнимать подругу.

— Ну, а теперь я уйду; кое-что еще въ комнатѣ прибрать надо, а тамъ въ лавочку за чаемъ и за сахаромъ. Придешь домой—ко мнѣ заходи, а я къ Филиппову слетаю, горячихъ калачей припасу и чайку напьемся.

— Ну, къ Филиппову-то я сама зайду, а вотъ насчетъ самоварчика ты распорядись; чаю-то я еще нынче не пила, опоздать боюсь, еще дома не застанешь.

— Ну, прощай, милочка, иди съ Богомъ, а я здѣсь все приготовлю, сама и самоваръ поставлю, а то отъ Панкратьевны ворчанья не оберешься.

Подруги обнялись и Маша, напѣвая какую-то пѣсенку, въ припрыжку выбѣжала изъ комнаты.

II.

Лиза осталась одна. Не смотря на то, что, какъ мы видѣли, она спѣшила, она все-таки сѣла на кровать и задумалась. Это не удивительно: задуматься ей было о чемъ. Ея судьба, какъ мы отчасти могли выяснить себѣ изъ разговора подругъ, была не изъ обыкновенныхъ. Она попала въ руки Панкратьевны изъ среды далеко противоположной той, въ которой она очутилась. Тамъ, въ богоспасаемой провинціи, она родилась и выросла совершенно при другой обстановкѣ.

Рано лишившись отца и матери, которыхъ она почти не помнила, она воспитывалась въ патріархальномъ домѣ своей тетки, набожной вдовы, которая, не чая души въ своей племянницѣ, нѣжила и холила ее въ раннемъ дѣтствѣ, баловала, когда она стала подросткомъ и даже взрослою дѣвицею. Воспитываясь въ мѣстной гимназіи, она уже почти съ успѣхомъ кончала курсъ: ей оставался только одинъ годъ, когда въ ихъ палестины занесла судьба нѣкоего Владиміра Павловича Зорича — того „перваго", о которомъ она говорила своей подругѣ. Этотъ Зоричъ принадлежалъ къ формаціи людей, обладающихъ бьющими въ глаза внѣшними достоинствами: игривый, но не глубокій умъ, даръ слова, красивая внѣшность, обезпеченныя средства къ жизни, дающія возмож-

ность заниматься лишь краснобайствомъ о высокихъ матеріяхъ, о трудѣ и равенствѣ, о пользахъ и нуждахъ народныхъ, отсутствіемъ при томъ всякихъ нравственныхъ устоевъ, словомъ, всѣми данными для того, чтобы сбить молодую, еще серьезно не развитую дѣвушку. Такъ и вышло: онъ вырвалъ ее изъ семьи, увезъ въ Петербургъ, поигралъ и потомъ бросилъ, какъ бросаетъ ребенокъ сломанную имъ же игрушку. Что было дальше—не трудно было догадаться по той обстановкѣ, въ какой мы застаемъ ее въ предъидущей главѣ.

Но, кромѣ того, нашъ разсказъ начинается съ того момента, когда въ ея душу закралось сомнѣніе, не полюбила-ли она второй разъ. Встрѣча съ учителемъ, пріѣхавшимъ издалека, а именно изъ одной изъ южныхъ губерній, о которомъ она разсказывала Машѣ, глубоко запала ей въ душу, какъ запали его слова и совѣты, возбудившіе въ ней рѣшимость бросить, при помощи данныхъ имъ средствъ, и безъ того уже ненавистную жизнь, на которую она и рѣшилась лишь изъ-за куска хлѣба. Этотъ учитель былъ Михаилъ Сергѣевичъ Леонтьевъ, человѣкъ лѣтъ 35-ти, одинъ изъ тѣхъ людей, которые вѣчно остаются студентами въ душѣ, идеалистами, готовыми видѣть въ порокахъ лишь заблужденія, а въ малѣйшихъ проявленіяхъ честности въ людяхъ—высокія добродѣтели. О чувствѣ-то къ нему и задумалась Елизавета Андреевна, но ея размышленія были пре-

рваны приходомъ Панкратьевны, съ шумомъ влетѣвшей въ комнату и распространившей вокругъ себя запахъ не то кухни, не то кабака.

— Здорова-ли касаточка? Мнѣ Машутка сказывала, что ты всю ночь не спала; аль съ большаго богатства не спится; украдутъ, что-ли, боишься?

— Вотъ глупости, такъ не спалось что-то. Съ вечера всякія думы въ голову лѣзли и только подъ утро заснула, не раздѣваясь,—нехотя отвѣтила Лиза Панкратьевнѣ, которая сѣла на стулъ и вздохнула.

— Аль о сердечномъ дружкѣ все кручинилась? Эй, дѣвка, выбрось изъ головы дурь-то, а то ишь вчера какія мнѣ рацеи разводить: иначе жить хочу, работы искать пойду. Гдѣ ее, работу-то, достанешь? Къ черной-то непривычна, барышня, ну, а на бѣлую-то нонче на одну сто рукъ. Денежки-то двѣсти рублей не велики—пройдутъ, между рукъ пройдутъ, тогда опять къ Панкратьевнѣ: за квартиру, молъ, подожди, платьишко подъ закладъ прими. Говорю, отдай мнѣ, подъ проценты пустимъ, деньгу наживемъ, и людямъ поможемъ. Ну, рублевъ пятьдесятъ на платье страви,—такъ-то лучше, а то честію! Ну, дѣвка! Ужь коли ваша сестра отъ дѣла отбилась, аминь, этой статьи и держаться нужно, потому назадъ ни-ни...

— Ну, пошли опять свое,—съ нетерпѣливымъ жестомъ, вскакивая съ кровати, вскрикнула Лиза:

пока не выйдутъ эти деньги, ни за что продолжать эту жизнь не буду, а можетъ, работу или мѣсто найду, вопреки вашему карканью.

Карканью, - обидѣлась Панкратьевна. Старуха дѣло говоритъ; чѣмъ бы у нея уму-разуму учиться, а то карканье. Вчера, напримѣръ, купецъ Пантелѣевъ за тобой три раза заѣзжалъ. „Не выйду“, заладила, а деньгу бы нажила, потому пьянъ и съ компаніей, а теперь его къ тебѣ калачомъ не заманишь: мало вашей сестры, что-ли, по Петербургу-то шатается, для человѣка при капиталахъ вы—тьфу...

И Панкратьевна сплюнула въ сторону, чтобы наглядне показать, что такое дѣвушки, подобныя Лизѣ, для человѣка при капиталахъ.

— Жди отъ своего сокола яснаго денегъ-то,— продолжала она, вынимая табакерку съ портретомъ на верхней крышкѣ какой-то полногрудой женщины и аппетитно нюхая табакъ, — держи карманъ шире, пришлетъ... Какъ на глазахъ имѣлъ, ну, приголубилъ, а на машину сѣлъ и позабылъ. Жениться, говоришь, предлагалъ, отказалась: „Не стою-де я его“. Ну, это ты, дѣвка, кажись, врешь, потому ежели это правда, то тебя въ желтый домъ мало.

Лиза почти не слушала причитаній старухи и одѣвалась.

— Мужчина, — продолжала разглагольствовать старуха,—при службѣ, со средствами, умъ потерялъ, узаконить захотѣлъ, тутъ его и оплести,

а она, поди-жь ты: „Не стою". Ты куда это собралась?—заключила она, увидя Лизу совершенно одѣтой въ шубкѣ и платьѣ.

— Да, что, васъ не переслушаешь, а мнѣ еще надо нынче въ одно мѣсто сбѣгать, работу обѣщали дать—переписку.

— Поди, поди, гни спину за гроши-то! Эй, говорю, брось дурь, за умъ возьмись. Старичекъ, что надъ нами живетъ, человѣкъ денежный, о тебѣ намедни распрашивалъ меня, на дворѣ остановилъ, сорокъ копѣекъ далъ. Я говорю: пообождите малость, съ пріѣзжимъ занялась, а теперь что сказать? лукаво подмигнула Панкратьевна.

— Скажите,—вспыхнула Лиза, что знать его не хочу, и прошу васъ разъ навсегда со мной объ этомъ обо всемъ даже и не заговаривать. Сказала разъ—не хочу и слову своему не измѣню. Деньги вы за квартиру и за столъ за мѣсяцъ впередъ съ меня получили, чего же вамъ еще надо? Оставьте меня въ покоѣ, — закончила она и, хлопнувъ дверью, быстро вышла изъ комнаты.

— Ишь, барышня какая, разфуфырилась, продолжала, оставаясь на мѣстѣ, ворчать Панкратьевна.—Эхъ, кабы не деньги, ужь согнала бы ее съ квартиры за эти рѣчи. „Деньги за мѣсяцъ впередъ заплатила"! Ишь какъ облагодѣтельствовала! А не понимаетъ того, что отъ ея этой честности мнѣ прямой убытокъ: съ посѣтителей ея на чай мнѣ старухѣ разъ, за виномъ, за водкой, за закуской пошлютъ въ лавку—опять мнѣ пере-

падетъ — два. Старикашка, что сорокъ копѣекъ далъ, — ну, этого-то я еще повожу. Деньги-то, какія у нея, истратятся — сама сдастся, фанаберію-то спуститъ. Тоже мы ихъ сестру на своемъ вѣку видали: не одинъ десятокъ въ эфтой самой комнатѣ жили.

— Два какихъ-то господина Лизавету Андреевну Снѣжкову, дѣвицу, розыскиваютъ. У тебя въ постоялицахъ Лизутка, кажись, есть, такъ не ее-ли?—прервалъ радужныя мечты и дипломатическія соображенія Панкратьевны вошедшій дворникъ.

— Ее, батюшка, ее,—вскочила старуха;—и въ свидѣтельствѣ Лизавета Андреевна Снѣжкова прописано.

— Ну, такъ выдь: они на куфнѣ дожидаются.

— Вотъ опять за ней, – заворчала Панкратьевна, идя за дворникомъ.—Вѣдь счастливая какая, а глупа. Вотъ опять иди отказывай, а за отказъ-то на чай не даютъ. Грѣхи.

III.

На кухнѣ Панкратьевна встрѣтила двухъ господъ, одѣтыхъ: одинъ въ енотовую, другой въ скунсовую шубы. Это были уже упомянутые нами Михаилъ Сергѣевичъ Леонтьевъ и присяжный повѣренный Иванъ Антоновичъ Павловъ,—тотъ самый, къ которому пошла Лиза за работой.

Послѣ обыденныхъ вопросовъ и переговоровъ съ обѣихъ сторонъ и переселенія изъ кармана

Леонтьева въ руку Панкратьевны депозитки, эта послѣдняя ввела ихъ въ комнату Лизы.

— Пожалуйте, господа честные, пожалуйте. Ужъ достанется мнѣ отъ Лизаньки, что пустила васъ, да за доброту вашу, что старуху цѣлковенькимъ подарили, брань приму. А что прогонитъ она васъ, такъ это какъ пить дастъ. Съ меня ужъ не взыскивайте. Строга ужъ больно стала!—говорила она, пропуская гостей въ дверь.

— Ну, давно-ли?—спросилъ улыбаясь Павловъ, присаживаясь на стулъ.

— Какое давно, недавно. Нанесла тутъ, батюшка, какая-то нелегкая учителя издалека. Валандалась она съ нимъ недѣли съ три и втюрилась. Онъ уѣхалъ, денегъ ей двѣ сотняги оставилъ и втемяшилась это ей въ башку жизнь честная; не хочу-де больше, какъ прежде, жить, работать хочу; и сейчасъ куда-то за перепиской бумагъ побѣжала, да, вѣрно, скоро воротится.

— Это она ко мнѣ,— замѣтилъ Павловъ, обращаясь къ Леонтьеву.

— Ну, вотъ, видишь, я говорилъ тебѣ, что она можетъ и хочетъ исправиться.

— Хочетъ, батюшка, хочетъ,—вмѣшалась въ разговоръ Панкратьевна.—Ужъ какъ я ни урезонивала—не помогаетъ.

— Въ чемъ же вы ее урезониваете?—сквозь зубы спросилъ Леонтьевъ.

— А все насчетъ исправленія, потому, при ся, теперь, положеніи знакомство хорошее завела,

примѣрно. купецъ Пантелѣевъ. можетъ знаете. или. вотъ. тоже. старичекъ. что на верху живетъ. въ капиталѣ состоитъ и тоже знакомства добивается... Это ея исправленіе для нея одна погибель. потому знакомыхъ отвадитъ. деньги попусту истратитъ. ну. а потомъ еще хуже будетъ.

— А... вы въ такомъ смыслѣ,—злобно замѣтилъ Леонтьевъ и съ гадливостью отвернулся отъ нея.

— Во всѣхъ смыслахъ, батюшка. А ужъ накинется она на меня за васъ—бѣда.

— Ну. объ этомъ не безпокойтесь: авось. за насъ и не накинется. Мы люди знакомые,—проговорилъ Павловъ.

— Все едино. батюшка. и знакомыхъ пущать не велѣла. „Всѣхъ гони". говоритъ. Ну, да куда ни шло, вы здѣсь ождите. а я пойду посторожу ее, все предупредить надо.—закончила Панкратьевна. направляясь къ двери и. выходя, снова оглянулась на гостей и подумала: „Кажись, оба молодцы; авось хоть эти уломаютъ".

Леонтьевъ и Павловъ остались одни.

— Однако, ты, я вижу, втюрился не на шутку.—замѣтилъ послѣдній первому.—Глядя на твое лицо, я думалъ. что ты бросишься и разорвешь эту старую каргу. когда она развивала свой оригинальный взглядъ на исправленіе. Ну, вотъ, мы и въ жилищѣ твоего будущаго друга жизни, а, можетъ быть,—да и вѣрнѣе,—врага.

Нѣтъ, все-таки, какъ втюрился-то ты! Вотъ ужъ подлинно вѣрна пословица: сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро,—засмѣялся Павловъ.

— Оставь шутки; нельзя, вѣдь, вѣчно шутить, тѣмъ болѣе, что ты человѣкъ хорошій, честный, добрый, но только напускаешь на себя какой-то пессимизмъ, смотришь на жизнь сквозь черную призму и всюду и всѣмъ готовъ рисовать въ будущемъ мрачныя картины. Нынче же, въ такой рѣшительный день моей жизни, я не хочу и думать ни о чемъ мрачномъ.

— Вотъ то-то и оно, что всѣ мы въ такъ называемые рѣшительные дни нашей жизни ни о чемъ мрачномъ и думать не желаемъ, закрываемъ глаза на будущее и съ закрытыми глазами бросаемся въ рѣку жизни, не разбирая даже хорошенько мѣста, а въ этомъ мѣстѣ и можетъ быть омутъ.

— Ужъ и омутъ. Волковъ бояться—въ лѣсъ не ходить, отвѣчу я тебѣ тоже пословицей. Не рискуя быть несчастнымъ, нельзя найти и счастіе,—замѣтилъ Леонтьевъ, садясь на стулъ.

— Охъ, братъ, рискъ-то великъ; вѣдь, цѣлая жизнь. Говорилъ и говорю тебѣ, не дѣло ты затѣваешь. Отчего не помочь бѣдной, сбившейся съ пути, дѣвушкѣ; отчего не дать ей возможность исправиться, но, будучи знакомъ съ ней всего три недѣли, слышавши отъ нея нѣсколько честныхъ фразъ, жалкихъ словъ, быть можетъ, пѣтыхъ съ чужаго голоса, сразу такъ увлечься

ею, что рѣшиться избрать ее въ подруги бѣдной трудовой жизни,—какъ хочешь, это можетъ сдѣлать восемнадцатилѣтній юноша, да и его бы слѣдовало за это выпороть, а тебѣ, мужу зрѣлому, это, извини, непростительно.

Ну, затянулъ ту же пѣсню. Быть можетъ, само Провидѣніе послало меня спасти ее. Да что съ тобой говорить объ этомъ, перестанемъ лучше: меня не переубѣдишь.

— Молчу, молчу. Я теперь, братъ, умываю руки: я тебя убѣждалъ, уговаривалъ, но ни убѣжденія, ни совѣты—ничего не дѣйствуетъ. Дѣлай какъ знаешь. Отсовѣтывать я тебѣ по праву стараго друга могъ, но запретить тебѣ дѣлать съ своей особой, что заблагоразсудится, я не въ силахъ, хотя, признаюсь, съ удовольствіемъ бы это сдѣлалъ.

— Нѣтъ, ты все же не совсѣмъ правъ и я докажу тебѣ. Ты говоришь, что если мы женимся на дѣвушкѣ, еще не знающей жизни, то и тогда благоразуміе подсказываетъ намъ, что мы должы сперва узнать ее, тѣмъ болѣе, когда прошлое этой дѣвушки ужасно, какъ въ настоящемъ случаѣ; что надо убѣдиться, да, убѣдиться, что это прошлое не всосалось въ ея плоть и кровь, а лишь задѣло ее по поверхности, а для этого недостаточно трехъ недѣль. Ты, можетъ быть, и правъ относительно всѣхъ другихъ...

— Ну, что касается правоты,—перебилъ его Павловъ,—то я правъ вообще. Ты самъ чуешь

эту правоту, а потому-то и изощряешься всѣми средствами доказать мнѣ противное.

Нѣтъ, избави Богъ, я убѣжденъ въ Лизѣ; она исключеніе, —горячо заговорилъ Леонтьевъ, вскакивая со стула:—она такъ чистосердечно разсказала мнѣ свое прошлое, съ такимъ омерзеніемъ говорила о своемъ положеніи, что видно сейчасъ, что паденіе ея было чисто внѣшнее, что внутренно она еще совсѣмъ не испорчена. Наконецъ, этотъ отказъ на мое предложеніе, мотивированный тѣмъ, что она не стоитъ меня, желаніе сопровождать меня въ качествѣ любовницы, служанки, но только не жены, эти чистыя слезы, которыми оросились ея глаза вчера при прощаньи со мной и которыя она тщетно старалась скрыть,— все это развѣ не можно убѣдить меня и даже тебя, что подъ этой испорченной внѣшностью хранится сокровище духа.

Ну, меня-то не такъ легко убѣдить,— хладнокровно замѣтилъ Павловъ;—я не очень-то вѣрю въ скрытыя добродѣтели. Людей надо узнавать, а потомъ сходиться, а узнавать-то не легко, труднѣе чѣмъ идеализировать.

Нѣтъ, Павловъ, я и не идеализирую, но согласись, что есть люди, которыхъ трудно узнать скоро, но есть и такіе, которые въ минуту охватывающаго ихъ честнаго чувства передъ тобой какъ на ладонѣ. Къ такимъ людямъ принадлежитъ и Лиза, а такую минуту для нея я видѣлъ вчера. Ей можно спокойно сказать словами поэта:

И въ домъ мой смѣло и свободно
Хозяйкой полною войди.

— Не возражаю не потому, что не могу, а нахожу уже теперь несвоевременнымъ; я вижу, что дѣло дошло до поэзіи; ну, значитъ, шабашъ. Дѣлай, повторяю, какъ знаешь! Дай Богъ, чтобы ты не ошибался и чтобы я самъ потомъ не убѣдился въ справедливости моихъ настоящихъ словъ.

— И не убѣдишься. Заживемъ мы тамъ съ нею на славу. Буду работать, докончу ея воспитаніе и она мнѣ будетъ помощницей,— горячо заговорилъ снова Леонтьевъ.

Въ это время за стѣной послышался крупный разговоръ. Леонтьевъ узналъ голосъ Лизы, перебраниваемой съ Панкратьевной.

— Тише, это кажется, она, я слышу ея голосъ, полескочилъ Леонтьевъ къ Павлову.— Ради Бога, при ней ничего не говори мрачнаго; напротивъ, помоги мнѣ уговорить ее: безъ нея я не живецъ на этомъ свѣтѣ, не работникъ. Смѣйся надо мной, но помоги, какъ другъ, какъ братъ.

— Хорошо, хорошо, успокойся. Ну, чудакъ!

Въ комнату входила Лиза, сопровождаемая Панкратьевной.

IV.

— Вѣдь, я вамъ говорила, вѣдь, я васъ просила!.. Это ни на что не похоже... я переѣду...— кипятилась Лиза, не обращая вниманія на гостей.

— Ужь извини, матушка, господа-то больно ласковые,—осклабилась Панкратьевна.

- Что вамъ угодно, господа,— продолжала Лиза, обращаясь къ гостямъ, но не поднимая на нихъ глазъ.

— Лиза!—промолвилъ Леонтьевъ.

— Михаилъ Сергѣевичъ! Ты... вы вернулись?— бросилась она къ нему, схвативши за обѣ руки.— Здравствуйте!— ласково кивнула она головою Павлову.

Тотъ холодно поклонился.

- Говорила, что уломаютъ, — промолвила Панкратьевна, отходя къ двери.

Наступило неловкое молчаніе.

Да, Лиза, я вернулся и вернулся за тобой, -заговорилъ первый Леонтьевъ.—Вернулся снова повторить тебѣ то, что говорилъ не далѣе, какъ вчера утромъ: будь моею женою. Я проѣхалъ уже почти до Москвы, но въ разлукѣ съ тобою, оставивъ тебя все же на днѣ пропасти, меня неотступно преслѣдовала мысль: въ силахъ-ли ты будешь одна выбраться изъ этой пропасти. Я понялъ тогда, какъ дорога ты мнѣ и не могъ ѣхать далѣе. Павловъ можетъ подтвердить тебѣ, какъ сильно и глубоко мое чувство; онъ все утро былъ свидѣтелемъ моего волненія отъ неизвѣстности: найду-ли я тебя, согласишься-ли ты! Павловъ, да скажи же ты хоть одно слово.

— Да. Елизавета Андреевна, мой совѣтъ— согласиться, такъ какъ въ настоящую минуту вашъ отказъ убьетъ его.

— Какъ! и вы, Иванъ Антоновичъ, совѣтуете мнѣ согласиться? Мнѣ казалось, что вы были всегда противъ этого брака.

— Я, Елизавета Андреевна, всегда противъ поступковъ, совершаемыхъ подъ вліяніемъ увлеченія, а бракъ этотъ я считалъ однимъ изъ такихъ поступковъ.

— А теперь развѣ вы перемѣнили мнѣніе?

— Теперь я увидѣлъ, что это не простое увлеченіе, не вспышка, а идея, глубоко засѣвшая въ его головѣ, и понялъ, что противъ этого всякая борьба безсильна, а потому и подаю вамъ совѣтъ—согласиться, иначе, повторяю, вашъ отказъ можетъ убить его.

— Да, именно, Лиза, можетъ убить,—почти со слезами въ голосѣ промолвилъ Леонтьевъ.

— Если такъ,—послѣ нѣкотораго раздумья рѣшила Лиза, подавая ему руку,—я вѣрю вамъ, я согласна.

— Лиза, дорогая моя, благодарю тебя!—бросился онъ къ ней и принялся цѣловать ей руки.

— Вы, хозяйка,—обратился онъ Панкратьевнѣ, соберите ея вещи. Мы уѣдемъ сейчасъ, а за ними я пришлю послѣ.

— Слушаю-сь, будьте покойны, все въ цѣлости будетъ, тряпки ни единой не пропадетъ; а вотъ насчетъ денегъ, что онѣ мнѣ впередъ заплатили, возвратить не могу, потому всѣ истратила до единой копѣйки.

— И не надо никакихъ денегъ. Богъ съ ними совсѣмъ.

— Ты пока переѣдешь въ отдѣльный номеръ той же гостиницы, гдѣ я остановился.—обратился онъ снова къ Лизѣ.—Въ нѣсколько дней мы уладимъ всѣ формальности и уѣдемъ изъ Петербурга счастливые и довольные. Пойдемъ, милая, дорогая моя.

Онъ взялъ ее подъ руку и уже направился къ двери.

— Нѣтъ, извините,—остановила она его, отнимая руку,—я слишкомъ скоро согласилась. Я вѣрю вамъ, но не вѣрю себѣ. Если я первые, когда вы мнѣ сдѣлали это предложеніе, не согласилась, то не потому, что не люблю васъ. Нѣтъ, мнѣ кажется, я почти убѣждена, что люблю; потому-то я и предлагала вамъ ѣхать съ вами въ качествѣ любовницы, но не жены. Мнѣ страшно было, да и теперь страшно, связать васъ собой навсегда, между тѣмъ, какъ я не знаю, въ состояніи-ли я, послѣ двухлѣтней праздной, разгульной жизни, начать и продолжать ту жизнь, которую вы мнѣ рисовали. Она, можетъ быть, привлекаетъ меня, какъ новинка, но когда прелесть новизны пройдетъ, то можетъ показаться мнѣ скучной, а скука для нашей, уже разъ сбившейся съ пути, сестры страшная вещь; отъ скуки мы готовы рѣшиться на все. Вотъ что я хотѣла вамъ сказать. Подумайте, пока не поздно.

– Это, по крайней мѣрѣ, честно,—замѣтилъ Павловъ.

— Мнѣ нечего думать, Лиза,—съ жаромъ возразилъ Леонтьевъ.—Я знаю тебя лучше, чѣмъ ты сама. Ты клевещешь на себя.

— Желаю отъ души, чтобы ошибалась я, а не вы. Я уже согласилась и снова повторяю свое согласіе быть вашей женой. Дай Богъ, чтобы я нашла въ себѣ силы, согласно моему настоящему искреннему желанію, совершенно исправиться и твердою ногою пойти по этому, новому для меня, пути. Но если это бремя окажется мнѣ не по силамъ, если любовь моя къ вамъ окажется не на столько сильной, чтобы заглушить всѣ мои дурные инстинкты и они проснутся, если вмѣсто счастья, которое я всѣми силами души моей желаю дать вамъ и котораго вы безусловно стоите, вы найдете го мнѣ свою погибель, то не пеняйте на меня: я васъ предупреждала.

Съ этими словами Лиза взяла Леонтьева подъ руку и сама повернула его по направленію къ двери.

Павловъ вышелъ вслѣдъ за ними.

Ну, дѣла!—развела руками Панкратьевна. - Эдакое счастье Лизуткѣ съ неба свалилась. Ну, да не на долго. Такія изъ ихъ сестеръ рѣдко въ хорошія жены да матери выходятъ. Наскучитъ—мужа по боку и только хвостъ ему съ какимъ-нибудь молодцомъ покажетъ. Одначе,

комната-то опросталась. Чѣмъ ей даромъ стоять, пущу-ка Варюшку. Дѣвченка она ладящая, да ужь больно просилась.

И Панкратьевна отправилась на кухню одѣваться.

* * *

Недѣли черезъ двѣ послѣ описаннаго разговора товарищи Михаила Сергѣевича провожали молодыхъ Леонтьевыхъ по николаевской желѣзной дорогѣ.

Что дало имъ будущее, сбылись-ли радужныя мечты идеалиста Леонтьева или оправдались практическіе взгляды Павлова и Панкратьевны—мы узнаемъ впослѣдствіи.

V.

Послѣ описанныхъ нами въ предъидущихъ главахъ событій прошло болѣе десяти лѣтъ, за время которыхъ мы, вмѣстѣ съ Иваномъ Антоновичемъ Павловымъ, потеряли изъ виду главныхъ дѣйствующихъ лицъ нашего разсказа—молодыхъ Леонтьевыхъ. Еще первый въ началѣ получалъ кой-какія извѣстія о ихъ жизни въ письмахъ его стараго друга, сперва дышавшихъ вѣрою въ свои силы, радужными надеждами на будущее,—характеристическими чертами склада ума идеалиста Леонтьева,—но потомъ становившихся все сдержаннѣе и короче и, наконецъ, въ

послѣднихъ изъ нихъ, полученныхъ передъ отъѣздомъ Павлова изъ Петербурга на югъ Россіи, куда онъ перебирался на постоянное жительство, между строкъ читалось разочарованіе и скорбь, и эти междустрочныя свѣдѣнія рисовали ихъ жизнь въ далеко непривлекательномъ свѣтѣ. Это было лѣтъ за шесть до имѣющихъ быть разсказанными послѣдующихъ событій. Павловъ уѣхалъ, переписка прекратилась, друзья потеряли другъ друга изъ виду, тѣмъ болѣе, что почти за день до своего отъѣзда Иванъ Антоновичъ получилъ отъ Леонтьева письмо, весьма коротенькое, лаконически извѣщающее его, что онъ вышелъ въ отставку и выѣзжаетъ изъ города, но куда, зачѣмъ, къ чему—эти вопросы остались открытыми. Считаемъ не лишнимъ упомянуть еще объ одномъ событіи, случившемся незадолго до полученія вышеизложеннаго письма, короче — о встрѣчѣ Павлова на одной изъ улицъ Петербурга съ барыней, которая, замѣтивъ его, быстро перешла на противоположную сторону. „Это была она, жена Леонтьева“, заключилъ онъ свой разсказъ объ этой встрѣчѣ въ кругу ихъ общихъ знакомыхъ.

* * *

На дворѣ стояла глубокая осень. Часовъ около одинадцати ночи къ подъѣзду средней руки трактира, помѣщающагося по набережной Екатерининскаго канала, близъ Каменнаго моста,

подъѣхали въ извощичей пролеткѣ трое мужчинъ: двое изъ нихъ, въ сиотовыхъ шубахъ и мѣховыхъ шапкахъ, принадлежали, повидимому, къ купеческому сословію, а третій, сидѣвшій на козлахъ, представлялъ изъ себя на видъ нѣчто весьма неопредѣленное: одѣтый въ невозможно короткое драповое, до нельзя вытертое пальто, представлявшее изъ себя скорѣе снятый съ чужого плеча пиджакъ, чѣмъ пальто, изъ-подъ котораго видѣлись неопредѣленнаго цвѣта брюки, засунутые въ смазныя сапоги, испещренные массою заплатъ и покрытые сплошною грязью; шея была окутана шерстянымъ шарфомъ, имѣвшимъ когда-то красный цвѣтъ, а теперь получившимъ отъ времени грязно-кирпичный цвѣтъ. Субъектъ этотъ представлялъ изъ себя одного изъ рельефныхъ представителей завсегдатаевъ портерныхъ лавокъ и другихъ притоновъ Сѣнной площади и только торчащіе щетинистые усы на давно небритомъ лицѣ, фуражка съ краснымъ околышемъ, да орденская лента, нашитая на бортъ пальто-пиджака, указывали, что этотъ субъектъ не только изъ благородныхъ, но даже изъ военныхъ. Компанія, расплатившись съ извощикомъ, начала взбираться по грязной лѣстницѣ трактира, освѣщенной керосиновой лампой съ рефлекторомъ.

Пока засуетившіеся половые отводятъ дорогимъ гостямъ отдѣльную комнату, познакомимъ хотъ нѣсколько съ ними читателей. Двое прилично одѣтыхъ были петербургскіе купцы-аферисты: Га-

рила Ивановичъ Климовъ и Прохоръ Кузьмичъ Ветошкинъ, а субъектъ въ пальто-пиджакѣ носилъ короткое наименованіе Аристарха. Не имѣя опредѣленныхъ занятій, онъ жилъ у Климова, что называется, „по милости на кухнѣ".

Но вернемся за ними въ отдѣльную комнату трактира, описывать которую едва-ли предстоитъ надобность, такъ какъ онѣ всѣ похожи одна на другую, съ неизбѣжными диванами и стульями съ мягкими сидѣньями, зеркаломъ въ простѣнкѣ, загаженнымъ мухами, большимъ столомъ, покрытымъ скатертью сомнительной чистоты и съ красующимся на немъ классическимъ бронзовымъ канделябромъ, почищеннымъ, гѣроятно, со вретенъ француза.

— Ну, кажись, это въ четвертое мѣсто путаться пріѣхали; а все Капитонъ Марковичъ: какъ выпьетъ, нигдѣ, то-есть, по нраву ему не приходится,—заговорилъ первый, снимая съ себя, при помощи половыхъ, шубу и обращаясь къ Климову.

— Да, ужъ путаникъ...—подтвердилъ послѣдній.—Въ первый разъ я съ нимъ въ компаніи по бутылочной части; въ жисть такого путаника не видалъ.

— Ну, малецъ, обратился Прохоръ Ильичъ къ половому, который, повѣсивъ шубы на гвоздики, вбитые въ стѣнѣ, стоя на вытяжкѣ у дверей ожидалъ приказаній,—подай-ка ты намъ сюда водочки разной и закусочки обстоятельной, ку-

ческой, икорки зернистой съ калачикомъ тепленькимъ, селедочки съ гарнирчикомъ, осетринки, селяночки порціи три или четыре, да ветчинки столько же, огурчиковъ соленькихъ, да прихвати и квасу баварскаго, приборовъ, значитъ, на шесть персонъ.

Половой исчезъ.

— Перцовки бы теперь не вредно,—глухимъ басомъ произнесъ Аристархъ.

— Перцовки? замѣтилъ Прохоръ Ильичъ.— Что-жъ, закажи, а мы выпьемъ.

— При карманной несостоятельности нахожусь, а эти ракаліи карману одному поклоняются, а доблести ни во что не ставятъ.

— А ты бы хотѣлъ, чтобы за твои доблести тебя даромъ перцовкой поили? Ну, прокуратъ! Слышь, Гаврила Ивановичъ, на что ихъ благородіе жалуется? обратился Прохоръ Кузьмичъ къ Климову.

— Слышу, слышу, отвѣчалъ тотъ, занятый разсматриваніемъ прейсъ-куранта; —рацеи-то эти мнѣ извѣстны; третій годъ его при себѣ держу, потому какъ я въ пьяномъ образѣ, люблю, чтобы онъ мнѣ штурму представлялъ: занятно.

— Штурмъ —это я могу, становясь въ позу, заявилъ Аристархъ,—потому въ кампаніи бывалъ, турецкія звѣрства видѣлъ.

— Ой-ли, не врешь?—усумнился Прохоръ Кузьмичъ.—Чай изъ-подъ пушекъ гонялъ лягушекъ.

— Знакъ отличія имѣю, а потому на ваше словоизверженіе отвѣта не даю...— обидѣлся Аристархъ.

— Ишь, какой обидчивый!

— Человѣка въ бѣдности обидѣть не мудрено; заслуги въ томъ не полагайте.

— Ну, не сердись, перцовки велю подать.

— Перцовкой обиды не зальешь... Кровь, можно сказать, за отечество проливалъ и ничего отъ современниковъ, кромѣ глумленія, не вижу. Parole d'honneur—обидно.

— Ну, не серчай,—вмѣшался въ разговоръ Гаврила Ивановичъ;—не всякое лыко въ строку въ компаніи ставить. Парень пронзительный,—замѣтилъ онъ, обращаясь къ Ветошкину,—за то его и люблю. Что хошь говори, а доблестей и заслугъ его не трошь, свирѣпѣетъ. Что это наши запропастились?

— Да, видно, опять философъ съ козелъ упалъ, такъ усаживаютъ.

— А что хотѣлъ я тебя, Прохоръ Ильичъ, спросить: что за человѣкъ этотъ философъ? Монахъ—не монахъ и взглядъ такой дикій имѣетъ,—произнесъ Гаврила Ивановичъ, присаживаясь къ столу.

— Презанятная это, братъ, исторія,—началъ тотъ, усаживаясь на диванъ.—Мишка-философъ этотъ—первѣющій человѣкъ былъ: всѣ науки произошелъ, въ университетѣ курсъ кончилъ и учителемъ былъ, да, вотъ, лѣтъ пять, какъ свих-

нулся. Года съ два у Капитона Марковича на кухнѣ живетъ и по трактирамъ безпремѣнно съ нимъ путается. Винища этого садитъ—страсть; кажинный день ему Капитонъ Марковичъ порцію—штофъ—отпускаетъ. Въ пьяномъ образѣ тихъ, а при трезвости—удавиться норовитъ и веревку на сей предметъ при себѣ держитъ, не разстается съ ней; а выпьетъ—молчитъ и все въ одну точку смотритъ. Разговору въ то время никакого имѣть не можетъ, окромя ежели касательно веревки и то коротко отвѣтитъ, что въ новыя мѣста на ней ѣхать хочетъ. Видимо, человѣкъ въ разумѣ поврежденъ.

— И съ чего бы это съ нимъ приключилось?

— Съ чего? Вѣстимо съ чего нашъ братъ свихивается—изъ-за бабы. Жена у него безпутная вышла и съ офицеромъ сбѣжала, а какъ укладывалась, веревку-то отъ чемодана и позабудь. Надъ ней-то, надъ веревкой, значитъ, онъ и помутился. Купецъ одинъ изъ его города лѣтомъ въ Питеръ пріѣзжалъ, да Капитону Марковичу и разсказывалъ.

— Полагаю, болѣе отъ слабости духа,—пробасилъ Аристархъ.

— Ишь, разсудилъ. Ну, а ты, ваше благородіе, отчего на такую точку снизошелъ—присталъ къ нему снова Прохоръ Пльичъ.

— За правду пострадалъ!

VI.

Тѣмъ временемъ на столѣ появилась водка и закуска.

— Селянка въ минуту-съ готова будетъ,— заявилъ половой, раскупоривая послѣднюю бутылку.

— И безъ нея пока управимся,— замѣтилъ Прохоръ Кузьмичъ. -Перцовки ихъ благородію еще бутылочку приспособь.

Половой удалился.

— Ну-съ, а мы пока, Гаврила Ивановичъ, выпьемъ,—продолжалъ Прохоръ Кузьмичъ, наливая рюмки.—А ты, ваше благородіе,—обратился онъ къ Аристарху,—перцовки дожидаться станешь или съ нами по свѣтланѣ пройдешься?

— Въ компаніи деготь пить стану,—выпалилъ Аристархъ.

Собесѣдники выпили и принялись закусывать.

Вошелъ половой, откупорилъ и поставилъ на столъ бутылку перцовки и, таинственно наклонившись къ Климову, произнесъ:

— Гаврила Ивановичъ не вы будете-съ?

— Ну, я,—вытаращилъ на него глаза послѣдній.

— Барышня тутъ одна къ вамъ сюда войти просятъ. такъ не обезпокоятъ-ли?

— Какая тамъ барышня?

— Одно слово—дѣвица.

— Ну, жидъ ее дери, пусть входитъ,—рѣ-

нилъ Прохоръ Кузьмичъ, опрокидывая вторую рюмку.

Половой отворилъ дверь и произнесъ лаконическое: „Пожалуйте!“, а самъ удалился.

Въ комнату вошла женщина, опредѣлить лѣта которой по чертамъ ея лица, покрытаго толстымъ слоемъ бѣлилъ и румянъ, было весьма затруднительно. Одѣта она была въ платье цвѣта бордо съ шлейфомъ и съ приподнятымъ передомъ, изъ-подъ котораго виднѣлись шагреневые ботинки съ стальными пуговицами,—словомъ, съ претензіей на „убогую роскошь“. Своимъ костюмомъ она не оставляла никакого сомнѣнія о родѣ ея профессіи.

— Лизутка, вотъ те фишь, ты какъ сюда попала?—удивился Гаврила Ивановичъ.

Сидѣла я въ общей залѣ,—отвѣчала та,—съ подругами чай пила, а вы тоже съ ними прошли. Вижу, какъ будто Гаврила Ивановичъ. Дай, думаю, понавѣдаюсь, можетъ, по пьяному дѣлу да и по старому знакомству и мы съ подругами въ вашей компаніи не лишніе будемъ.

— А васъ сколько?

— Со мной—четверо.

— Ну, Лизка, за умъ люблю, въ самую точку попала. Тутъ еще два благопріятеля съ прихвостнемъ, какъ и мы, подъѣдутъ, а вы въ общей залѣ сидите и своей линіи ждите; полового пришлемъ. А рублишку за догадку получи на чай,—

закончилъ Гаврила Ивановичъ, вынимая изъ бумажника и подавая Лизѣ депозитку.

— Благодарю васъ. Такъ въ ожиданіи,—произнесла Лиза, принимая деньги, и вышла.

— Бутончикъ первосортный! — осклабился Аристархъ.

— Не для тебя, ваше благородіе,—замѣтилъ Прохоръ Кузьмичъ. —Деньгу, какъ видно, любитъ.

— И доблести ни во что не ставитъ, —вздохнулъ первый.

— Ни-ни. Это, Гаврила Ивановичъ, какая же будетъ?—освѣдомился Ветошкинъ у Климова.

— Краля одна,—отвѣчалъ тотъ. —Прошлый годъ въ Нижнемъ я съ ней почти всю ярманку путался. Баба -огонь; только сколько я ихъ сестры на своемъ вѣку не перевидалъ -такой не видывалъ: съ придурью; какъ выпьетъ -ни за что придерется и такія рѣчи говоритъ, что твой аблакатъ, натощакъ даже не разберешь; а главное—суматошна у къ очень: на мѣстѣ единомъ въ жисть долго не усидитъ; на гулянье-ли, въ трактиръ, али въ кіятеръ съ ней пріѣдешь, четверть часа пробудетъ—и дальше вези, а то въ грусть ударится, плачетъ и очень; помню я, тогда мнѣ, по пьяному дѣлу, это въ ней нравилось.

— Ишь ты! -удивился Прохоръ Кузьмичъ.

— Къ мѣсту себя не приспособитъ,—философски замѣтилъ Аристархъ.

— Да, а замужняя, изъ благородныхъ и обра-

зованныхъ.—продолжалъ Гавріла Ивановичъ,—но отъ этого самаго непосѣдства судьбы своей не нашла; отъ мужа ушла, да и съ другимъ навѣкъ ужиться не можетъ; надоѣстъ—скучать зачнетъ; такимъ манеромъ она въ Нижній отъ одного тутъ, изъ Питера, съ другимъ сбѣжала; въ Нижній пріѣхала—того бросила, со мной спуталась, а къ концу ярманки и отъ меня съ армяниномъ сбѣжала.

— Поди-жъ ты, уродится такая,—замѣтилъ Ветошкинъ.

— Непостоянство чувствъ оказываетъ,—глубокомысленно произнесъ Аристархъ.

Собесѣдники снова приложились къ водочкѣ.

За дверью послышался шумъ и въ комнату ввалилась ожидаемая компанія изъ трехъ человѣкъ: двое изъ нихъ, какъ и въ первой компаніи, представляли изъ себя также два солидныхъ экземпляра изъ нашего апраксинскаго купечества, а третій имѣлъ видъ какого-то юродиваго, сходство съ которымъ довершалъ его костюмъ: на немъ былъ надѣтъ родъ монашескаго подрясника, покрытаго комьями свѣжей грязи. Оплывшее лицо, носъ синебагроваго цвѣта—указывали на рьяное съ его стороны поклоненіе Бахусу. Онъ весь дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ.

Пока услужливые половые помогаютъ первымъ двумъ разоблачаться, мы можемъ заняться ихъ рекомендаціей: петербургскіе купцы Капитонъ Марковичъ Пудовъ и Силантій Ильичъ

Силовъ и вышеупомянутый Мишка-философъ къ вашимъ услугамъ, милостивые государи и государыни.

— Честной компаніи хлѣбъ да соль! Вотъ и мы!—произнесъ, присаживаясь къ столу, Капитонъ Марковичъ.

Его примѣру послѣдовалъ также и Силантій Ильичъ.

— Что долго? Ужъ мы заждались,—спросилъ Прохоръ Кузьмичъ.

— Да все философъ: конѣ, не въ примѣръ прочимъ, разомъ ужъ очень ослабъ; все съ козелъ валится. Вѣдь, все же христіанская душа, не въ грязи же оставлять; ѣхали тихо и поминутно останавливались. Ну, живая душа на костыляхъ,—продолжалъ Пудовъ, обращаясь къ Мишкѣ,—присаживайся да выпей; чай измокъ. Веревка-то цѣла?

— Цѣла, благодѣтель, цѣла,—торопливо вынимая изъ кармана въ четверо сложенную веревку отвѣтилъ Мишка.

— Ну, коли цѣла, такъ садись.

— Сяду, благодѣтель, сяду,—дрожащимъ голосомъ произнесъ онъ, усаживаясь.—А тамъ и въ путь.

— Далеко-ли?—полюбопытствовалъ Гаврила Ивановичъ.

— Въ новыя мѣста, благодѣтель, въ новыя мѣста.

— Онъ ужъ пять лѣтъ какъ все собирается,— замѣтилъ Капитонъ Марковичъ.

Вошедшій половой внесъ селянку и прибор.

— А вотъ и селяночка! Ну-ка, начнемъ!— наливая рюмки произнесъ Прохоръ Кузьмичъ.

Собесѣдники принялись за дѣло.

— А мы тутъ безъ васъ дѣльце оборудовали,—накладывая себѣ на тарелку селянку обратился Прохоръ Кузьмичъ къ Пудову.

— Какое?

— Можемъ вамъ, значитъ, большое развлеченіе предоставить.

— Ну?!

— Четыре штуки мамзельнаго сословія по первому зову будутъ; въ общей залѣ дожидаются.

— Хороши? освѣдомился Силантій Ильичъ.

— Что сюда ходила—не вредная.

— Какъ сюда?!—удивился Капитонъ Марковичъ.

— Да вотъ, къ Гаврилѣ Ивановичу; съ знакомствѣ съ нимъ оказалась.

— Ишь, бык те бодай, старый путаникъ,— кивнулъ Силантій Ильичъ головой на Климова.—Такъ хороша, говоришь?

— Антикъ - муаръ! —произнесъ Аристархъ, прожевывая кусокъ ветчины.

— Ишь, у кота-то слюнки потекли, —захохоталъ Капитонъ Марковичъ.—Что-къ, позвать

не вредно; съ мамзелями оно не въ примѣръ вольготнѣе.

— Эй, малецъ!—закричалъ Гаврила Ивановичъ и захлопалъ въ ладоши.

VII.

Вбѣжавшій половой наклонилъ голову.

— Вотъ что, милый ты человѣкъ,—обратился къ нему Гаврила Ивановичъ:—въ общей у васъ залѣ четыре мамзели чайкомъ балуются,—одна еще сюда входила,—такъ, поди, тащи ихъ къ намъ, понялъ?

— Понялъ-съ, какъ не понять-съ,—ухмыльнулся половой;—въ минуту-съ

— Ну, а теперь, други мои, для куражу, чтобы намъ передъ сими мамзелями лицомъ въ грязь не ударить, выпить надо,—предложилъ Капитонъ Марковичъ.

Собесѣдники не отказались.

— Плутъ-съ,—возвестилъ вошедшій половой.—За ихъ чай въ вашъ счетъ прикажете-съ?

— Валяй хоть въ нашъ, все единственно,—замѣтилъ Капитонъ Маркович.

— Слушаю-съ, произнесъ половой, распахнулъ двери и впустилъ Лизу съ ея подругами, а самъ вышелъ.

Описывать вошедшихъ мы находимъ совершенно излишнимъ. Это были заурядныя личности, весьма мѣтко охарактеризованныя половымъ фразою: „одно слово—дѣвицы“.

— А, красныя дѣвицы, милости просимъ!— произнесъ, потирая руки, Каинтонъ Марковичъ.

— Здравствуйте, будьте знакомы. — почти хоромъ начали эти послѣднія, здороваясь съ находящимися въ комнатѣ гостями, исключая Аристарха и Мишки, который сидѣлъ задумчиво у стола, вперивъ свой мутный взглядъ въ одну точку.

— Charme!—произнесъ, привскакивая, Аристархъ, когда Лиза съ подругами подошли къ столу.

— Не шармань,—осадилъ его Гаврила Иванычъ.—Вы, краля, на него много вниманія не обращайте, потому, хотя онъ и воинъ, но шишгель; а ты, Лизутка, ко мнѣ присаживайся по старой памяти.

Лиза исполнила его желаніе, остальныя тоже разсѣлись рядомъ съ собутыльниками.

— Мы сами тоже людей различать умѣемъ,— фыркнула одна изъ вошедшихъ, брюнетка Маша, отвернувшись отъ вскочившаго Аристарха и садясь рядомъ съ Пудовымъ.

Тотъ, обиженный, усѣлся на мѣсто и налилъ себѣ рюмку.

— Вотъ умница,—обратился Каинтонъ Марковичъ къ Машѣ.—Ну, чѣмъ же васъ, кралечки наши, угощать? Аль по водочкѣ пройдемся?

— Что вы-съ, дамское сословіе и, вдругъ, сивушнымъ масломъ угощаете! Это съ нашей

стороны даже, можно сказать, невѣжливо,—обидѣлась Маша.

— А чѣмъ же? Принцесса, совсѣмъ принцесса.

— Вашъ куплиментъ совсѣмъ напротивъ, а что насчетъ угощенья, такъ обнаковенно коньячку съ лимонадцемъ, али лафитцу,—жеманно отвѣтила Маша.

— Эй, малецъ,—крикнулъ Капитонъ Маркович.

— Что прикажете-съ?—торопливо вбѣжалъ прислуживающій половой.

— Подай сюда двѣ бутылки коньяку лучшаго, полдюжины лимонадца, да полдюжины лафитца прихвати, да хорошаго! Мигомъ!

— А фрухтовъ прикажете-съ?

— Тащи и фрухты.

Половой исчезъ.

— Ну, а мы съ тобой, Лизутка, сперва простячку хватимъ по старинному?—обратился къ своей сосѣдкѣ Гаврила Ивановичъ.

— Хватимъ.—отвѣтила та и опрокинула налитую рюмку водки.

Ея примѣру послѣдовали остальныя.

— О, золото баба!—разнѣжился захмѣлѣвшій Климовъ.—Поцѣлуемся!

Половой внесъ подносъ съ винами и фруктами, откупорилъ бутылки и началась обыденная купеческая оргія, во время которой расходившіеся купцы и не замѣтили, какъ Мишка.

весь затрясшійся при первомъ звукѣ имени Лизы, перевелъ на нее свой безсмысленный взглядъ, который черезъ нѣсколько времени получилъ вдругъ какое-то осмысленное выраженіе. На его опухшемъ лицѣ отразилось выраженіе какого-то невыносимаго страданія и онъ вдругъ какъ бы сорвался со стула и быстро вышелъ изъ комнаты. Первый хватился его Капитонъ Маркычъ:

— А куда это нашъ философъ подѣвался? И не замѣтилъ я, какъ онъ стрекача далъ,— произнесъ онъ.—Ты, малецъ, поди розыщи его— поврежденный, -отдалъ онъ приказаніе позванному половому.

Тотъ ушелъ. Наступило молчаніе.

— Что пташки пріуныли? Щебечите.—нарушилъ его Прохоръ Кузьмичъ.

— А ты, Лизутка, что носъ повѣсила, только грусть наводишь? Не для того ась въ компанію приглашали,—обратился къ ней Гаврила Ивановичъ.

— Правильно,—замѣтилъ Капитонъ Маркычъ.—Коли на чужой счетъ пьешь и ѣшь, такъ и весели.

— А если не до веселья, грусть напала, сердце щемитъ?—огрызнулась та.

— Ну, тогда ты эту самую грусть до дома оставь, потому намъ за свои-то деньги на нее смотрѣть не модель; а на сердце на твое намъ наплевать, потому, ни на что оно намъ не нужно.

— Да, ежели въ компаніи ваши бабы серд-

ца разбирать, то выдетъ одна прокламація, а не удовольствіе, —согласился съ Пудовымъ Силантій Ильичъ.

— Э, да что бобы-то разводить,—началъ снова Гаврила Ивановичъ,—спой-ка. Лизутка, намъ пѣсню залихватскую,—въ старину ты мастерица была,—а мы всѣ подтянемъ.

— Не хочу!—оборвала та.

— Не хошь? поднялся, пошатываясь, со стула Гаврила Ивановичъ. А знаешь-ли, что тебя за эти рѣчи за косу, да за дверь?

— Попробуй, тронь!—вскочила въ свою очередь та.—Что вы, за людей насъ, что-ли, не считаете и взгрустнуться намъ нельзя изъ-за того, что вы этимъ проклятымъ винищемъ насъ спаиваете, благо толстъ у васъ карманъ за него расплачиваться?

— Молодецъ дѣвка, отбрила, отбрила, захлопалъ въ ладоши Пудовъ.

— Ну, перестань, не дури,—смягчился Гаврила Ивановичъ. Да и грустить-то тебѣ изъ-за чего? Али все о первомъ полюбовникѣ, да о мужѣ вспоминаешь? Сколько лѣтъ уже прошло,—продолжалъ онъ, обращаясь ко всѣмъ и садясь на мѣсто,—а она все о муженькѣ кручинится.

— Молчите, не поминайте мнѣ въ этомъ позорномъ мѣстѣ о моемъ мужѣ! Давно потеряла я его изъ виду, но до сихъ поръ какъ живой стоитъ онъ предо-мной, а нынче почему-то особенно ясно мнѣ представляется...

— Ну, теперь завела канитель до заутрени,— обращаясь ко всѣмъ проговорилъ Гаврила Ивановичъ.

— Сгибла я сама и его погубила,—продолжала Лиза сквозь слезы и почти задыхаясь,— погубила безвиннаго. Сгибъ онъ, несчастный, по винѣ другаго, который обманомъ укралъ у меня раньше изъ сердца всю высокую способность любви, который толкнулъ меня на путь разврата и сойти съ него я была не въ силахъ, не способная очистить себя святою любовью...

— Бѣда, ваше степенство!—прервалъ рѣчь Лизы вбѣжавшій стремглавъ половой.

— Что, что такое? повскакали съ мѣстъ почти всѣ.

— Юродивый-то, что съ вами былъ, въ сосѣдней комнатѣ, на душникѣ возьми да и повѣсься. Мальченка за горчичницей туда побѣжалъ, увидалъ, да какъ взвизгнетъ, такъ и присѣлъ.

Вся компанія повалила въ сосѣднюю комнату, уже почти полную народа.

— За докторомъ пошлите!—приказалъ, на ходу, Капитонъ Марковичъ.

— Послано за докторомъ и за полиціей, - отвѣтилъ ему чей-то голосъ.

Народъ разступился при появленіи знакомыхъ повѣсившагося и очистилъ имъ дорогу къ печкѣ, на отдушинѣ которой висѣлъ Мишка.

Всѣ хранили гробовое молчаніе.

— Это онъ,—вдругъ, среди мертвой тишины, раздался душу раздирающій крикъ Лизы и она, бросившись впередъ, какъ снопъ упала безъ чувствъ къ ногамъ висѣвшаго трупа.

Читатель, вѣроятно, давно узналъ въ Мишкѣ-философѣ Михаила Сергѣевича Леонтьева, а въ Лизѣ его жену—Елизавету Андреевну.

При такихъ трагическихъ обстоятельствахъ состоялась ихъ вторая встрѣча.

ВОИСТИНУ ВОСКРЕСЕ!

(Разсказъ).

Было два часа великой ночи на Свѣтлое Христово Воскресеніе.

Роскошный домъ Сергѣя Прохоровича Сазонова сіялъ огнями.

Въ столовой былъ великолѣпно сервированъ столъ для разговѣнья.

Въ домѣ, кромѣ прислуги, былъ одинъ Сергѣй Прохоровичъ. Вся семья его, состоящая изъ жены, трехъ дочерей и двухъ сыновей, была въ церкви; ему же что-то понездоровилось и онъ остался дома.

На разговѣнье ждали гостей.

— Я здѣсь, кстати, и распоряжусь, — сказалъ онъ женѣ, отправляя ее съ дѣтьми къ заутрени.

Молча ходитъ онъ по своему комфортабельному кабинету въ ожиданіи возвращенія семьи изъ церкви и пріѣзда приглашенныхъ.

Вдругъ онъ остановился посреди комнаты какъ вкопанный.

Глубокія морщины появились на красномъ лбу этого, далеко не стараго человѣка съ легкою просѣдью въ черныхъ, какъ смоль, волосахъ на головѣ и бородѣ, видимо, его осѣнила какая-то гнетущая мысль...

Онъ вспомнилъ своего покойнаго друга и товарища по дѣлу—Павла Николаевича Храброва... Вспомнилъ, какъ они оба начали то дѣло, которое привело его, Сергѣя Прохоровича, къ богатству и почету, а Храброва къ преждевременной могилѣ отъ излишнихъ трудовъ. Вспомнилъ, какъ умирающій просилъ его позаботиться о его семьѣ—женѣ и трехъ малолѣтнихъ дѣтяхъ, и какъ онъ, Сергѣй Прохоровичъ, обѣщалъ ему эту заботу. Но что же онъ сдѣлалъ для этой семьи? Онъ принялъ жену его на службу въ одну изъ своихъ конторъ съ жалованьемъ по тридцати рублей въ мѣсяцъ и на этомъ успокоился. Бѣдная женщина гнетъ спину за эти гроши, на которые она едва перебивается въ маленькой квартиркѣ на Пескахъ съ тремя дѣтьми подростками, съ девяти часовъ утра до восьми часовъ вечера, а ночи проводитъ за домашней работой, а онъ... онъ утопаетъ въ роскоши. Нужда, и имъ когда-то испытанная, представляется ему чѣмъ-то далекимъ, далекимъ. Онъ забылъ ее...

Худая, блѣдная, измученная непосильной работой, вдова Храброва какъ-то особенно рельефно

предстала его воображенію именно такою, какою онъ недавно видѣлъ ее въ конторѣ.

— Ей долго не прожить,—мелькнуло еще тогда въ его головѣ.

А между тѣмъ, покойному Храброву причиталось получить прибылей отъ прекрасно пошедшаго незадолго до его смерти дѣла около пяти тысячъ рублей. Смерть покончила счета, неоспованные на документахъ, и деньги остались въ карманѣ Сергѣя Прохоровича.

- Я воръ, я утаилъ эти деньги отъ его семьи!—какъ-то болѣзненно вдругъ крикнулъ онъ самъ себѣ.—Но почему же только теперь, въ эту великую ночь, я созналъ эту ужасную истину?.. Это Господь вразумляетъ меня. Надо спѣшить.

Быстро подошелъ Сергѣй Прохоровичъ къ вдѣланному въ стѣнѣ несгораемому шкафу, отперъ его и нервно началъ считать деньги. Отсчитавъ пять тысячъ рублей, онъ положилъ ихъ въ карманъ и вышелъ въ переднюю.

— Скажи барынѣ, что я буду черезъ полчаса, чтобы подождали меня, сказалъ онъ лакею, подававшему ему пальто.

— Слушаю-съ!—стереотипно отвѣтилъ тотъ.

Сергѣй Прохоровичъ вышелъ изъ дому.

Стояла чудная теплая ночь. Въ городѣ царствовала какая-то торжественная тишина, изрѣдка прерываемая отдаленнымъ стукомъ экипажа. На улицахъ было пусто—всѣ были въ церквахъ. Но

чу... раздался звонъ колокола, сперва въ одномъ мѣстѣ, затѣмъ, какъ эхо, въ нѣсколькихъ другихъ и, наконецъ, въ воздухѣ повисъ, какъ бы медленный сѣрку, какой-то радостный, до сердца проникающій гулъ,—это звонили къ обѣднѣ.. Сергѣй Прохоровичъ, съ удовольствіемъ вдыхавшій въ себя мягкую свѣжесть теплой ночи, перекрестился...

— Какъ хорошо!—невольно сказалъ онъ самъ себѣ.

Долго шелъ онъ пѣшкомъ, пока не нашелъ извощика, въ пролетку котораго и сѣлъ не торгуясь.

— На Пески, въ пятую улицу! приказалъ онъ возницѣ.

Съ трудомъ отыскалъ во дворѣ громаднаго дома квартирку Храбровой. Сергѣй Прохоровичъ постучался въ указанную ему дворникомъ дверь, которую отворила сама хозяйка и какъ бы окаменѣла отъ удивленія.

Опрятная нищета, которая страшнѣе нищеты непокрытой, проглядывала во всей обстановкѣ этого убогаго жилища.

Въ квартирѣ еще не спали. Мать, съ тремя дѣтьми, разговлялась за скудною трапезою.

— А я къ вамъ, не ждали? началъ Сергѣй Прохоровичъ, вступая въ комнату.

Храброва все еще не могла произнести ни слова.

— Въ эту великую ночь, когда Воскресшій

Спаситель міра запечатлѣлъ наше искупленіе отъ грѣховъ, я хочу искупить мой тяжкій грѣхъ передъ вами и вашимъ сыномъ: готъ пять тысячъ рублей, принадлежащіе ему, такъ какъ это—половина прибыли, полученной съ нашего дѣла еще при его жизни. Возьмите и простите меня, протянулъ онъ ей пачки.

— Христосъ воскресе! машинально произнесла все еще непонимающая Храброва.

— Воистину воскресе! набожно отвѣтилъ Сергѣй Прохоровичъ.

Они похристосовались.

Затѣмъ онъ перецѣловалъ дѣтей, обѣщалъ имъ прислать на другой день по яйцу, снова объяснилъ Храбровой, какія деньги онъ привезъ ей и, пожелавъ ей счастія, уѣхалъ.

— Христосъ воскресе! встрѣтили его дома жена, дѣти и собравшіеся гости.

— А мы заждались тебя, сказала супруга. Куда это ты ѣздилъ ночью?

Сергѣй Прохоровичъ въ короткихъ словахъ передалъ причины и цѣль своего отъѣзда.

— Зато теперь я могу спокойно и неличемѣрно отвѣтить вамъ: воистину воскресе!—закончилъ онъ свой разсказъ и началъ христосоваться съ семьей и гостями.

ПРОЩЕНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ.

(Изъ личныхъ воспоминаній).

— Доброе слово, въ часъ сказанное, сила, государь мой, великая сила.

Такъ сказалъ, между прочимъ, нашъ приходскій священникъ, отецъ Алексѣй, когда, послѣ обѣдни, въ воскресенье, я, по обыкновенію, зашелъ напиться чаю къ гостепріимному пастырю и къ не менѣе радушной его хозяйкѣ—матушкѣ-попадьѣ Маріѣ Андреевнѣ.

Передъ нами дымились уже не первые стаканы душистой китайской влаги и мы основательно успѣли отдать должную честь разнымъ „явствамъ и питіямъ", большею частью домашняго приготовленія, собственноручнаго или подъ наблюденіемъ матушки-попадьи, отъ которыхъ буквально ломился столъ съ стоявшимъ на немъ свистѣвшимъ и пыхтѣвшимъ внушительныхъ

размѣровъ самоваромъ, вычищеннымъ до блеска червоннаго золота.

Отецъ Алексѣй былъ свѣжій и бодрый старикъ лѣтъ шестидесяти съ умнымъ и добродушно открытымъ лицомъ—весьма рѣдко встрѣчающее соединеніе.

Около двадцати лѣтъ служилъ онъ все въ одномъ и томъ же богатомъ петербургскомъ купеческомъ приходѣ и былъ положительно боготворимъ своими духовными дѣтьми, привлекая ихъ и своевременною строгостью, и своевременнымъ словомъ утѣшенія, и добродушно-веселымъ нравомъ во благовременіи.

Господь благословилъ его двумя, какъ принято называть, „красными" дѣтками: сыномъ и дочерью. Первый учился въ университетѣ и жилъ отдѣльно отъ отца, а вторая была замужемъ за однимъ изъ московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.

Отдѣльная жизнь сына была далеко не результатомъ натянутыхъ отношеній съ отцомъ. Напротивъ, отецъ Алексѣй самъ настоялъ на этомъ, не желая стѣснять молодаго человѣка, избравшаго себѣ иную, свѣтскую дорогу.

— Сами были молоды, сами были студентами, хоть и духовными, а бѣгалось къ товарищу, что въ родительскомъ домѣ живетъ, на канатѣ не затащутъ. И сидитъ онъ, горемычный, силкомъ одинъ, или самъ изъ-подъ крова родительскаго убѣжитъ; а для молодежи обмѣнъ мыслей

первое дѣло. Въ спорахъ они и разнимаются... Ну, покутятъ тамъ,—Богъ съ ними,—всѣ мы люди, всѣ мы человѣки, а за то ума другъ отъ друга набираются... Ко мнѣ придетъ—милости просимъ, значитъ, по доброй волѣ съ отцомъ-старикомъ побесѣдовать желаніе возымѣлъ,—говаривалъ отецъ Алексѣй, когда заходилъ разговоръ о его сынѣ.

Такимъ образомъ онъ жилъ лишь вдвоемъ съ женою, почтенною старушкою, такою же, какъ и онъ, свѣжею, бодрою и веселою, въ маленькомъ флигелѣ его собственнаго дома, стоявшемъ въ глубинѣ обширнаго двора и окруженномъ небольшимъ садикомъ съ выкрашенною яркою зеленою краскою рѣшеткою уютномъ гнѣздышкѣ двухъ состарившихся голубковъ, какими несомнѣнно представлялась всякому эта примѣрная супружеская чета.

Въ маленькой уютной столовой этого-то флигелька и шелъ тотъ разговоръ за чайкомъ, который служитъ предметомъ настоящаго разсказа.

Было это лѣтъ десять тому назадъ, въ послѣднее воскресенье на масляницѣ, именуемое прощенымъ.

Темою разговора была только-что произнесенная отцомъ Алексѣемъ проповѣдь на тѣ изъ молитвы Господней: „и остави намъ долги наши, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ".

Отецъ Алексѣй былъ одинъ изъ выдающихся петербургскихъ проповѣдниковъ.

Основная идея этой проповѣди была та, что мало испросить прощенье у ближняго на словахъ, надо заслужить это прощеніе и дѣломъ, и словомъ, и помышленіемъ, и, главное, самому безусловно, непоколебимо, съ чистымъ сердцемъ, простить враговъ своихъ. „Яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ" —таково условное обращеніе къ Богу-Отцу, предписанное намъ словомъ Бога-Сына.

Проповѣдь эта, произнесенная съ тою силою слова и рельефною картинностью, которыми отличалась рѣчь отца Алексѣя, произвела на слушателей потрясающее впечатлѣніе. Я былъ положительно растроганъ до глубины души и разсыпался въ искреннихъ восторженныхъ похвалахъ проповѣднику.

Не въ картинности и витіеватости сила нашего „духовнаго" слова,—скромно остановилъ меня отецъ Алексѣй, а въ удачѣ и счастіи найдти среди слушателей хоть единую душу, куда на вѣки западетъ сказанное слово, и исполнится на ней слово Евангелія: „А иное сѣмя упало на добрую почву и дало плодъ". Доброе слово, въ часъ сказанное,—сила, государь мой, великая сила!

Не успѣлъ отецъ Алексѣй окончить этой фразы, какъ въ передней раздался сильный звонокъ.

Отворившая горничная пришла доложить, что пришелъ посланный отъ купца Синявина, который

и просить отца Алексѣя немедленно пожаловать къ нимъ.

Гаврила Семеновичъ Синявинъ былъ купецъ-милліонеръ — одинъ изъ выдающихся тузовъ петербургскаго хлѣбнаго берега. Онъ былъ вдовецъ и жилъ съ дочерью, Надеждой Гавриловной, красивой двадцати двухъ-лѣтней дѣвушкой, чернобровой, круглолицей, какъ говорится, кровь съ молокомъ, обладающей тѣмъ типомъ истинной русской красоты, о представительницахъ которой сложилась поговорка: „взглянетъ — рублемъ подаритъ".

Не смотря на милліонное приданое, она продолжала сидѣть „въ дѣвицахъ", и объ этомъ обстоятельствѣ ходили разнорѣчивые толки.

Утверждали, между прочимъ, что она безъ памяти влюблена въ одного изъ „молодцовъ" своего отца, а потому и отказываетъ всѣмъ другимъ женихамъ, но не рѣшается сознаться въ этомъ своему родителю, хотя и боготворящему свою единственную дочь, но человѣку нрава крутаго, способнаго на всевозможныя самодурства подъ девизомъ: „ндраву моему не препятствуй", — девизомъ, впрочемъ, общимъ для представителей сѣраго петербургскаго купечества, во главѣ котораго стоялъ Синявинъ.

Толки эти, однако, большинствомъ относились къ области сплетень.

Мы съ отцомъ Алексѣемъ вышли въ переднюю къ посланному.

— Заболѣлъ, что-ли, кто у васъ?—спрашивалъ отецъ Алексѣй у подошедшаго подъ его благословеніе посланнаго „молодца“.

— Никакъ нѣтъ-съ, батюшка, всѣ, слава Богу, въ добромъ здоровьи...

— Молебенъ, что ли, служить?

— Къ молебну не готовятся.

— Что же случилось?

— Этого мы не можемъ знать, чудное что-то дѣлается...

— Что же такое?

— Вернулись Гаврила Семеновичъ отъ обѣдни, да прямо въ образную и прошли. Съ часъ мѣста тамъ пробыли и вышли оттуда сіяющій такой, радостный, никогда мы его такого не видали. Въ столовую прошли, а оттуда тотчасъ приказъ вышелъ: Алексѣя Нарѳеновича, что у насъ въ кухонныхъ мужикахъ служитъ, и сына его, нашего же „молодца“, Егора Алексѣевича, къ чаю позвать, а меня—бѣжать къ нимъ, а потомъ и ихъ къ намъ пригласить.

Посланный молодецъ при послѣднихъ слогахъ обратился ко мнѣ.

Я былъ уже нѣсколько лѣтъ повѣреннымъ Гаврилы Семеновича.

— Зачѣмъ я-то вмѣстѣ съ отцомъ Алексѣемъ понадобился? Завѣщаніе, что ли, хочетъ переписать? Да, вѣдь, недавно еще оно написано, — недоумѣвалъ я.

Получивъ отвѣтъ, что мы сейчасъ явимся, посланный удалился.

Алексѣй Парѳеновичъ жилъ у Синявина хотя и не совсѣмъ въ „кухонныхъ мужикахъ", какъ выразился посланный, но, собственно говоря, „по милости на кухнѣ".

Нарѣдка изъ досужихъ устъ враговъ Гавріила Семеновича слышались разсказы, что будто бы Парѳенычъ, какъ обыкновенно звали этого худенькаго, вѣчно задумчиваго, молчаливаго, какъ бы пришибленнаго тяжелымъ горемъ старичка, былъ когда-то богачемъ и хозяиномъ Синявина, служившаго у него „старшимъ прикащикомъ". Возвратившись послѣднему, Алексѣй Парѳенычъ задумалъ „вывернуть тулупъ", что на купеческомъ жаргонѣ означаетъ объявить себя несостоятельнымъ. Переведя на его имя всѣ свои лавки и домъ, онъ, по благополучномъ окончаніи несостоятельности сдѣлкою, остался не при чемъ, такъ какъ Синявинъ на отрѣзъ отказался перевести имущество на имя его настоящаго владѣльца. Управы на него искать было нельзя, ибо все было сдѣлано на законномъ основаніи.

Алексѣй Парѳеновичъ сперва роптать и метался, но пробившись, какъ рыба объ ледъ, года два въ Петербургѣ и потерявъ за это время свою жену, онъ смирился и обратился снова къ Синявину, совершившему съ нимъ „коммерческій оборотъ". Тотъ милостиво отвелъ ему мѣсто

въ кухнѣ, а сынишку его, Петра, взялъ мальчикомъ въ одну изъ лавокъ.

Этотъ-то Петръ и былъ тѣмъ „молодцомъ", ради котораго, какъ утверждала молва, Надежда Гавриловна осталась „въ дѣвицахъ". Исторія съ Парфенычемъ, за давностію лѣтъ, повторяемъ, припоминалась лишь изрѣдка и была почти забыта.

Богатыя хоромы Синягина были не вдалекѣ отъ церкви и отъ дома о. Алексѣя, а потому не болѣе какъ черезъ четверть часа послѣ ухода посланнаго мы уже входили въ столовую Гавриды Семеновича.

Въ столовой, кромѣ „самого" и его дочери, были: старушка-тетка Надежды Гавриловны, сестра ея матери, вдова купца, умершаго несостоятельнымъ, занимавшая хорошій этажъ Синягина, и два сосѣда по лавкамъ Гавриды Семеновича, нарочно, какъ мы потомъ узнали, приглашенныхъ хозяиномъ.

Тутъ-то, у стола, въ вѣ сконфуженно-недоумѣвающемъ ожиданіи, на кончикахъ стульевъ, сидѣли: старикъ Алексѣй Парѳеновичъ и его сынъ Петръ,—красивый брюнетъ лѣтъ двадцати пяти.

Не успѣли мы показаться съ о. Алексѣемъ въ дверяхъ столовой, какъ изъ-за стола поднялась красивая, атлетически сложенная фигура Гавриды Семеновича.

Всѣ остальные сидѣвшіе поспѣшили вскочить съ своихъ мѣстъ.

Онъ быстрою, твердою походкою подошелъ къ о. Алексѣю и совершенно неожиданно для него упалъ на колѣни и поклонился ему въ ноги.

Пораженный служитель алтаря остановился недвижимо.

— Великое дѣло совершилъ ты надо мной, добрый пастырь стада Христова,—началъ Спиявинъ, сдѣлавъ три земныхъ поклона:—свѣтъ пролилъ мнѣ въ душу словомъ Божіимъ, просвѣтилъ мой умъ, и совѣсть моя чернѣе ночи мнѣ показалась. Помоги мнѣ и ее освѣтить свѣтомъ истины. Помолись за меня, великаго грѣшника, отецъ мой духовный!

Гаврила Семеновичъ всталъ лицомъ къ громадному образу Спасителя въ массивной золотой ризѣ, висѣвшему въ столовой, божественный ликъ котораго былъ освѣщенъ мягкимъ свѣтомъ литой серебряной лампады.

Отецъ Алексѣй, не отвѣтивъ ему ни слова, сталъ громко читать молитву Господню. При словахъ: „и остави намъ долги наша, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ" изъ груди упавшаго ницъ Спиявина послышались глухія рыданія.

— Яко твое есть царствo и сила и слава во вѣки вѣковъ! Аминь!—закончилъ священникъ и остановился.

Гаврила Семеновичъ поднялся съ колѣнъ.

— Выслушай же теперь, отецъ мой,—снова об-

ратился онъ къ о. Алексѣю, — мою исповѣдь. Выслушайте и вы, православные.

Синявинъ сдѣлалъ намъ всѣмъ три поясные поклона.

— Исповѣдь грѣха моего, который я скрывалъ даже на духу въ теченіи двадцати лѣтъ!

Онъ въ короткихъ словахъ разсказалъ исторію своего поступка съ Парфеныичемъ, уже извѣстную читателямъ.

— Просвѣтленный пастырскимъ словомъ, хочу я смыть съ души моей этотъ тяжкій грѣхъ. Горячо, пришедши отъ обѣдни, молился я и Господь разумѣть меня. Ни мнѣ, ни Алексѣю Парфеновичу не нужно богатства, -о другомъ богатствѣ помышлять намъ пора.—а потому все свое состояніе передаю я сыну его, Петру Алексѣевичу. Васъ прошу я это оформить по закону, но, слышите, все, все! закончилъ онъ свою рѣчи, уже обращаясь ко мнѣ.

Я молча поклонился въ знакъ согласія, положительно потрясенный всей этой сценой.

— А теперь я могу съ чистымъ сердцемъ попросить у тебя, Алексѣй Парфеновичъ, прощенія.

Синявинъ упалъ въ ноги старику, обливаясь слезами.

Тотъ поднялъ его и трижды облобызалъ. Оба нѣсколько времени молча искренно плакали.

Всѣ присутствующіе хранили гробовое молчаніе.

Его нарушилъ Петръ Алексѣевичъ.

Надо, вѣдь, и меня спросить: согласусь-ли я принять этотъ даръ?

Всѣ въ недоумѣніи установились на него.

— Я согласенъ только при условіи, что это состояніе я получу какъ приданое за моей будущей женой, а вашей дочерью Надеждой Гавриловной! твердымъ голосомъ продолжалъ молодой человѣкъ, обращаясь къ Гаврилу Семеновичу.

Онъ подошелъ къ зардѣвшейся, какъ маковъ цвѣтъ, дѣвушкѣ, взялъ ее за руку и подвелъ къ отцу.

— Благословите...

Ныпь будь по твоему! Благодари о. Алексѣя, просвѣтившаго душу мою. Запились ты вчера...

И въ глазахъ Синявина мелькнулъ на секунду прежній огонекъ самодурства, но тотчасъ угасъ.

Онъ обнялъ жениха и невѣсту.

О. Алексѣй, по согласію обоихъ родителей, тоже благословилъ ихъ.

Всѣ успокоились и сѣли за столъ, на которомъ появились дымящіеся блины и всевозможные разносолы.

Во время великаго поста я устроилъ переводъ состоянія, а на красной горкѣ Надежда Гавриловна стала г-жей Парѳеновой.

Гаврила Семеновичъ, совершенно удалившійся отъ дѣлъ, и Алексѣй Парѳеновичъ неуклонно посѣщаютъ и по сей день церковныя службы въ

въ храмѣ, гдѣ и до сихъ поръ священнодѣйствуетъ о. Алексѣй.

Ихъ можно всегда видѣть стоящими рядомъ у алтаря.

Они оба живутъ у сына и дочери.

Дѣла фирмы Петра Парѳенова, бывшей Гавриилы Синявина, идутъ блестяще.

Не смотря на протекшія десять лѣтъ, для меня памятно, и, вѣроятно, останется памятно на всю жизнь, это прощеное воскресенье, и я душой понимаю до сихъ поръ звучащія въ моихъ ушахъ слова о. Алексѣя:

— Доброе слово, въ часъ сказанное, — сила, государь мой, великая сила!

ЧЕРНИЛЬНАЯ КЛЯКСА.

(Идиллія).

Ардальонъ Михайловичъ Тихомировъ былъ тогда еще совсѣмъ юноша, не смотря на то, что ему шелъ уже двадцать четвертый годъ; онъ былъ еще мальчикъ наружностью и душою.

Столичная жизнь, въ которую онъ окунулся недавно, пріѣхавши изъ отдаленной провинціи, сопутствуемый благословеніями родной матери, бѣдной вдовы-чиновницы, собравшей на поѣздку единственнаго сына въ столицу за карьерой послѣднія крохи, не успѣла еще наложить на него свою печать преждевременной зрѣлости. Окончивъ курсъ лишь гимназіи, онъ не могъ разсчитывать на многое и съ помощью нѣсколькихъ лицъ, знавшихъ его покойнаго отца, получилъ мѣсто вольнонаемнаго писца въ одной изъ безчисленныхъ столичныхъ канцелярій.

Кромѣ того, что это былъ вполнѣ приличный, скромный молодой человѣкъ, онъ отличался

еще необыкновенно красивымъ почеркомъ; письмо свое, при стараніи, онъ могъ довести до художественной изящности.

Это скоро выдвинуло его въ глазахъ начальства: ему назначили больше жалованья и стали поручать переписку важныхъ бумагъ, идущихъ къ важнымъ лицамъ. Работу ему приходилось брать и на домъ. Онъ просиживалъ надъ нею цѣлые вечера и часть ночей, но усиленная и кропотливая работа не могла заглушить голоса молодости со всѣми ея мечтами и увлеченіями.

Этотъ голосъ далъ себя знать...

На дворѣ стояла весна, сердце просило любви и Ардальонъ Михайловичъ влюбился.

Предметомъ его страсти была бойкая дѣвушка Марья Петровна Бобылева, сосѣдка по комнатамъ съ Ардальономъ Михайловичемъ.

Оба они нанимали комнаты въ одномъ изъ домовъ на Пескахъ у съемщицы.

Марья Петровна была хорошенькая блондиночка лѣтъ двадцати, работящая дѣвушка, искусная бѣлошвейка, имѣвшая заказы отъ нѣсколькихъ магазиновъ и многихъ частныхъ лицъ. Съ утра до вечера сиживала она за работой, оглашая свою комнату веселымъ пѣніемъ. Симпатичный голосъ невольно западалъ въ душу каждаго.

Ардальонъ Михайловичъ, сидя вечеромъ за работой, невольно, черезъ отдѣляющую ихъ тонкую стѣнку, заслушивался пѣніемъ своей веселой сосѣдки.

Живя рядомъ, они невольно встрѣчались ежедневно и, наконецъ, познакомились.

Ардальонъ Михайловичъ ни за что бы не рѣшился на первый шагъ, но она сама заговорила съ нимъ по какому-то незначительному случаю и знакомство завязалось.

Марья Петровна въ свободную минуту забѣгала въ комнату Ардальона Михайловича посмотрѣть на работу „отмѣннаго калиграфа", какъ она шутя называла его.

Влюбленный Ардальонъ Михайловичъ и наслаждался, и страдалъ отъ этихъ посѣщеній. Безконечная любовь, обуявшая его къ сосѣдкѣ, видѣлась во всѣхъ чертахъ его молодаго симпатичнаго лица, но ни единымъ нескромнымъ словомъ не выдалъ онъ передъ ней свою тайну.

Такъ, по крайней мѣрѣ, казалось ему.

Но для бойкой Марьи Петровны чувства ея сосѣда къ ней далеко не были тайной.

Она давно видѣла его насквозь, цѣнила его скромность и не старалась оттолкнуть, но и перваго шага дѣлать не хотѣла.

Однажды Ардальонъ Михайловичъ сидѣлъ надъ перепиской длинной бумаги къ какому-то черезъ-чуръ важному лицу.

Онъ работалъ надъ нею уже второй вечеръ и работа подходила къ концу.

Только-что онъ началъ выводить первую фигурную букву послѣдней красной строки, какъ

и его комнату впорхнула Марья Петровна съ новымъ пѣсенникомъ въ рукахъ.

Углубленный въ работу, онъ не слыхалъ ея приближенія. Она перегнулась черезъ его плечо, посмотрѣла на его работу и какъ-то, совершенно нечаянно, толкнула его.

На чисто переписанномъ листѣ появилась огромная чернильная клякса.

Ар[illegible] Михайловичъ былъ до того пораженъ, что, обернувшись къ Марьѣ Петровнѣ, вдругъ заплакалъ...

Она растерялась и нагнулась къ нему совсѣмъ близко...

Въ комнатѣ раздался поцѣлуй...

Черезъ нѣсколько [illegible] онъ получилъ штатное мѣсто и они обвѣнчались...

Это было [illegible] лѣтъ тому назадъ. Теперь онъ уже дѣлопроизводитель, а она мать пятерыхъ дѣтей, изъ которыхъ взрослая дочь уже [illegible] замужемъ, а сынъ кончаетъ курсъ въ университетѣ.

Они [illegible] по прежнему любятъ другъ друга.

Листъ бумаги съ огромной чернильной кляксой, въ рамкѣ изъ черного дерева, подъ стекломъ виситъ у него въ кабинетѣ.

Онъ нерѣдко показываетъ его своимъ добрымъ знакомымъ, говоря, что этой чернильной кляксѣ онъ обязанъ своимъ семейнымъ счастьемъ.

СЕСТРА НА ПРОКАТЪ.

(Старый водевиль).

Это старая исторія, которая вѣчно...

Впрочемъ, я долженъ оговориться: она не только не можетъ быть „вѣчно... новою", но и не можетъ—я глубоко убѣжденъ въ этомъ—даже повториться въ наше время.

Я разсказываю ее безъ всякихъ намековъ на современность и, перефразируя девизъ ордена Подвязки, заранѣе говорю всѣмъ моимъ читателямъ: „да будетъ стыдно тому, кто *плохо* объ этомъ подумаетъ".

Итакъ, это было давнымъ-давно.

Федоръ Петровичъ Стремяпоръ былъ молодой человѣкъ съ обезпеченными средствами. Пріѣхавъ на жительство въ Сѣверную Пальмиру, онъ, не смотря на возможность жить безъ труда, пожелалъ поступить на службу.

— Все-таки будетъ у меня извѣстное „поло-

женіе",—разсуждалъ онъ какъ самъ съ собою, такъ и въ кругу своихъ пріятелей.

Рѣшившись на этотъ шагъ, онъ началъ наблюдать за открывавшимися вакансіями въ разныхъ вѣдомствахъ. Кандидатскій дипломъ открывалъ ему дорогу и давалъ право на поступленіе на службу по тому или другому вѣдомству по его выбору.

Долго присматривался онъ къ тѣмъ и другимъ мѣстамъ; наконецъ, одно изъ нихъ пришлось ему по вкусу и онъ подалъ докладную записку. Мѣсто было довольно заманчивое, а потому на него было много претендентовъ.

Шансовъ получить его было мало, хотя Федоръ Петровичъ по образованію могъ-бы имѣть преимущество, но...

Это роковое „но" существовало и тогда для людей безъ протекціи.

Познакомившись и сошедшись даже на дружескую ногу съ нѣкоторыми изъ служащихъ того учрежденія, куда онъ мѣтилъ поступить, Федоръ Петровичъ разговорился какъ-то съ ними по вопросу: выгоритъ-ли его кандидатура или нѣтъ?

Со стороны чиновниковъ было выражено сомнѣніе.

— Вотъ если бы за васъ кто-нибудь просилъ особенно, — говорили одни.

— Если бы у васъ была жена или сестра, да еще хорошенькая, ну, тогда дѣло можно бы

считать рѣшеннымъ. Нашъ старикашка большой волокита и не въ состояніи отказать въ просьбѣ хорошенькой женщинѣ,—заявляли другіе.

— Да, это было бы другое дѣло.—соглашались всѣ.

Федоръ Петровичъ положительно потерялъ надежду: онъ былъ холостъ, сестеръ у него не было, знакомыхъ, кромѣ нѣсколькихъ друзей, товарищей по университету, людей чинами незначительныхъ, тоже не было,—приходилось проститься съ мыслью получить желаемое мѣсто.

Свое горе онъ сообщилъ своимъ пріятелямъ.

— Это дѣло, по моему, поправимое,—замѣтилъ одинъ изъ друзей Федора Петровича, Николай Сергѣевичъ Рахмановъ.

— Будь другъ, скажи какъ?—весь превратился въ слухъ Стремляновъ.

— Надо на прокатъ сестру достать...

Послѣдовалъ взрывъ общаго хохота.

— Не понимаю, что тутъ смѣшнаго, я говорю совершенно серьезно,—продолжалъ Рахмановъ.— Въ Петербургѣ все отдается на прокатъ, начиная съ мебели и кончая живыми людьми. Мать родную, а не только сестру можно на прокатъ достать.

— Если ты не шутишь, то объясни!—заявили слушатели!

— Извольте! Есть у меня на примѣтѣ одна прехорошенькая штучка, пополнившая недавно контингентъ нашихъ „этихъ дамъ", но еще неизвѣстная. Она съ удовольствіемъ согласится —за извѣст-

ное возражение, конечно розыграть роль сестры Стремлянова и ходатайствовать за него у его будущаго начальника.

— А, вѣдь, это мысль!—замѣтилъ Стремляновъ.

— Конечно мысль! продолжалъ Николай Сергѣевичъ. Кромѣ того, ходатайство такой „сестры на прокатъ" будетъ не въ примѣръ успѣшнѣе, чѣмъ сестры настоящей, такъ какъ она можетъ дать старику болѣе авансовъ.

Всѣ согласились, что выдумка—хоть куда.

— Ну мнѣ это, братъ, устрой!—приставалъ къ Николаю Сергѣевичу Стремляновъ.

Тотъ обѣщалъ.

Черезъ нѣсколько дней онъ привезъ согласіе Полины Александровны—такъ звали эту барышню—устроить дѣло за тысячу рублей: половина должна была быть выдана впередъ, а половина—по благополучномъ окончаніи.

Стремляновъ согласился.

Вскорѣ онъ получилъ вызовъ къ начальнику.

— Я нашелъ возможнымъ оставить просимое мѣсто за вами,—обратился къ нему старичекъ.

Стремляновъ почтительно поклонился.

— Какъ здоровье вашей сестры?.. Она премилая дѣвушка! замѣтилъ начальникъ.

— Благодарю васъ!—и Стремляновъ незамѣтно улыбнулся.

Онъ получилъ мѣсто и выдалъ остальные пятьсотъ рублей Рахманову для передачи Полинѣ Александровнѣ.

Старичокъ-начальникъ почти ежедневно, при докладѣ, справлялся о здоровьи его сестры.

Прошло нѣсколько недѣль.

Разъ, въ кабинетѣ начальника учрежденія, въ которомъ служилъ Стремляновъ, вошелъ начальникъ другого учрежденія, такой-же молодящійся старичекъ, bon-vivant.

— А я за тобой заѣзжалъ вчера, но не засталъ дома, — затараторилъ пришедшій: — мы устроили катанье на тройкахъ, а потомъ ужинъ. Какую я новую „дѣвочку" открылъ, не иностранную, а нашу русскую, но красота, грація, стройность—delicieuse!—причмокнулъ гость.

— Жаль!.. Я вчера уѣздилъ по дѣлу. C'est enuyeux.

— Не жалѣй! Ее скоро познакомлю... Ну, и разсмѣшила же она насъ вчера, разсказывая, какъ она за тысячу рублей разыграла недвиную роль сестры одного господина и исходатайствовала ему у какого-то „стараго дуралея" мѣсто.

Лицо начальника Стремлянова вытянулось.

— Она блондинка? -спросилъ онъ.

— Настоящая!

— На лѣвой сторонѣ шейки родимое пятно?

— А ты почемъ знаешь?

— Такъ... я слышалъ, — процѣдилъ тотъ сквозь зубы.

Пріятели разстались.

Съ тѣхъ поръ начальство никогда не справлялось у Стремлянова о здоровьи его сестры.

ДВА МУНДШТУКА.

(Очеркъ изъ канцелярской жизни).

У канцелярскаго чиновника Петра Сергѣевича Пальчикова послѣ одного изъ двадцатыхъ чиселъ появился янтарный мундштукъ.

Мундштукъ былъ хорошій, довольно большой и отдѣланный въ серебро.

Петръ Сергѣевичъ съ важностью вынулъ его передъ товарищами изъ футляра и, вставивъ папироску, закурилъ, пока просыхала написанная имъ страница.

Товарищи поздравствовали.

— Настоящій морской янтарь; пять рублей заплатилъ,—ораторствовалъ Пальчиковъ.

У нѣкоторыхъ изъ чиновниковъ разгорѣлись отъ зависти глаза; но особенно появленіе у Пальчикова мундштука повліяло на его пріятеля, канцелярскаго служителя Ивана Ивановича Ягодина.

Онъ положительно заскрипѣлъ зубами.

Надо сказать, что не смотря на то, что Яго-

динъ съ Пальчиковымъ были пріятели. они, вмѣстѣ съ тѣмъ, были страшными соперниками, но соперничество ихъ стояло, впрочемъ, исключительно на почвѣ туалета. Пріобрѣтетъ-ли себѣ Пальчиковъ новую жилетку—глядь, и у Ягодина появляется тоже новая жилетка; появится ли у Ягодина булавка въ галстукѣ или новый брелокъ на цѣпочкѣ кастрюльнаго золота—смотришь, на другой же день такою же, если не лучшею, вещью щеголяетъ Пальчиковъ. Соперничество это доставляло имъ порой дни, проводимыя на сухояденіи, но все-таки продолжалось. Часто они въ душѣ злились другъ на друга, но все же были пріятелями.

Понятно, что появленіе у Пальчикова такого дорогаго мундштука поразило въ самое сердце Ягодина.

— Лучше, вѣроятно, и нѣтъ, а если есть, то баснословно дороги, думалъ про себя Ягодинъ, разсматривая мундштукъ пріятеля.

Къ столу подошелъ столоначальникъ Анисимъ Петровичъ.

— Хорошъ, — глубокомысленно произнесло ближайшее начальство;— но, если бы такого размѣра былъ весь пѣниковый, то было бы лучше.

— Вы говорите, Анисимъ Петровичъ, пѣниковый лучше? —воззрился на него Ягодинъ.

— Да, пѣнковый не въ примѣръ лучше и дешевле; но, если его хорошенько обкурить, то

большихъ денегъ онъ стоитъ,—рѣшилъ Лисимъ Петровичъ.

У Яголина отлегло отъ сердца.

— И долго его обкуривать надо?—продолжалъ онъ приставать къ Лисиму Петровичу.

Солдатамъ даютъ, обыкновенно, обкуривать: за полтинникъ на водку въ мѣсяцъ черный угля сдѣлаетъ; табакъ-то крѣпкій, махорку курятъ.

— Но почему же такъ обкуренные пѣниковые мундштуки цѣнятся, что лучше и янтарнаго,—вступился, обидѣвшись за свой мундштукъ, Пальчиковъ.

— А потому, что изъ обкуреннаго пѣниковаго мундштука дымъ мягче, да, кромѣ того, онъ крѣпче желѣза дѣлается, хоть об камень, что есть силы, бросай—не разобьется.

— Да, вѣдь, и янтарный...—пробовалъ заступиться Пальчиковъ.

— Янтарный, да не такой! Который не бьется—не пять, а пятьдесятъ, можетъ, стоитъ. Да ты попробуй объ полъ ударить,—поглядѣвъ, рѣшило начальство и отошло.

Пальчиковъ ударить объ полъ не попробовалъ, но какъ бы обидѣвшись за мундштукъ, бережно уложилъ его въ футляръ и спряталъ въ карманъ.

— Сегодня же куплю себѣ пѣниковый; куда ни шло, грѣшникъ истрачу, недѣльку въ кухмистерскую не похожу и баста!—рѣшилъ Ягодинъ.

Чиновники принялись за прерванныя занятія.

— Гдѣ бы получше мнѣ нѣковый мундштукъ пріобрѣсть? спросилъ, по окончаніи присутствія, Ягодинъ у Анисима Петровича.

— А на какую цѣну?

— Рубля на три.

— Можно; поѣдемъ, покажу — мнѣ мимо, а, пожалуй, и выберу, — я въ этомъ толкъ знаю...

— Сдѣлайте одолженіе...

Анисимъ Петровичъ съ Ягодинымъ отправились въ табачный магазинъ, гдѣ, послѣ долгаго выбора, купили нѣковый мундштукъ за три рубля пятьдесятъ копѣекъ.

— Куда ни шло—еще деньга два не по ѣмъ, — рѣшилъ мысленно Ягодинъ, видя, что торговецъ не уступаетъ изъ четырехъ рублей болѣе полтинника.

Мундштукъ былъ купленъ. Онъ былъ молочнаго цвѣта съ небольшимъ янтаремъ, въ футлярѣ, отдѣланномъ внутри краснымъ атласомъ.

Поблагодаривъ Анисима Петровича, Ягодинъ съ своей драгоцѣнной покупкой отправился домой.

Онъ жилъ на Сѣнной площади въ комнатѣ отъ съемщицы.

— Надо еще хозяйкиному куму за окурки отложить, — итого четыре рубля; значитъ, не обѣдать-то придется дней десять, — разсчитывалъ онъ, ощупывая въ карманѣ свою покупку.

На другой день мундштукъ былъ показанъ товарищамъ. Тѣ одобрили.

— А все-таки твой дешевле! — замѣтилъ Пальчиковъ.

— Дороже будетъ!—отвѣчалъ Ягодинъ.

— Это когда еще будетъ...

— Скоро.

Ягодинъ уже переговорилъ наканунѣ съ своей хозяйкой и та обѣщала уломать кума, браваго солдата-гвардейца, обкурить мундштукъ за полтинникъ.

— Табачищу этого онъ садитъ—страсть,— замѣтила она.

По возвращеніи на другой день изъ присутствія, Ягодинъ вручилъ полтинникъ и мундштукъ гвардейцу.

— Недѣли въ три у насъ углемъ сдѣлается,— пообѣщалъ хозяйкинъ кумъ.

— Ты постарайся.

— Ужь будьте безъ сумлѣнія.

Ягодинъ сталъ ожидать. Потянулись томительные дни. Хорошо еще, что Пальчиковъ, истратившись на мундштукъ, не пріобрѣталъ себѣ обновокъ, а то бы совсѣмъ бѣда. Ягодинъ голодалъ и такъ.

Наконецъ, черезъ три недѣли и два дня (Ягодинъ считалъ даже часы) хозяйкинъ кумъ принесъ мундштукъ. Красный атласъ футляра былъ порядкомъ позасаленъ, но за то самъ мундштукъ сдѣлался изъ молочнаго темно-коричневымъ.

Ягодинъ былъ на седьмомъ небѣ...

Онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ утра другаго

дня, когда онъ будетъ торжествовать побѣду надъ Пальчиковымъ. Всю ночь ему не спалось...

— Я ему форсу-то поубавлю, — думалъ онъ, ворочаясь на жесткомъ, какъ камень, тюфякѣ.

Наконецъ, наступило утро.

Онъ пришелъ на службу и вынулъ мундштукъ.

Товарищи заахали.

— Вотъ это мундштукъ, такъ мундштукъ!— авторитетно заявилъ Анисимъ Петровичъ.

Ягодинъ торжествовалъ.

— А, ну-ка, брось!—произнесъ Пальчиковъ.

Ягодинъ самоувѣренно бросилъ.

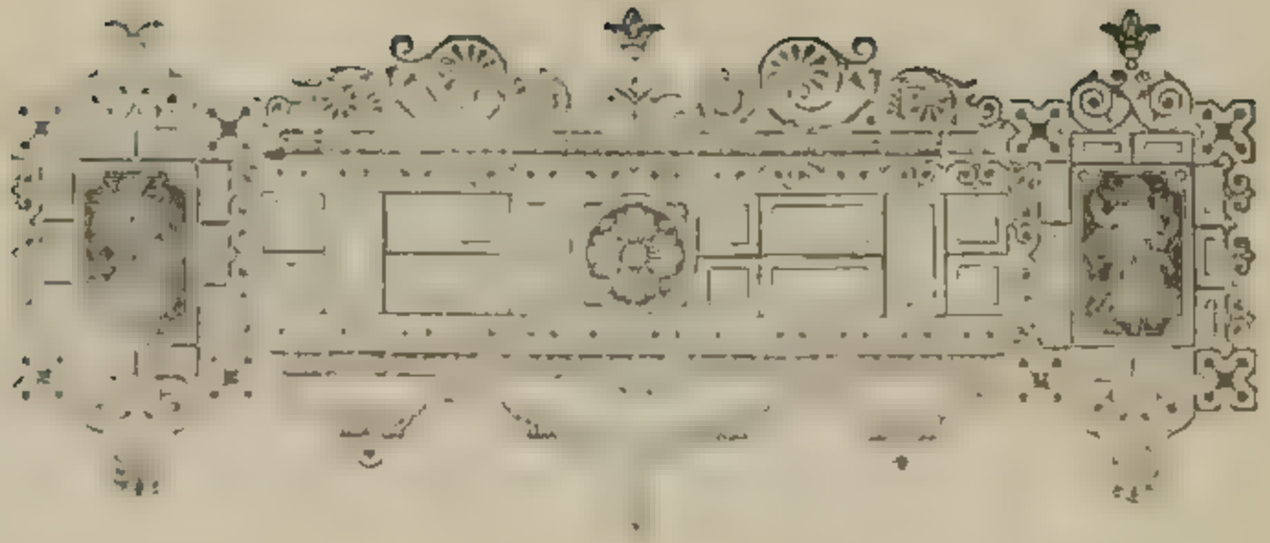
Мундштукъ разлетѣлся въ дребезги.

— Не совсѣмъ обкурился,—хладнокровно рѣшилъ Анисимъ Петровичъ и отошелъ.

Ягодинъ со слезами на глазахъ бросился собирать осколки.

Пальчиковъ, самодовольно улыбаясь, покуривалъ изъ своего янтарнаго мундштука.

Картина!



ПОВЫСИЛИ...

(Очеркъ изъ канцелярской жизни)

Грустенъ и насмуренъ пришелъ въ одинъ прекрасный день на службу канцелярскій чиновникъ Викторъ Дмитріевичъ Б[illegible].

Безъ сна проведенная ночь положила свою печать на лицо молодаго человѣка и безъ того утомленное сидячею жизнью писца.

Не въ оргіи съ товарищами буйно проведенная ночь сдѣлала это.

Къ чести моего героя надо сказать, что онъ не пилъ, но былъ на дорогѣ сдѣлаться пьяницей: онъ былъ влюбленъ и влюбленъ несчастно.

Не въ отсутствіи взаимности состояло это несчастіе, но въ лицѣ папеньки „предмета", отставнаго секретаря сиротскаго суда, коллежскаго совѣтника Акиндина Михайловича Гра[illegible]стова. Сердце его [illegible]ной дочки Софьи Акинди-

рогины давно уже трепетно билось о корсетныхъ при видѣ Виктора Дмитріевича и особенно его цвѣтныхъ галстуховъ. Давно уже они передавали другъ другу цидулки на бумажкахъ съ изображеніемъ Амура, держащаго въ рукахъ сердце, пронзенное стрѣлой, но отецъ былъ непреклоненъ.

Еще вчера сказалъ онъ Быкову, когда тотъ, наконецъ, рѣшился въ послѣдній разъ открыть ему свое сердце, пылающее любовью къ его дочери:

— Ты, мой косой, эти мысли брось! Добро былъ бы хоть помощникомъ столоначальника, а то мелкотравчатая канцелярская пописуха и туда же—на секретарскую дочку, благородную, можно сказать, дѣвицу, съ немалыми приложеніями бельмы свои бестыжіе закидываетъ!..

Викторъ Дмитріевичъ пробовалъ прослезиться...

— Брось!—рѣшительно повторилъ Акиндинъ Михайловичъ;—а то и въ домъ къ себѣ не пущу, а придешь—ноги переломаю!

Такъ пали лучшія надежды!

Вотъ отчего произошла бессонная ночь моего героя...

Тихо усѣлся онъ на свое обычное мѣсто и машинально сталъ записывать въ исходящій реестръ подписанныя наканунѣ бумаги.

Окончивъ, наконецъ, эту работу и законвертовавъ всю почту, онъ принялся за переписку.

„В[illegible] отношеніи вашего превосходительства, отъ 14-го января, за № 648, имѣю честь"... началъ выводить онъ.

Вдругъ!

Но это надо разсказать обстоятельнѣе.

— Господинъ Быковъ,— провозгласилъ вошедшій въ канцелярію начальническій курьеръ,— пожалуйте къ его превосходительству.

Викторъ Дмитріевичъ застегнулъ вицъ-мундиръ и съ трепетомъ сердца отправился чрезъ коридоръ и пріемную къ дверямъ кабинета начальника, нѣсколько разъ передъ ней откашлялся и вошелъ...

— Вы уже давно служите, господинъ Быковъ, ласково встрѣтилъ его начальникъ,— и всегда были исполнительны... Помощникъ столоначальника Скворцовъ подалъ въ отставку и я нашелъ возможнымъ назначить васъ на его мѣсто. Скажите, чтобы заготовили ордеръ.

Викторъ Дмитріевичъ былъ на седьмомъ небѣ. Онъ едва проговорилъ:

— Благодарю, ваше—ство!—и вышелъ изъ кабинета.

Не успѣлъ онъ выйти въ коридоръ, какъ столкнулся съ отцомъ своего „предмета". Въ короткихъ словахъ передалъ онъ ему свою радость.

— Молодецъ! Коли не врешь—Соньку можешь считать за собою,—проговорилъ Акиндинъ Михайловичъ.

Не чувствуя подъ собою отъ радости ногъ, вошелъ Быковъ въ канцелярію, передалъ секретарю приказаніе начальника объ изготовленіи ордера и усѣлся на свое мѣсто, размышляя о томъ, нельзя-ли будетъ попросить пособія на свадьбу.

— Господинъ Быковъ! - раздался надъ нимъ чей-то рѣзкій голосъ.

Викторъ Дмитріевичъ вскочилъ.

— Это что такое!? Спать непробудимымъ сномъ въ канцеляріи!? Ночлежный домъ, что-ли, для васъ здѣсь открытъ?.. Я этого не потерплю!.. Пьянствуютъ по ночамъ, а сюда спать приходятъ!.. Извольте подать въ отставку!

Передъ Викторомъ Дмитріевичемъ стоялъ „самъ“.

На столѣ лежало недописанное отношеніе.

Это былъ сонъ.

АДНУРЕ.

(Правдивая исторія одного проекта).

Семенъ Петровичъ Мірополовъ вернулся въ одинъ прекрасный день со службы въ сосредоточенно-мрачномъ расположеніи духа.

Молча кивнулъ онъ головой встрѣтившимъ его домашнимъ, молча прошелъ въ кабинетъ и, облачившись въ и рядомъ-таки засаленный драповый халатъ, также молча, насупившись, пошелъ въ столовую и усѣлся за дымящуюся тарелку суточныхъ щей.

Не смотря на то, что это было любимое кушанье Семена Петровича, онъ, вопреки своему обыкновенію, запустивъ ложку въ поданный ему горшочекъ съ гречневой кашей, обтеръ ее въ бѣлоснѣжную салфетку, не крякнулъ аппетитно и не сказалъ, обращаясь къ своей супругѣ Надеждѣ Максимовнѣ, полной брюнеткѣ, лѣтъ за тридцать:

— Вотъ то, мать, ѣда такъ ѣда!..

Напротивъ, съ какимъ-то озлобленіемъ положилъ онъ себѣ ложку, отстранилъ отъ себя гор-

шонъ, а затѣмъ, положивъ въ щи сметаны, молча принялся за ѣду.

Кушалъ онъ, видимо, безъ всякаго аппетита, а какъ-то машинально, и даже раза два держалъ въ глубокой задумчивости по нѣсколько секундъ ложку щей между ртомъ и тарелкой.

Все служило признакомъ величайшаго раздраженія хозяина: онъ не потрепалъ по щечкѣ, садясь за столъ, свою любимицу-дочку Вареньку, хорошенькую бѣлокурую двѣнадцати-лѣтнюю дѣвочку, и не обратилъ вниманія на то, что тринадцати-лѣтній сынъ его, гимназистъ Сережа, явился за столъ съ книгой и читалъ все за обѣдомъ, что яростно въ другое время преслѣдовалъ Семенъ Петровичъ.

Во все время обѣда царствовала невозмутимая тишина, такъ какъ семейство не рѣшалось нарушить мрачнаго молчанія своего главы.

Лишь послѣ сладкаго блюда, кстати сказать, тоже любимаго Семеномъ Петровичемъ,—вафель со взбитыми сливками,—онъ произнесъ наконецъ слово, но такое слово, которое заставило домашнихъ разомъ поднять на него недоумѣвающіе взоры.

— Аднуръ!—мстительно произнесъ Семенъ Петровичъ и смолкъ.

— Что съ тобою, другъ мой?—озабоченно обратилась къ нему Надежда Максимовна.

Семенъ Петровичъ вопросительно уставился на нее.

Что ты сказал?—продолжала она.

— Не твоего это, матушка, ума дѣло!—раздражительно отвѣчалъ онъ и, развязавъ салфетку, бросилъ ее на столъ, махнулъ рукой и удалился въ кабинетъ.

Супруга проводила его тревожнымъ взглядомъ.

Плотно притворивъ за собою дверь, Семенъ Петровичъ сперва нѣсколько разъ прошелся по кабинету, останавливаясь и прикладывая палецъ ко лбу, затѣмъ подошелъ къ письменному столу, взялъ принесенный имъ со службы портфель, отперъ его и, вынувъ объемистую рукопись, переписанную четкимъ писарскимъ почеркомъ, сталъ любовно ее перелистывать.

Воспользуемся этимъ временемъ, чтобы представить его читателямъ.

Семенъ Петровичъ Миролюбовъ былъ начальникомъ отдѣленія одного изъ петербургскихъ департаментовъ. По наружности это былъ типъ петербургскаго чиновника: его физіономія и вся его фигура были совершенно формально законны.

Онъ былъ средняго роста, съ узаконеннымъ чиновничьимъ брюшкомъ, законныхъ размѣровъ лысина украшала его чело, узаконенной длины жиденькія бакенбарды были единственною растительностью на его зеленовато-блѣдномъ лицѣ совершенно законной полноты, съ чисто выбритыми верхнею губою и подбородкомъ.

Вы, вѣроятно, знакомы съ нимъ, дорогой чи-

тель, вы сталкивались съ нимъ и по службѣ, или за партіей винта, или на зимнихъ и лѣтнихъ открытіяхъ.

Но къ дѣлу.

Рукопись, которую перелистывалъ въ глубокомъ раздумьи Семенъ Петровичъ, была плодъ его болѣе чѣмъ двухлѣтняго труда и многихъ безсонныхъ ночей. Это былъ проектъ по вопросу о нѣкоторомъ сокращеніи переписки, который онъ, съ мѣсяцъ тому назадъ, лелѣя въ своемъ умѣ тщеславныя надежды, подалъ своему высшему начальству, и вотъ, сегодня онъ былъ ему возвращенъ съ странною, непонятною для него резолюціею.

Онъ кончилъ перелистывать рукопись и уставился недоумѣвающе вопросительнымъ взглядомъ на первую ея страницу, въ лѣвомъ углу которой, сверху, твердымъ, размашистымъ почеркомъ было написано синими чернилами такъ поразившее его ломашнихъ слово: „аднуре".

— Аднуре, аднуре... —прочелъ вслухъ Семенъ Петровичъ.

— Чортъ знаетъ, что это за слово! И чтобы оно могло означать?—прибавилъ онъ послѣ нѣкотораго раздумья.

Къ чести Семена Петровича надо сказать, что онъ основательно зналъ французскій и нѣмецкій языки, не говоря уже о латинскомъ и греческомъ, въ которыхъ онъ еще въ семинаріи, по выраженію товарищей, собаку съѣлъ, и даже

не одну, но, увы! передъ этимъ фатальнымъ словомъ пасовало его языкознаніе.

— Адиуре, адиуре...—продолжалъ повторять онъ.

Еще въ присутствіи, получивъ обратно свой проектъ и прочитавъ резолюцію, онъ обратился за разъясненіемъ къ нѣкоторымъ изъ своихъ сослуживцевъ, знавшимъ англійскій, итальянскій и даже испанскій языки, но и они отказались перевести или объяснить то странное слово.

— Адиуре, адиуре! Чортъ знаетъ что за тарабарщина! — разсердился Семенъ Петровичъ и принялся за чтеніе проекта.

Онъ надѣялся, что, быть можетъ, какая-нибудь ошибка переписчика—онъ припомнилъ, что недостаточно внимательно просмотрѣлъ переписанную рукопись—объяснитъ ему ту непонятную, и тогда онъ выходящую резолюцію.

Чтеніе, кромѣ того, его развлекало; оно доставляло ему истинное наслажденіе съ чувствомъ неограниченнаго авторскаго самообольщенія перечитывалъ онъ свое произведеніе, но его собственному мнѣнію, произведеніе и не замѣтилъ, какъ пролетѣли часы, въ которые онъ обыкновенно предавался послѣобѣденному сну.

Сегодня ему было не до сна.

Онъ кончилъ чтеніе, а резолюція осталась все такою же темною, непонятною.

Семенъ Петровичъ позвонилъ.

— Позовите ко мнѣ Сережу!—приказалъ онъ явившейся на звонокъ горничной.

Черезъ нѣсколько минутъ въ кабинетѣ появился сынъ.

— Съѣзди-ка ты въ книжную лавку и купи мнѣ этотъ, какъ бишь его, словарь тридцати, пятидесяти или тамъ ста тысячи иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ русскій языкъ,—словомъ, чтобы побольше ихъ было,—приказалъ онъ сыну, и подалъ ему синенькую.

Тотъ вышелъ.

Семенъ Петровичъ снова сталъ расхаживать по кабинету.

— Аднуре, аднуре...—по временамъ повторялъ онъ и съ недоумѣніемъ покачивалъ головой.

Вскорѣ сынъ возвратился съ книгой, подалъ ее отцу и вышелъ, положивъ деповитку на письменный столъ.

— Полтинникъ извозчику отдалъ,—проговорилъ онъ.

Семенъ Петровичъ не слыхалъ. Онъ съ жадностью сталъ развертывать книгу, а затѣмъ, усѣвшись за столъ, принялся ее разрѣзывать и пересматривать.

— Аднуре, аднуре... шептали его губы.

Такого слова на букву „а" въ книгѣ не было.

Семенъ Петровичъ сердито отшвырнулъ ее отъ себя и, снова взявъ рукопись, принялся перечитывать ужасное, недоступное слово.

— Пожалуйте кушать чай! -прервала его занятіе вошедшая горничная.

Семенъ Петровичъ машинально отправился въ столовую съ рукописью въ рукахъ.

Молча усѣлся онъ за столъ, молча принялъ изъ рукъ супруги стаканъ чаю въ серебряномъ подстаканникѣ и поставилъ его передъ собой, рядомъ съ положенною имъ на столъ рукописью, не сводя съ послѣдней глазъ.

— Да что съ тобой нынче, Семенъ Петровичъ? прервала, наконецъ, молчаніе супруга.— Какая тебя муха укусила?

Онъ посмотрѣлъ на нее.

Она глядѣла на него съ кроткой улыбкой.

— Да вотъ, слова тутъ не разберу...—отвѣчалъ Семенъ Петровичъ.

— Какое слово?

— Аднуре...

Супруга снова окинула его безпокойнымъ взглядомъ.

— Позвольте мнѣ, папаша, прочесть?—потянулся черезъ столъ Сережа.

— Попробуй, прочти,—снисходительно улыбнулся отецъ и подвинулъ къ нему рукопись.

— Это очень просто. Мы такъ въ гимназіи другъ другу записочки во время классовъ пишемъ; надо прочесть наоборотъ,—быстро сообразилъ Сережа.

— Ну, и что-жъ?—вопросительно посмотрѣлъ на него отецъ.

— И выходитъ—ерунда,—невозмутимо отвѣтилъ сынъ.

— Что?—вскрикнулъ Семенъ Петровичъ.

Кровь бросилась ему въ голову. Онъ весь побагровѣлъ и вырвалъ изъ рукъ сына рукопись.

Вся семья глядѣла на него съ испугомъ.

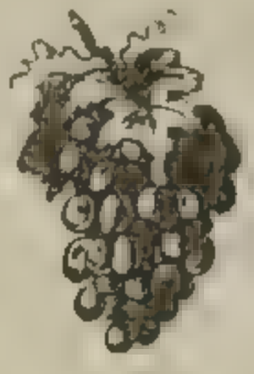
— Мальчиш...—началъ было онъ.

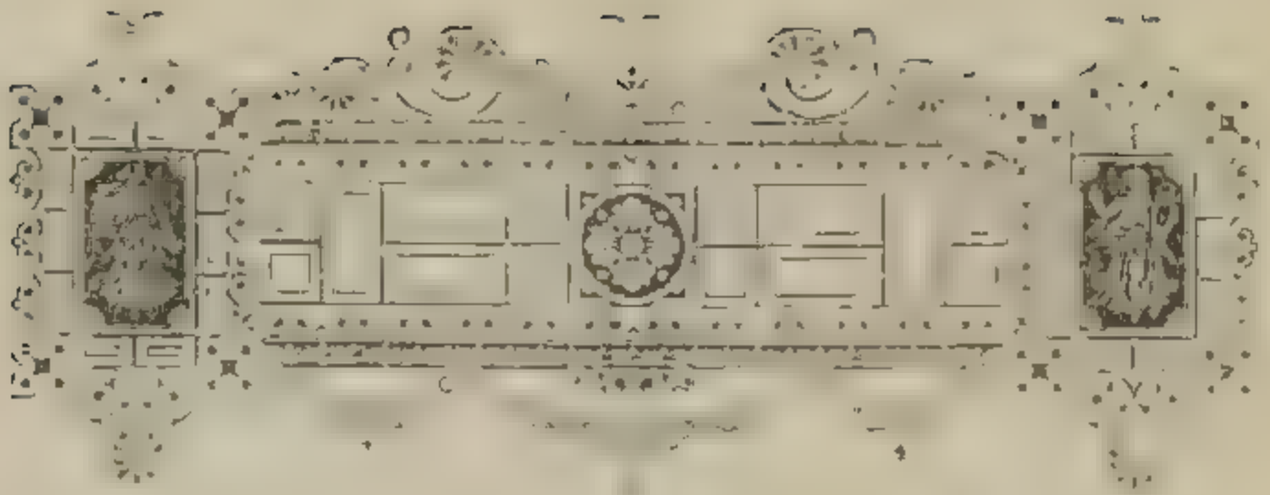
Вдругъ, взглядъ его упалъ на резолюцію. Онъ прочелъ ее наоборотъ, понялъ, что сынъ правъ и замолчалъ.

Наскоро выпилъ онъ стаканъ чаю и ушелъ въ кабинетъ, захвативъ съ собою и рукопись.

Тамъ онъ изорвалъ ее въ мелкіе клочки и бросилъ въ корзину.

Съ тѣхъ поръ Семенъ Петровичъ болѣе не пишетъ проектовъ.





КАПИТАЛЪ СЪѢЛЪ!

(Разсказъ больничной сидѣлки).

Тихо и мрачно во внутреннихъ покояхъ купца-апраксинца Сидора Тихоновича Завитаева. Воздухъ сплошь закупоренныхъ комнатъ, пропитанныхъ запахомъ лекарствъ, даетъ понять всякому приходящему, что въ домѣ лежитъ трудно больной, и заставляетъ каждаго и тише ступать по полу, и тише говорить.

Самъ хозяинъ, Сидоръ Тихоновичъ, лежитъ на смертномъ одрѣ.

Полдень. Домъ кажется совершенно пустымъ, такъ какъ хозяйскій сынъ съ прикащиками уже давно ушли въ лавку, и лишь въ комнатѣ, прилегающей къ спальнѣ больнаго, на диванѣ, за круглымъ столомъ, покрытомъ цвѣтною скатертью, на которомъ кипитъ полуведерный самоваръ, возсѣдаетъ сама хозяйка Анѳиса Павлов-

на Завитаева, пожилая дородная женщина съ трехъ-этажнымъ подбородкомъ, одѣтая въ темное домашнее платье. Съ боку стола, на стулѣ, сидитъ чистенькая старушка въ черномъ ситцевомъ платьѣ и съ такимъ же платкомъ на головѣ. Это—сидѣлка, приглашенная къ больному изъ одной петербургской больницы. Обѣ женщины занимаются чаепитіемъ, съ вареньемъ, медкомъ и тому подобными сластями и ведутъ шепотомъ разговоръ о „суетѣ мірской".

Вы говорите, Аѳиногена Павловна, болѣсть—оно точно—Божеское попущеніе. Имъ, Создателемъ, каждому, то-есть, человѣку въ болѣстях быть опредѣлено; а плакать и роптать—грѣхъ. Его воля—въ міръ возвратить, али къ Себѣ отозвать.

— Да я, матушка, и не ропщу, а со слезо что подѣлаешь, не удержу; вѣдь, тридцатый годъ мы съ нимъ въ законѣ состоимъ, не чужой!

— Вѣстимо, не чужой, матушка, что и говорить.

— То-то и оно-то; можетъ за тридцать-то лѣтъ какія отъ него обиды и побои видала, а муку его мученскую глядѣть не въ мочь; и какъ безъ него одна останусь — и ума не приложу. Оно, конечно, сынъ есть, да что, его дѣло молодое: женится — мать позабудетъ. А Сидоръ Тихоновичъ какой ни на есть, а мужъ.

Хозяйка заплакала.

— Это вы, Аѳиногена Павловна, правильно: мужъ

и жена — плоть едина, и въ писаніи сказано; а я къ тому говорю, что болѣсть это отъ Бога, а есть такія попущенія, что хуже болѣсти. Это ужъ онъ, врагъ человѣческій насылаетъ. Таперича, къ примѣру, хозяинъ вашъ, Сидоръ Тихоновичъ, по христіанскому кончину пріять приготовился; ежели встанетъ — слава Создателя, а ежели отойдетъ — съ душею чистою...

— И что ты, матушка, не накличь!

— Что вы, матушка Аполиса Павловна, зачѣмъ накликать? Наше мѣсто свято; а это я только къ примѣру. Я вотъ вамъ про солдатика одного разскажу: отъ смертной болѣсти Божьей милостью оправился, а противъ бѣса, прости Господи, не устоялъ,—сгибъ и души своей не пожалѣлъ. Силенъ онъ, врагъ-то человѣческій.

— Разскажи, матушка, разскажи, авось забудусь я. За разговоромъ-то мнѣ и полегчаетъ.

— Было это, родимая моя, годовъ тому назадъ пятнадцать; въ ту пору я только что овдовѣла. Дѣтокъ, двухъ сыновъ, Онъ, Создатель, раньше къ себѣ отозвалъ, осталась я аки перстъ и задумала это для Господа потрудиться — по сидѣлкамъ за больными пошла,—генеральша тутъ одна благодѣтельница въ больницу меня опредѣлила. Недѣли съ двѣ это я въ больницѣ пробыла; привозятъ къ намъ поздно ночью нищаго—солдатика, на улицѣ подобрали, и положили его въ мои палаты. Извѣстное дѣло, дежурный докторъ осмотрѣлъ, лекарства прописалъ, по утру

главный—Карлъ Карловичъ, царство ему небесное, добрый человѣкъ былъ,—палаты обошелъ, съ новымъ больнымъ занялся. Порядокъ извѣстный. Лежитъ солдатикъ этотъ недѣлю, другую, третью, лекарствами его всякими пичкаютъ, а не легчаетъ. Дохтура съ нимъ бились, бились, и порѣшили на томъ, что не встанетъ. Карлъ Карловичъ при немъ это громко сказалъ и всякую дѣтѣю для него велѣлъ прекратить. „Давайте ему все, что онъ ни пожелаетъ", приказъ мнѣ отдалъ... Ушли это они изъ палаты-то, а солдатикъ меня къ себѣ подзываетъ: „нельзя-ли, говоритъ, мнѣ медку липоваго?" Наше дѣло подневольное: Карлъ Карловичъ давать все приказалъ, ну, я и послала. Принесли ему меду на тарелкѣ,—я тѣмъ временемъ съ другими больными занялась. Подхожу потомъ къ нему, а онъ спитъ, и тарелка ужъ порожняя. И что бы вы, матушка думали?—въ испарину его отъ эфтого самого меда ударило. По утру доктора диву дались: на половину болѣсть какъ рукой сняло.

— Ишь ты, медъ-то какой пользительный!—вставила слово хозяйка.

— Не отъ меда, матушка, а такое, значитъ, ужъ Божье опредѣленіе. Донесли это, значитъ, Карлу Карловичу. Онъ сейчасъ мнѣ свой приказъ отмѣнилъ, на дѣтѣю посадили снова, лечить стали. Солдатикъ поправляется, ходить уже сталъ, но грустный такой, задумчивый.

— Съ чего же бы это?

— Я, матушка, и сама дивовалась; больные-то всѣ передъ выпиской веселые такіе, а этотъ — какъ въ воду опущенный. Выбрала я минуточку и спросила его объ этомъ. „Нечего", говоритъ, „мнѣ радоваться—капиталъ съѣлъ".

— Это, то-есть, какъ же?

— Да такъ; разсказалъ онъ мнѣ, что какъ доктора-то его къ смерти приговорили, онъ это услыхалъ, и грусть на него въ тѣ поры напала, кому его капиталъ достанется. А было у него въ ладонкѣ на крестѣ пятьсотъ рублевъ—все четвертными бумажками—зашито. И порѣшилъ онъ ихъ съѣсть; медъ-то ему дали, онъ ихъ изорвалъ, смѣшалъ съ нимъ, да и слопалъ, прости Господи!

— Ишь, грѣхъ какой! — удивилась хозяйка.

— Грѣхъ, матушка, грѣхъ, гражеское попущеніе!

— Ну, а ты ему что же?

— Я, вѣстимо, утѣшать начала: Богъ-де далъ, Богъ и взялъ. Куда тебѣ! только пуще затуманился. Ну, я и оставила, авось, думаю, такъ обойдется: погруститъ, погруститъ, да и перестанетъ.

— Что же пересталъ?

— Какой, родная, въ эту же ночь на ламповомъ крючкѣ удавился. Вотъ онъ, бѣсъ-то, матушка, горами горочаетъ!

Изъ спальни больнаго послышались стоны и сидѣлка поспѣшила туда.

ЖЕНУ КУПИЛЪ.

(До невѣроятности современный фактъ).

Утро. Кабинетъ одного изъ петербургскихъ адвокатовъ. Хозяинъ что-то пишетъ за письменнымъ столомъ. Въ передней раздается звонокъ и черезъ нѣсколько минутъ въ дверяхъ кабинета появляется, приглаживая рукою сильно напомаженные волосы, еще довольно молодой человѣкъ съ русой бородкой клиномъ, въ длиннополомъ сюртукѣ и сапогахъ бураками.

— Адвокатъ-съ вы будете?—обращается онъ къ хозяину.

— Я буду. Что вамъ угодно? Прошу садиться,—указываетъ тотъ на кресло.

Клиентъ садится и вертитъ въ рукахъ черный суконный картузъ на ватѣ.

Молчаніе.

— Чѣмъ могу служить?—спрашиваетъ адвокатъ.

— Дѣло у меня къ вамъ, можно сказать, осо-

бенное-съ, — какъ-то конфузливо говоритъ пришедшій.

— Какое-же?

— На счетъ супруги-съ.

— Бракоразводное? Я ими не занимаюсь; обратитесь къ другому, — замѣчаетъ хозяинъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ разводное-съ, докладываю вамъ, — особенное-съ.

— Да какое же особенное? — недоумѣваетъ адвокатъ.

— Супругу-съ я, значитъ, въ собственность пріобрѣлъ, по документу-съ.

— Какъ супругу? чи? — устремился хозяинъ на кліента.

— Тутъ одного изъ нашихъ мѣсть-съ. Мы, значитъ, изъ Лебедяни, купецъ Куроѣдовъ по фамиліи-съ, краснымъ товаромъ торгуемъ-съ.

— Это къ дѣлу не относится, — перебираетъ его адвокатъ, — вы разскажите самое дѣло поподробнѣе.

— Поподробнѣе-съ — оно длинно будетъ, — замѣчаетъ кліентъ.

— Ничего; чтобы дать вамъ тотъ или другой отвѣтъ, надо знать дѣло обстоятельно.

— Это точно-съ, — соглашается кліентъ; — значитъ, вамъ спервоначалу все разсказать?

— Ну-да, спервоначалу!

— Тэкъ-съ. Годика четыре это тому назадъ будетъ-съ, объявился у насъ, въ Лебедяни, тоже адвокатъ, оно не то, чтобы настоящій, а такъ,

аплике и супротивъ васъ, напримѣръ, другой товаръ будетъ, чиновникъ выгнанный, пропойца. Одначе, мелкія дѣла по купечеству въ лучшемъ видѣ орудовалъ-съ и въ компаніи, таперича, человѣкъ золотой-съ былъ. Ну, купечеству, сами знаете, это на руку — полюбили. Случись тутъ и у меня дѣльце кляузное, ну, и я, значитъ, къ Паупертову,—адвокатъ этотъ самый такъ по фамиліи-съ. Познакомились, компанію водить стали, въ домъ къ себѣ меня пригласилъ и судьбу этимъ мою порѣшилъ. Жилъ это онъ грязно-съ, на окраинѣ три комнаты занималъ съ супругою-съ. Увидалъ я ее и обомлѣлъ-съ. Въ грязи, да загонѣ она у мужа находилась, а съ лица—красота писаная. Повадился я къ нимъ. Мужа-то одна заря вгонитъ, а другая выгонитъ — пьянствуетъ, ну, а мы съ супругой тѣмъ временемъ разговоры разговариваемъ, и всю судьбу ейную я досконально узналъ. Не жисть ей, голубушкѣ, была, а каторга: на третьей на ней, на сиротѣ, мужъ-то аспидъ женился, года съ четыре всего. и дня она, голубушка, съ тѣхъ поръ свѣтлаго не видала; нужда, голодъ, да мужъ пьяница. Жалость меня инда взяла, и ласковъ я къ ней не въ примѣръ послѣ разсказа ея сталъ. Ну, ласки-то она, можетъ, отродясь не видала, отозвалась, и полюбили мы другъ друга.

— Ну, понимаю. Что же дальше? Вы, все-таки, покороче,— замѣтилъ адвокатъ.

— Слушаю-съ. Долго-ли, коротко-ли, сталъ

я ее отъ мужа сманивать къ себѣ, значитъ, въ холѣ пожить. Согласилась. Съ мужемъ я на ста рубляхъ поладилъ; паспортъ выдалъ—переѣхала. Съ годъ мѣста прошло, супругъ не очинно насъ безпокоилъ, иногда это въ пьяномъ образѣ десятку или синенькую сорветъ—и ничего; только къ концу прошлаго года сталъ онъ съ меня эту самую контрибуцію ужъ очинно часто взыскивать; деньжищъ я ему цѣлую прорву переплатилъ-съ, а окромя того скандалы-съ.

— Вы къ дѣлу-съ, поближе къ дѣлу,— замѣтилъ нетерпеливо хозяинъ.

— Сейчасъ, къ самому концу пришли-съ,— отвѣчалъ кліентъ.—На второй день Рождества, значитъ, является къ намъ супругъ ейный, въ трезвомъ видѣ, какъ слѣдуетъ, въ аккуратѣ, и такую рѣчь повелъ: „Иванъ Силычъ, -меня такъ кликаютъ,—чѣмъ по мелочи мнѣ съ васъ за разрушеніе моего семейнаго счастія брать, не лучше-ли къ окончательной цифрѣ придти, въ видѣ отступного, и супругу тогда я вамъ мою законную по документу передамъ и никакихъ противъ нея и васъ претензій имѣть не буду". Что жъ, думаю, кажись и дѣло говоритъ. Въ трактиръ я его повелъ, да за чайкомъ и къ дѣлу приступили. „Сколько же вы съ меня за супругу вашу единовременно возьмете?" спрашиваю я его. Три тысячи заломилъ, ирода, я ахнулъ. Одначе, сдался—на тысячѣ мы порѣшили; бумагу писать сталъ. Я, было, чтобы у нотаріуса заявить на-

ставалъ, а онъ говоритъ: „Это для меня конфузъ одинъ и такъ крѣпко будетъ“. Я согласился. Съѣздилъ домой, десять радужныхъ ему передалъ и вотъ эту самую росписку отъ него получилъ съ маркой гербовой.

Кліентъ вынулъ изъ кармана объемистый бумажникъ, досталъ оттуда росписку и подалъ адвокату.

Тотъ развернулъ ее и прочелъ: «1884 года, декабря 26 дня, я, нижеподписавшійся, выдалъ сію росписку купцу Ивану Силову Куроѣдову въ томъ, что передалъ въ вѣчное его владѣніе законную супругу мою, Митродору Петрову Паупертову, за что и получилъ съ него, Куроѣдова, тысячу рублей серебромъ, и обязуюсь никакихъ безпокойствъ ни ей, супругѣ моей, ни ему, Куроѣдову, не оказывать и никогда противъ нихъ никакихъ претензій не имѣть, въ противномъ случаѣ долженъ я отвѣтствовать по законамъ гражданскимъ и уголовнымъ. Отставной провинціальный секретарь Ѳемистоклъ Аристидовъ Паупертовъ руку приложилъ“.

— Чего же вы хотите?—улыбнулся адвокатъ.

— Какъ чего? По законамъ съ нимъ поступить, такъ какъ онъ съ Новаго же года деньги опять съ меня требовать сталъ и скандалы учинять, да притомъ и супругу отобрать грозится, а мнѣ безъ нея не жить,—заволновался кліентъ.

— Вотъ вамъ мой совѣтъ: бумагу вы эту разорвите, потому что по закону и покупателя, и

продавца живаго человѣка къ суду притянуть и вамъ же достанется,—отвѣчалъ адвокатъ.

— Это за мои же деньги? Ну, законъ-съ! Значитъ, окромя денежной контрибуціи отъ супруга ейнаго ничѣмъ не отбрыкаешься?

— Значитъ!

— Ну, дѣла! За безпокойство прошенья просимъ-съ...

Своеобразный клиентъ удалился.

ЦѢПОЧКА.

(Разсказъ чиновника).

Былъ воскресный день. На уютной дачкѣ Ивана Павловича Верховенскаго, въ Царскомъ Селѣ, собралось нѣсколько человѣкъ изъ его бывшихъ сослуживцевъ.

Гости пріѣхали съ утра, завтракали, гуляли, обѣдали, потомъ снова гуляли и, наконецъ, собрались выпить по „разгонной“, съ намѣреніемъ убраться во свояси.

Было уже десять часовъ вечера и гости, съ хозяиномъ во главѣ, сидѣли въ столовой за легонькой закуской, не замѣтивъ, что на небѣ собрались тучи, и только что они хотѣли подниматься для прощанья, какъ хлынулъ проливной дождь.

Уѣзжать не было возможности и приходилось переждать.

Хозяинъ и гости очутились, какъ это часто бываетъ, въ весьма неловкомъ положеніи. Все за день было переговорено, всѣ интересы и новости дня исчерпаны, а разстаться, когда разстаться настало самое время, нельзя...

Наступило общее молчаніе.

По временамъ слышалось сѣтованіе на погоду.

Хозяинъ предложилъ выпить.

Гости выпили и снова замолчали. Дождь не переставалъ.

— Вотъ что, господа, — произнесъ вдругъ одинъ изъ гостей, еще молодой, веселый блондинъ съ министерскими баками: — пока этотъ несносный дождь льетъ какъ изъ ведра и, видимо, не обѣщаетъ скоро окончиться,—давайте, чтобы не играть въ молчанку, поочередно разсказывать какой-нибудь эпизодъ изъ своей собственной жизни...

— Какой же эпизодъ?—послышались голоса.

— Какой нибудь, все равно!—замѣтилъ предложившій.

— Нѣтъ, ужъ лучше пусть каждый разскажетъ, какимъ образомъ совершился съ нимъ одинъ и тотъ же фактъ,—замѣтилъ другой гость—лысый старичекъ съ золотыми очками на носу.

— То-есть, какъ одинъ и тотъ же фактъ?

— Очень просто: мы всѣ люди служащіе и—кажется не ошибаюсь — всѣ женатые, такъ пусть каждый разскажетъ, напримѣръ, какъ онъ поступилъ на службу или какъ онъ женился...

— Отлично, я согласенъ съ этой поправкой моей мысли,—замѣтилъ блондинъ, — но предлагаю разсказать лучше о послѣднемъ. Поступленіе на службу слишкомъ прозаично, женитьба же все-таки поэтичнѣе...

— Прекрасно, великолѣпно...—одобрили остальные.—Но кому же начинать?

— Пусть и начнетъ подавшій эту прекрасную мысль—Андрей Аѳанасьевичъ, — замѣтилъ блондинъ.

— Да, да, пусть начнетъ Андрей Аѳанасьевичъ,—согласились всѣ.

— Извольте, я не протестую, я согласенъ!—отвѣтилъ старичекъ.

Воцарилось молчаніе.

Андрей Аѳанасьевичъ поправилъ на носу очки, вынулъ серебряную табакерку, сдѣлалъ аппетитную понюшку, откашлянулся и началъ:

— Было это, государи мои, ровно тридцать шесть лѣтъ тому назадъ. Я былъ тогда еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, но уже служилъ около года писцомъ по найму. Жалованье я получалъ грошевое, но жизнь въ то время была куда дешевле, а потому перебивался я себѣ коекакъ и даже считался въ нашей канцеляріи франтомъ. Изъ драгоцѣнныхъ вещей была у меня только одна вотъ эта цѣпочка моей матери. Покойница, царство ей небесное, подарила мнѣ ее за годъ до смерти своей, когда я еще въ гимназіи былъ. „Носи“, сказала, „Андрюша, дай Богъ,

чтобы она принесла тебѣ счастіе,—изъ цѣнныхъ вещей она у меня послѣдняя".

При этомъ разсказчикъ показалъ старинную панцырную золотую дамскую шейную цѣпочку для часовъ.

— Но причемъ-же тутъ цѣпочка? — послышался вопросъ.

— Въ ней-то вся и суть, — отвѣчалъ старикъ.

— Не мѣшайте! Слушайте! Продолжайте!— раздались голоса.

Андрей Аоанасьевичъ продолжалъ:

— Познакомился я въ то время съ семействомъ одного моего сослуживца-старика — нештатнаго чиновника Сергѣя Петровича Флорова. Жилъ онъ съ женой и тремя дочерьми-невѣстами на Выборгской. Младшая изъ дочекъ, шустрая блондиночка Варя, очень мнѣ приглянулась. Сталъ я бывать у Сергѣя Петровича довольно часто, а потомъ, каждое воскресенье, чуть не на цѣлые дни заряживалъ. Родители принимали меня радушно и ласково, видимо, расчитывая на меня, какъ на жениха. Дочекъ съ рукъ тоже до зарѣзу сбыть хотѣлось, потому—безприданницы были. Я хоть и молодъ былъ, но это понималъ и велъ себя осторожно, потому-что въ серьезномъ взглядѣ на жизнь у меня и тогда, не въ похвалу себѣ будь сказано, недостатка не было и самому нищему на нищей жениться считалъ я не резоннымъ, да, видно, судьба-то насъ не спрашиваетъ и ни одинъ

человѣкъ не знаетъ, гдѣ найдетъ и гдѣ потеряетъ...

Старикъ задумался.

— Какъ, государи мои, остороженъ я ни былъ,—началъ онъ снова, послѣ нѣкотораго молчанія,—а молодость свое брала. Сталъ я за Варенькой ухаживать, а потомъ и амуры съ ней на розовой водѣ разводить... Барышня не препятствовала... Начались пожатія ручекъ, а затѣмъ дошли. тайкомъ да урывками, и до поцѣлуйчиковъ въ щечку, а иной разъ и въ губки. Исторія обыкновенная,—сами, чай, знаете...

Разсказчикъ засмѣялся.

— На счетъ свадьбы у меня и въ умѣ не было: такъ, дескать, въ невинную любовь поиграю — и баста... Какъ-то въ одно изъ воскресеній, послѣ обѣда, папенька ея отдохнуть, по обыкновенію, легъ, маменька по хозяйству пошла, сестры тоже куда-то разбрелись и остались мы съ Варенькой въ гостиной вдвоемъ. Ну, значитъ, я сейчасъ поближе подсѣлъ, бобы разные разводить началъ, да и наклонись къ ней поцѣловать ее. Поцѣловалъ сладко такъ, какъ теперь помню... Въ это время маменька въ дверь. Я было отскочить отъ Вари хотѣлъ — не тутъ-то было, не пускаетъ что-то. А это я своей цѣпочкой за пуговицы Варинькинаго платья зацѣпился. Ну, и накрыли... Въ этотъ-же вечеръ женихомъ былъ объявленъ, а черезъ мѣсяцъ и женился. Сначала я поселился у ея родителей, а тамъ, черезъ пол-

года съ небольшимъ, штатное мѣсто получилъ и мы ужь завели свое хозяйство, да вотъ тридцать шесть лѣтъ съ моей Варварой Сергѣевной живу,—да такъ, какъ дай Богъ всякому: въ мирѣ, ладу и счастіи. Вотъ она, господа, цѣпочка-то! Маменька-то, покойница, точно напророчила: именно счастье и принесла мнѣ. Оттого я и не разстаюсь съ ней, хотя и не модная,—закончилъ свой разсказъ Андрей Аѳанасьевичъ.

— Теперь чья очередь?—раздались голоса.

— Этотъ чередъ надо будетъ отложить,— замѣтилъ блондинъ, — оттого, во-первыхъ, что интереснѣе разсказа Андрея Аѳанасьевича едва-ли можно ожидать, во-вторыхъ, хозяину пора дать покой, а въ третьихъ, дождь пересталъ...

Погода на самомъ дѣлѣ прояснилась.

Гости поднялись изъ-за стола и, распростившись съ хозяиномъ, отправились на вокзалъ къ двѣнадцатичасовому поѣзду, разсуждая дорогой на тему только что слышаннаго разсказа.

БРАКЪ НЕ ПО СЕРДЦУ.

(Совершенно невѣроятное приключеніе).

Баронъ Карлъ Ѳедоровичъ фонъ-Крафтъ былъ молодой человѣкъ, подающій блестящія надежды. Выпущенный не особенно давно изъ одного привиллегированнаго учебнаго заведенія, онъ поступилъ на службу въ одинъ изъ многочисленныхъ петербургскихъ департаментовъ.

Служба не обременяла его. Питомцы привиллегированныхъ заведеній не употребляются на черную канцелярскую работу, — они, обыкновенно, сперва „состоятъ“, а потомъ сразу „завѣдуютъ“. Карлъ Ѳедоровичъ теперь „состоялъ“.

Рекомендованный своему непосредственному начальнику однимъ изъ товарищей послѣдняго,— дальнимъ родственникомъ Карла Ѳедоровича,— онъ былъ обласканъ его превосходительствомъ и даже принятъ въ домъ; слѣдовательно, карьера

его, при небольшомъ съ его стороны умѣньи, была обезпечена, а умѣнья этого нашему барону было не занимать стать. Еще на школьной скамьѣ онъ мечталъ о карьерѣ и между товарищами выбиралъ лишь сыновей вліятельныхъ и сановитыхъ родителей, умѣлъ дѣлаться ихъ другомъ и черезъ ихъ попалъ въ центръ высшаго петербургскаго свѣта, куда не легко пробраться даже баронамъ, особенно при томъ недостаткѣ, которымъ, къ несчастію, обладалъ Карлъ Ѳедоровичъ,—онъ былъ бѣденъ.

Впрочемъ, нашъ баронъ и тутъ умѣлъ жить. Съ помощью тѣхъ-же товарищей ему былъ открытъ кредитъ, которымъ онъ, въ надеждѣ на карьеру и выгодную женитьбу, и пользовался широко.

Все шло, какъ по маслу. Но туча надвигалась.

Павелъ Николаевичъ Оболдуй-Загорянскій, начальникъ Карла Ѳедоровича, былъ вдовецъ. Онъ жилъ со своей единственной дочерью, Александрой Павловной, красивой девятнадцатилѣтней брюнеткой, съ годъ какъ кончившей курсъ института,—богатѣйшей невѣстой Петербурга. (Ходили слухи, что за ней отецъ даетъ въ приданое полъ-милліона, и слухи эти, въ виду колоссальнаго состоянія Оболдуй-Загорянскаго, не были неправдоподобны). При дочери жила компаньонка — дѣвушка лѣтъ тридцати, имѣвшая, если вѣрить ходившимъ сплетнямъ, большое вліяніе на старика.

Марья Николаевна Шеина—такъ звали эту компаньонку—жила въ домѣ Павла Николаевича, до выхода его дочери изъ института, въ качествѣ домоправительницы и лишь вслѣдъ за этимъ преобразилась въ ея компаньонку.

Оболдуй-Загорянскій нѣсколько разъ пытался выдать ее замужъ за кого-либо изъ своихъ подчиненныхъ, но безуспѣшно: Марья Николаевна была разборчива и не хотѣла разстаться съ своимъ тепленькимъ мѣстечкомъ.

Блестящій баронъ покорилъ, однако, сердце этой перезрѣлой дѣвы,—она, видимо, къ нему благоволила.

Старикъ замѣтилъ это; но баронъ былъ подчиненный привиллегированный: ему нельзя было приказать жениться и Оболдуй-Загорянскій выжидалъ.

Нѣсколько разъ онъ какъ бы вскользь намѣчалъ барону, что за Марьей Николаевной двадцать пять тысячъ приданаго, но тотъ, видимо, не понималъ или старался не понимать этого намека.

Павелъ Николаевичъ не переставалъ, однако, надѣяться и радушно принималъ Карла Ѳедоровича, который бывалъ въ его домѣ, почти ежедневно, запросто.

Но что же влекло барона?

Не компаньонка. Онъ мѣтилъ выше...

Полумилліонное приданое хорошенькой дочки

Павла Николаевича было для него сильнѣйшимъ магнитомъ.

Александра Павловна тоже не была глуха къ исканіямъ барона и между ними завязался романъ въ легкомъ жанрѣ.

Влюбленная парочка, насладившись всѣми платоническими прелестями любви, начала мечтать о бракѣ.

Но какъ быть? Разсчитывать на согласіе отца нечего было и думать. Не смотря на неизмѣримую любовь къ дочери, онъ никогда бы не согласился на бракъ ея съ малочиновнымъ бѣднякомъ.

Баронство Карла Ѳедоровича тоже мало значило въ глазахъ Оболдуй-Загорянскаго.

Все это молодые люди знали.

На романическое бѣгство великосвѣтская красавица не соглашалась, находя это слишкомъ schöking.

Влюбленные страдали.

Баронъ ходилъ какъ въ воду опущенный: чувство любви и жажда узъ Гименея увеличивались въ немъ чувствомъ должника, преслѣдуемаго своими кредиторами.

Въ такомъ-то состояніи Карлъ Ѳедоровичъ совершалъ разъ свою обычную прогулку по Невскому.

— Баронъ, вы-ли это?—раздался чей-то голосъ.

Карлъ Ѳедоровичъ обернулся и на ступеняхъ входа къ Доминику увидалъ своего стараго зна-

комаго и пріятеля—Сергѣя Ивановича Доброволина и вошелъ съ нимъ къ Доминику.

Сергѣй Ивановичъ велѣлъ подать себѣ водки и кулебяки, а баронъ чашку кофе и сладкій пирожокъ.

Послѣ обычныхъ разспросовъ Карлъ Ѳедоровичъ разсказалъ Сергѣю Ивановичу исторію своей любви, и безпокоющее его разрѣшеніе вопроса: какъ быть?

Имя невѣсты, конечно, было скрыто.

— Очень просто!—замѣтилъ Сергѣй Ивановичъ (онъ былъ большой дѣлецъ).—Она можетъ выйдти за васъ замужъ не выходя изъ своего дома и даже въ тотъ моментъ, когда будетъ сидѣть съ отцемъ за чаемъ.

Баронъ вытаращилъ глаза.

— Надо достать бумаги невѣсты,—конечно, съ ея согласія,—продолжалъ развивать свою мысль Доброволинъ,—а съ ними всегда можно найдти подходящую особу, которая согласится за извѣстную плату пойти подъ вѣнецъ и роспишется именемъ и фамиліей, значащимися въ бумагахъ невѣсты. Настоящая невѣста спорить противъ брака не будетъ, отецъ не рѣшится на скандалъ и все будетъ обстоять благополучно.

Барона этотъ планъ поразилъ.

— А согласитесь вы помочь мнѣ въ этомъ дѣлѣ?—вкрадчиво спросилъ онъ Доброволина.

— Отчего же,—отвѣчалъ тотъ;—особу я вамъ найду рублей за триста. Привезите бумаги.

Баронъ записалъ адресъ Доброволина, а ему далъ свою карточку и они разстались.

Въ этотъ же вечеръ Карлъ Ѳедоровичъ передалъ планъ Доброволина Александрѣ Павловнѣ.

Та, послѣ долгихъ колебаній и упрашиваній со стороны барона, согласилась; но чтобы добыть бумаги, надо было довѣриться Марьѣ Николаевнѣ. Это взялась устроить сама Александра Павловна, ручаясь за успѣхъ:

— Она мнѣ очень предана, да и къ тебѣ тоже благоволитъ,—она согласится,—увѣренно замѣтила она.

Баронъ былъ въ восторгѣ.

На другой день, утромъ, онъ отправился къ Доброволину, отвезъ ему триста рублей и просилъ найдти „особу“.

„Особа“ была найдена.

Въ то же время въ домѣ Оболдуй-Загорянскаго происходили слѣдующія сцены:

Марья Николаевна, выслушавъ признаніе и просьбу Александры Павловны, согласилась.

— Это страшно рисковано, вашъ отецъ сживетъ меня со свѣту, но я ни въ чемъ не могу отказать вамъ.

Дѣвушки упали другъ другу въ объятія.

Черезъ нѣсколько времени Марья Николаевна была уже въ кабинетѣ старика.

Въ короткихъ словахъ она изложила ему планъ его дочери и барона.

— Гмъ!—крякнулъ Оболдуй-Загорянскій и началъ ходить по кабинету.

Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе.

— Хочешь быть баронессой фонъ-Крафтъ?—остановился онъ вдругъ передъ Марьей Николаевной.

Та покраснѣла. Старикъ понялъ.

— Положи въ конвертъ вмѣсто бумагъ дочери — свои,—влюбленные разсѣянны,—а за все остальное отвѣчаю я,—замѣтилъ онъ.

Марья Николаевна вышла.

Запечатанный конвертъ съ бумагами былъ врученъ барону Александрой Павловной вечеромъ того же дня.

Баронъ уѣхалъ отъ Оболдуй-Загорянскихъ ранѣе обыкновеннаго, крѣпко пожавъ на прощанье руку Марьи Николаевны.

Та скромно потупила глазки и покраснѣла.

Карлъ Ѳедоровичъ помчался къ Доброволину и вручилъ ему пакетъ, а также и свои бумаги.

Тотъ объяснилъ, что свадьбу можно сыграть даже завтра.

— Свидѣтелями будутъ: я и трое моихъ пріятелей,—добавилъ Сергѣй Ивановичъ.

— Завтра, такъ завтра!—рѣшилъ со смѣхомъ баронъ и попросилъ Доброволина завернуть къ нему завтра сообщить назначенный часъ.

На другой день, въ шесть часовъ, онъ былъ въ церкви, гдѣ невѣста, молоденькая милорилная

брюнеточка, и Добровольнъ съ пріятелями дожидались его. Все было кончено.

За бумагами пришлось заѣхать черезъ нѣсколько дней.

Дня черезъ три баронъ получилъ приказъ о назначеніи его въ одну изъ приволжскихъ губерній. Приказъ сначала поразилъ его, но, обдумавъ, онъ рѣшилъ, что тѣмъ лучше.

— Теперь есть предлогъ потребовать свою жену, — самодовольно сказалъ самъ себѣ баронъ. — Можно сдѣлать это и нынче, — продолжалъ онъ соображать и взглянулъ на часы.

Было половина перваго — часъ, когда Оболдуй-Загорянскій бываетъ дома.

Карлъ Оедоровичъ заѣхалъ получить бумаги и прямо отправился къ „тестю".

— Довольны вы вашимъ назначеніемъ? — встрѣтилъ его начальникъ.

— Благодарю васъ, но я желалъ бы ѣхать къ мѣсту моего служенія съ моею женой, — твердо произнесъ баронъ.

— Кто же вамъ мѣшаетъ, если вы женаты, чего я не зналъ, впрочемъ, — удивился Оболдуй-Загорянскій...

— Да я женатъ недавно и жена моя живетъ въ вашемъ домѣ, — продолжалъ баронъ.

— Въ моемъ домѣ!? — какъ бы недоумѣвалъ Павелъ Николаевичъ.

— Да, вотъ доказательство!

Баронъ подалъ Оболдуй-Загорянскому бумаги,

который развернулъ ихъ и началъ просматривать.

— Вы женились, мой милый, безъ позволенія начальства и даже тайно отъ меня, своего хорошаго знакомаго, а я, вѣдь, не былъ бы ничуть противъ этого брака.

Карлъ Оедоровичъ не ожидалъ. Онъ былъ потрясенъ.

— Простите... Страстная любовь...—шепталъ онъ.

— Что тутъ прощать, дѣла не поправишь!—замѣтилъ Оболдуй-Загорянскій и позвонилъ.

Вошелъ лакей.

— Попроси сюда Марью Николаевну!—приказалъ онъ ему.

Черезъ нѣсколько минутъ Марья Николаевна вошла въ кабинетъ.

— Стыдно, сударыня, имѣть тайны отъ меня, вашего благодѣтеля, почти отца!—обратился къ ней Оболдуй-Загорянскій.—Баронъ сейчасъ сознался мнѣ, что онъ недавно тайно обвѣнчанъ съ вами...

При послѣднихъ словахъ Оболдуй-Загорянскій подошелъ къ несгораемому шкафу и отперъ его.

— Вотъ ваше приданое,—двадцать пять тысячъ!—продолжалъ онъ, подавая ей свертокъ процентныхъ бумагъ.—Богъ проститъ васъ, какъ прощаю и я... Можете отправляться съ вашимъ мужемъ: онъ получилъ назначеніе въ С... скую губернію.

Баронъ стоялъ и слушалъ въ полномъ недоумѣніи.

— Но я женатъ не на Маріѣ Николаевнѣ!— успѣлъ, наконецъ, вставить онъ свое слово.

— Какъ!? А это что?

И генералъ подалъ ему бумагу.

Ѳедоръ Карловичъ взглянулъ и обомлѣлъ. Это было метрическое свидѣтельство дѣвицы изъ дворянъ Маріи Николаевны Шенной съ надписью о томъ, что она повѣнчана первымъ бракомъ съ барономъ Карломъ Ѳедоровичемъ фонъ-Крафтъ.

Баронъ до крови закусилъ себѣ губы и злобно посмотрѣлъ на свою супругу, стоявшую съ опущенной головой и со сверткомъ процентныхъ бумагъ въ рукѣ.

Чрезъ нѣсколько времени молодые отправились въ с—кую губернію.

СИБИРЬ.

УМИРАЮЩІЙ ВАРНАКЪ.

(Психологическій этюдъ).

Онъ лежалъ навзничь, недвижимо.

Казалось, это былъ трупъ.

Его фигура выдѣлялась на бѣлой пеленѣ снѣга какою-то темною, безформенною массой.

Только судорожныя движенія правильнаго, выразительнаго, блѣднаго, измученнаго лица, смѣняющіяся вдругъ страннымъ, поражающимъ контрастомъ—счастливой, почти блаженной улыбкой, доказывали, что искра жизни еще теплилась въ немъ, вспыхивая по временамъ довольно ярко, подобно перебѣгающей искрѣ потухающаго костра, разведеннаго неподалеку отъ него.

Онъ умиралъ, умиралъ одинъ, вдали отъ людей, среди суровой, непріютной природы—въ сибирской тайгѣ.

Безформенный видъ придавала ему его одежда:

она состояла изъ рваной собачьей дохи, шапки изъ такого же мѣха и кожаныхъ бродень на ногахъ. Тощая котомка изъ грубаго холста и длинная сучковатая палка лежали около него.

Не трудно было съ перваго взгляда признать въ немъ варнака, т.-е. бѣглаго каторжника.

Онъ и былъ имъ.

Но не трудно было также угадать подъ этимъ безобразнымъ костюмомъ человѣка, испытавшаго когда-то иную, лучшую, и далеко не суровую, долю.

Съ правой руки его спала мѣховая рукавица и тонкіе, изящные пальцы, хотя и покрытые слоемъ грязи, краснорѣчиво говорили о его происхожденіи.

Изъ подъ уродливой мѣховой шапки, носящей мѣстное названіе треуха, выбивались шелковистыя черныя кудри; такіе же всклокоченные усы и борода обрамляли интелигентное, умное, энергичное лицо съ нѣжными, аристократическими чертами. Глаза были закрыты и густыя, длинныя рѣсницы оттѣняли ушедшія отъ худобы лица вглубь глазныя впадины.

На видъ ему казалось не болѣе тридцати лѣтъ.

Таковъ былъ лежащій недвижимо варнакъ.

Былъ полдень.

Яркое солнце освѣщало дѣвственный лѣсъ, играло лучами на покрытыхъ инеемъ сучьяхъ вѣ-

ковыхъ деревьевъ. Они казались осыпанными милліардами брилліантовъ чистѣйшей воды.

Это было холодное сибирское солнце: оно свѣтило, свѣтило ярко, но не грѣло.

Въ воздухѣ стояла какая-то невозмутимая тишина.

Ни малѣйшее дуновеніе вѣтерка, ни малѣйшій шепотъ не нарушалъ величаваго спокойствія дикой, ледяной природы.

Казалось, подавленный этой окружающей тишиной, лежавшій варнакъ, хотя и могъ бы, не смѣлъ шевельнуться.

Онъ доживалъ послѣднія минуты своей надломленной жизни.

И въ эти минуты съ особенной рельефностью, какъ въ калейдоскопѣ, проносилась въ его напряженномъ воображеніи вся его прошлая жизнь.

Такъ натянутая чрезмѣрно струна, готовая оборваться, звучитъ сильнѣе.

Быстро неслись передъ нимъ воспоминанія раннято дѣтства.

Берегъ далекой красавицы Волги, гдѣ живописно раскинулось его родовое имѣніе, ласки матери, давно лежащей въ могилѣ, святой женщины, боготворившей своего единственнаго сына. Въ любви къ нему находила она утѣшеніе въ своей безотрадной, страдальческой жизни съ деспотомъ мужемъ, изъ гуляки-гусара превратившагося послѣ свадьбы въ гуляку-помѣщика.

При воспоминаніи о ней свѣтлая улыбка озарила лицо умирающаго.

Живо вспомнилась ему минута разлуки съ этимъ, тогда единственнымъ, любимымъ имъ существомъ. Ему пошелъ одиннадцатый годъ и отецъ повезъ его въ Москву, въ гимназію.

Какъ теперь помнитъ онъ сцену прощанья на крыльцѣ: дрожащую, благословляющую руку и полные слезъ прекрасные глаза, устремленные на него съ невыразимою нѣжностью.

Онъ истерически зарыдалъ.

Отецъ грубо подхватилъ его подъ руки и буквально бросилъ въ дорожную карету, затѣмъ обратился къ женѣ, по обыкновенію, съ какимъ-то рѣзкимъ замѣчаніемъ.

Та безъ чувствъ упала на полъ и слуги подхватили ее.

Онъ видѣлъ, какъ уносили ее въ домъ, такъ какъ отецъ отворилъ въ то время дверцы кареты и сталъ усаживаться съ нимъ рядомъ.

Карета покатила.

Это была для него первая страшная минута въ жизни.

Выраженіе страданья и теперь появилось на лицѣ варнака.

Большой, незнакомый городъ. Гимназія, куда онъ былъ помѣщенъ на полный пансіонъ, окруженная для него какою-то таинственностью, мундирчикъ, въ который его облекли, товарищи, учителя, новыя лица, новые порядки, вся эта масса

нахлынувшихъ на умъ мальчика свѣжихъ сильныхъ впечатлѣній смягчили грусть разлуки съ родимымъ гнѣздышкомъ.

Отецъ уѣхалъ.

Сынъ вошелъ въ гимназическую колею.

Потянулись долгіе учебные годы.

Памятно ему изъ нихъ лишь время каникулъ, когда онъ снова возвращался въ объятія любимой матери, передавалъ ей впечатлѣнія прожитаго въ разлукѣ съ ней учебнаго года и оживалъ подъ ея животворящими ласками, сбрасывалъ съ себя зачерствѣлость, навѣянную сухими учебниками, переполненными сухими фактами и правилами; съ жадностью полной грудью вдыхалъ свѣжій деревенскій воздухъ и по цѣлымъ часамъ любовался на несущую свои мягкія волны красавицу Волгу.

Здѣсь проходилъ онъ курсъ иной, высшей науки: въ объятьяхъ матери и природы учился онъ чистой любви и чистой поэзіи.

Снова улыбка счастья появилась на устахъ варнака.

Онъ вернулся съ послѣднихъ гимназическихъ каникулъ въ седьмой, послѣдній классъ. Радужныя мечты рисовались въ будущемъ. Черезъ годъ, только черезъ годъ—университетъ,—онъ рѣшилъ быть юристомъ,—только что нарождавшаяся тогда адвокатура, слава, богатство...

Послѣднее, впрочемъ, ему было излишнимъ.

Какъ единственный сынъ богача-отца, онъ не нуждался въ средствахъ.

Вдругъ, тяжелый ударъ.

Страшныя судороги исказили лицо варнака.

Онъ получилъ отъ отца письмо съ черной печатью, увѣдомлявшее его о смерти матери.

Его единственнаго дорогого друга не стало.

Впечатлительный юноша не вынесъ обрушившагося на него несчастья. Нервная горячка почти на цѣлый мѣсяцъ приковала его къ постели. Безъ него опустили ее въ могилу.

Молодость, однако, взяла свое. Онъ выздоровѣлъ и кончилъ курсъ.

Пріѣхавъ въ имѣніе отца, не заѣзжая въ домъ, онъ приказалъ остановиться у церковной ограды и упалъ, обливаясь слезами, на могилу матери. Слезы облегчили его. Нѣсколько времени провелъ онъ въ тихой молитвѣ и какъ-то совершенно успокоился. Странное сознаніе появилось въ его умѣ: ему показалось, что когда мать была жива— онъ могъ быть съ нею въ разлукѣ, не видѣть и не слышать ее, теперь же она вездѣ и всегда будетъ около него, онъ будетъ не только слышать, но и видѣть ее. Онъ почувствовалъ это какъ-то не умомъ, не сердцемъ, а всѣмъ существомъ своимъ, и не только успокоился, но какъ-то странно радостно сталъ думать, что она умерла.

— И ей, и мнѣ лучше!—мелькнуло въ его головѣ.

Онъ снова почувствовалъ, почувствовалъ всѣмъ существомъ своимъ, что это было именно такъ.

Въ отцѣ онъ не нашелъ перемѣны. Казалось, въ его жизни ничего не случилось. Онъ не измѣнилъ ни на іоту ея режима: тѣ же охоты, пикники, попойки...

Встрѣчѣ съ сыномъ придалъ онъ дѣловой характеръ. Черезъ нѣсколько же дней ассигновалъ ему довольно крупную сумму въ годъ для жизни въ Москвѣ студентомъ и тотчасъ выдать треть.

Видно было, что онъ его выпроваживалъ. Сынъ стѣснялъ его.

Тотъ понялъ и, посѣтивъ еще разъ могилу матери, уѣхалъ въ Москву.

Отецъ его не задерживалъ.

Снова еще невзвѣданныя впечатлѣнія—первые шаги самостоятельной жизни.

Быстро, быстро несутся воспоминанія, приближаясь къ роковому моменту, первыя лекціи, экзамены, кружокъ товарищей, споры,—споры безъ конца на отвлеченныя темы въ наполненной табачнымъ дымомъ комнатѣ, мечты объ идеалахъ, славѣ, исполненномъ долгѣ...

Какая-то горькая усмѣшка появилась и теперь на лицѣ варнака.

Онъ на четвертомъ курсѣ. Одна изъ первыхъ лекцій въ началѣ учебнаго года. Каждый годъ въ то время появляются въ университетѣ новыя лица—еще совсѣмъ юноши, робко, нетвердою

походкою вступающіе подъ своды храма наукъ. Какъ бы чѣмъ-то испуганные, чего-то конфузясь, съ тетрадками въ рукахъ, сторонясь другихъ, ходятъ они по корридорамъ и заламъ; это первокурсники, находящіеся еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ гимназической скамьи.

Между ними въ этотъ годъ оказался юноша, еще совсѣмъ мальчикъ, съ нѣжнымъ, какъ у дѣвушки, миловиднымъ, безусымъ лицомъ, съ вьющимися бѣлокурыми волосами, съ восторженнымъ взглядомъ свѣтло-голубыхъ глазъ.

Его какъ-то потянуло къ этому юношѣ. Онъ искалъ съ нимъ встрѣчи. Это было тѣмъ легче, что первокурсникъ былъ тоже юристъ.

Разъ завязался незначительный разговоръ.

— Стоцкій! — счелъ долгомъ представиться юноша.

— Бартеневъ! — отвѣчалъ онъ.

— Бартеневъ? — прошепталъ тотъ и поднялъ на него восторженный взглядъ.

Потомъ схватилъ его за руку и крѣпко пожалъ ее:

— Какъ я радъ, какъ я радъ!

Имя Бартенева гремѣло въ университетѣ: на послѣднемъ актѣ онъ получилъ за сочиненіе золотую медаль.

Знакомство завязалось.

Черезъ нѣсколько времени Стоцкій робко обратился къ нему:

— Вы позволите мнѣ посѣтить васъ?

— Буду очень радъ,—поспѣшилъ отвѣтить онъ и далъ свой адресъ.

Стоцкій не замедлилъ явиться и пригласилъ его къ себѣ.

Онъ жилъ съ родными.

Этотъ визитъ рѣшилъ его судьбу.

Передъ нимъ и теперь возсталъ въ яркихъ, живыхъ краскахъ образъ красавицы-дѣвушки, сестры Стоцкаго, Татьяны Анатолѣевны. Похожая на брата, но еще болѣе женственная, полувоздушная, граціозная, она казалась какимъ-то неземнымъ существомъ, чѣмъ-то „не отъ міра сего", хотя опытный физіономистъ по складочкамъ у ея розовыхъ губокъ и стальному подчасъ блеску ея чудныхъ голубыхъ глазъ далеко не призналъ бы ее чуждой всего земного.

Бартеневъ, увы! не былъ физіономистомъ.

Онъ преклонился передъ обьяніемъ красоты.

Улыбка счастія появилась и теперь на страдальческомъ лицѣ варнака.

Онъ припомнилъ впечатлѣніе этого перваго знакомства: она показалась ему тѣмъ „мимолетнымъ видѣніемъ", тѣмъ „геніемъ чистой красоты", котораго такъ звучно воспѣлъ его любимый поэтъ:

Онъ началъ бывать часто, привлекаемый какою-то невѣдомой силой.

Сердце сердцу подало вѣсть.

Онъ добился взаимности.

Это былъ лучшій вечеръ въ его жизни.

Они были вдвоемъ.

Онъ робко, осторожно началъ признанье.

Она поняла его и потупила глаза. Незамѣтно очутились они близко другъ къ другу. Губы ихъ слились въ первомъ поцѣлуѣ.

Онъ былъ счастливъ,—счастливъ полнымъ счастіемъ.

Вдругъ, счастливую улыбку смѣнили страшныя судороги. Лицо варнака приняло почти звѣрское выраженіе.

Не долго было его счастіе!

Оставалось нѣсколько мѣсяцевъ до окончанія курса. Они рѣшили съ божественной Таней подождать объявлять роднымъ. Тайна въ любви придастъ ей еще большую сладость.

Незамѣтно неслись дни.

Вмѣстѣ съ увѣдомленіемъ о полученномъ имъ кандидатскомъ дипломѣ сообщилъ онъ отцу о своемъ рѣшеніи жениться на дѣвицѣ изъ дворянъ, Татьянѣ Анатоліевнѣ Стошкой, и просилъ его благословенія.

Въ отвѣтъ онъ получилъ письмо, въ которомъ отецъ игриво выражалъ свое согласіе и извѣщалъ, что ѣдетъ самъ познакомиться съ избранной имъ подругой жизни.

Онъ съ восторгомъ передалъ своей милой Танѣ желанье своего отца.

Женихъ и невѣста—они уже были объявлены—стали съ нетерпѣніемъ ожидать пріѣзда старика Бартенева.

Наконецъ, онъ пріѣхалъ.

Будущая невѣстка, видимо, ему полюбилась: цвѣты, конфекты, цѣнные подарки посыпались на нее дождемъ изъ щедрой руки будущаго богатаго свекра.

Онъ самъ въ присутствіи невѣсты сына молодѣлъ, подтягивался и браво крутилъ свой нафабренный усъ.

— Вамъ самимъ еще самая пора жениться,— какъ-то сорвалось съ языка старухи Стонкой.

— Что же, я бы не прочь, да вѣдь онъ не уступитъ, — молодцевато пристукнулъ старикъ каблукомъ, кивнувъ въ сторону сына.

Всѣ расхохотались шуткѣ.

Одна Таня почему-то сконфузилась. Онъ— припоминаетъ теперь -тогда не обратилъ на это вниманія.

Стонкіе были люди далеко не богатые и хотѣли сыграть тихую, скромную свадьбу, но старикъ Бартеневъ воспротивился. Онъ добился, безъ большого, впрочемъ, труда, повеленія заказать для невѣсты все приданое въ Парижѣ, что привело въ неописанный восторгъ Таню, но за то огорчило ея жениха. Свадьбу по неволѣ должны были отложить.

Была половина августа. Заказанное приданое и подвѣнечное платье были получены изъ таможни и день свадьбы былъ назначенъ на пятое сентября.

Такъ рѣшилъ самъ отецъ; но въ -тотъ же вечеръ онъ попросилъ сына съѣздить недѣльки на

двѣ въ деревню, такъ какъ наступало время хлѣбныхъ сдѣлокъ.

— Надо и тебѣ пріучаться къ хозяйству, — замѣтилъ онъ: — я становлюсь старъ; мнѣ необходимъ помощникъ.

Онъ помнитъ и теперь съ какимъ восторгомъ согласился онъ исполнить волю отца, окружавшаго его и любимую имъ дѣвушку нѣжнымъ вниманіемъ.

Мысль о разлукѣ больно кольнула его въ сердце, но онъ пересилилъ себя.

Черезъ день, простившись съ невѣстой, онъ укатилъ на берега красавицы Волги.

— Возвращайся къ третьему сентября, — сказалъ ему отецъ, обнимая на прощанье.

Пріѣхавъ въ имѣніе, онъ дѣятельно принялся за дѣла, но вдругъ какое-то странное предчувствіе близкаго горя стало томить его.

Онъ началъ рваться туда, въ Москву, съ какою-то неудержимою силой; наконецъ, не выдержалъ, бросилъ все и помчался назадъ.

Живо и ясно, какъ будто это было вчера, несмотря на то, что уже прошло болѣе пяти лѣтъ, представился умирающему этотъ роковой моментъ пріѣзда въ Москву, — представился во всѣхъ его мельчайшихъ, потрясающихъ подробностяхъ.

Было около шести часовъ вечера перваго сентября. Стояла прекрасная, совсѣмъ еще лѣтняя погода: въ воздухѣ было жарко и густая бѣлая пыль застилала московскія улицы. Вотъ онъ мино-

вал Пречистенскій бульваръ, площадь Пречистенскихъ воротъ и повернулъ на Остоженку, гдѣ жили Стоцкіе, а въ одномъ изъ прилегающихъ къ ней переулковъ была и его холостая квартирка.

Надо было проѣхать мимо дома, гдѣ жила она, его Таня. Вотъ и ихъ квартирка въ двухъ-этажномъ домикѣ. Но что это такое? У подъѣзда толпится народъ, стоитъ нѣсколько экипажей, а впереди парадная карета, запряженная шестеркой.

Онъ помнитъ,—помнитъ какъ сейчасъ,—что что-то больно, невыносимо больно рѣзнуло его по сердцу.

Выраженіе смертельнаго ужаса отразилось и теперь на лицѣ варнака.

— Стой!— крикнулъ онъ кучеру и стремительно выпрыгнулъ изъ экипажа. И, растегнувшагося отъ быстраго движенія клеенчатаго кожуха вынулъ револьверъ и со звономъ упалъ на мостовую.

Какой-то мальчишка изъ окружающей кучки зѣвакъ поднялъ его и подалъ ему.

Онъ машинально сунулъ его въ карманъ пальто.

Торопливо поднялся онъ на три знакомыя ему каменныя ступени крыльца и нервно дернулъ за мѣдную ручку колокольчика.

Ему отворила дверь Настя, горничная Стоцкихъ.

Отворила, какъ-то странно, дико посмотрѣла на него, что-то вскрикнула и быстро убѣжала въ комнаты.

Онъ не разобралъ, что она крикнула: была-ли это фраза, или просто безсвязный крикъ.

Онъ потомъ нѣсколько разъ старался припомнить этотъ крикъ и рѣшить этотъ вопросъ, но безуспѣшно.

И теперь его мысль остановилась на томъ же самомъ.

— Нѣтъ, это просто былъ крикъ,—крикъ испуга, неожиданности, предчувствія катастрофы, но не фраза,—рѣшилъ онъ и теперь, и снова сосредоточился на воспоминаніи, отвлеченный ненадолго отъ него этимъ размышленіемъ.

Первую фразу, связную, полную, совершенно отчетливую фразу, услыхалъ онъ въ гостинной Стоцкихъ, куда прошелъ не раздѣваясь, какъ былъ: въ пальто и даже въ шляпѣ.

Онъ отчетливо помнитъ и теперь, что чувствовалъ тогда, что ему надобно снять шляпу, что въ шляпѣ войдти въ комнату неприлично, но ему не только не хотѣлось, онъ просто не могъ вынуть изъ кармана правую руку. Въ лѣвой же онъ держалъ зонтикъ, хорошій зонтикъ, шелковый, съ ручкой изъ слоновой кости и его иниціалами: А. Б.—Александръ Бартеневъ.

Онъ какъ теперь видитъ передъ собой этотъ зонтикъ.

Но чѣмъ же была занята его правая рука?

Онъ начинаетъ припоминать. Да, онъ помнитъ. Когда Настя вскрикнула, ему вдругъ стало какъ-то безотчетно страшно. Онъ опустилъ руку въ кар-

манъ пальто и ощупалъ положенный имъ туда револьверъ. Онъ судорожно ухватился за него и чѣмъ крѣпче держалъ его, тѣмъ сильнѣе сознавалъ какую-то несомнѣнную, но смутно представлявшуюся ему опасность. Оторвать руку отъ револьвера, чтобы снять шляпу, онъ былъ не въ силахъ.

Вотъ почему вошелъ онъ въ гостиную въ шляпѣ.

Зала и гостиная были пусты. Рядомъ, въ столовой, слышались голоса, гремѣли посудой,—видимо пили чай.

Оттуда-то и донеслась до него эта первая, связная, полная, совершенно отчетливая фраза. Говорилъ чей-то рѣзкій мужской голосъ:

— Нельзя-ли поторопить невѣсту? Михаилъ Петровичъ уже съ полчаса какъ дожидается въ церкви.

Михаиломъ Петровичемъ звали его отца.

Онъ услыхалъ эту фразу, едва переступивъ порогъ гостиной.

Почти въ тотъ же моментъ отворились двери, противоположныя тѣмъ, которыя вели въ столовую,—двери, ведущія въ ея комнату, въ комнату его Тани, и въ нихъ появилась она, въ парижскомъ подвѣнечномъ платьѣ, окруженная подругами, свѣжая, сіяющая, довольная, съ флеръ д'оранжемъ на головѣ и на груди, съ великолѣпнымъ изъ крупныхъ брилліантовъ фермуаромъ на

бѣлоснѣжной шейкѣ, съ огромными солитерами въ миніатюрныхъ розовыхъ ушкахъ.

Брильянты горѣли всѣми цвѣтами радуги сквозь густую подвѣнечную вуаль, окутавшую всю ея фигуру.

— Вотъ и я готова!—весело начала она по адресу матери и отца, вышедшихъ изъ столовой въ сопровожденіи гостей. Но, вдругъ, голосъ ея въ концѣ фразы оборвался.

Она увидала его.

Наступила на секунду роковая тишина.

Онъ сдѣлалъ къ ней нѣсколько шаговъ.

Она стояла, какъ бы застывшая.

Онъ нѣсколько мгновеній любовался этимъ дивнымъ видѣніемъ, казалось, спустившимся на землю въ свѣтлыхъ, лучезарныхъ облакахъ.

Вдругъ, мелькнулъ огонь, раздался выстрѣлъ, затѣмъ неистовый крикъ.

Чудный призракъ закололся и на окружающихъ его бѣлыхъ облакахъ появилось красное кровавое пятно.

Потомъ, вдругъ, все окрасилось кровью.

Далѣе онъ ничего не помнитъ.

Очнулся онъ въ тюрьмѣ.

Началось слѣдствіе.

Онъ не желалъ отвѣчать ни на какіе вопросы.

— Вы говорите, что я убилъ ее... Я вамъ вѣрю и очень радъ!—твердилъ онъ слѣдователю.

Большаго отъ него не добились.

Его освидѣтельствовали, но онъ такъ разумно

и только давалъ отвѣты на всѣ вопросы, не касавшіеся событія перваго сентября, что врачи признали его психически здоровымъ.

Дѣло поступило въ судъ.

Онъ отказался имѣть заступника.

Послѣ картинной рѣчи обвинителя его спросили, что онъ можетъ сказать.

— Они говорятъ, что я убилъ ее... Я имъ вѣрю и очень радъ! сказалъ онъ присяжнымъ.

Присяжные нашли его виновнымъ.

Судъ осудилъ его въ каторгу.

Онъ помнитъ все это, но помнитъ какъ-то смутно, какъ будто та кровавая пелена, которая появилась передъ его глазами въ гостиной Стоцкихъ и которая нѣтъ-нѣтъ да и застилаетъ ихъ и теперь, мѣшаетъ ему ясно воспроизводить въ умѣ впечатлѣнія послѣдующихъ событій. Да и самыя эти событія, кромѣ одного, о которомъ онъ и теперь не можетъ вспомнить безъ ужаса, представляются ему какими-то мелкими, ничтожными.

Какой-то туманъ покрылъ всю его жизнь, да и онъ чувствуетъ, что относился къ этой жизни какъ-то безразлично. Ничто не волновало его, ничто не привлекало его вниманія: онъ шелъ, куда его вели, дѣлалъ, что ему говорили. Какая-то апатія, какое-то равнодушіе стали неизмѣннымъ настроеніемъ его души.

— Будь, что будетъ!—мелькало въ его умѣ и эта фраза стала его жизненнымъ девизомъ.

Тюрьма, слѣдствіе, судъ, путь въ Сибирь по

этапамъ, каторга — все возстаетъ передъ нимъ окутаннымъ какимъ-то густымъ флеромъ.

Одно впечатлѣніе вынесъ онъ изъ пережитыхъ имъ долгихъ пяти лѣтъ, одно ощущеніе осталось въ немъ — это ощущеніе чисто физической усталости.

Вотъ онъ лежитъ теперь одинъ среди пустынной тайги. Онъ чувствуетъ, что доживаетъ послѣднія минуты, но онъ доволенъ, доволенъ лишь тѣмъ, что можетъ лежать и не шевелиться. Пошевельнуться теперь представляется ему страшнѣе нежели умереть.

— Умереть! — мелькаетъ въ его умѣ. — Что такое смерть? Покой!

Его-то онъ и ищетъ...

Онъ привѣтствуетъ приближеніе этого покоя довольною улыбкой.

Костеръ трещитъ, потухая. Надо подложить топлива, иначе онъ рискуетъ замерзнуть, и ни быть заживо съѣденнымъ звѣрями.

— Пусть тухнетъ, лишь бы не пошевельнуться! — проносится въ его умѣ.

Зачѣмъ онъ бѣжалъ? Да, онъ помнитъ: онъ сидѣлъ въ одной камерѣ съ двумя товарищами; они собрались бѣжать и взяли его. Надо было, чтобы не осталось свидѣтеля ихъ бѣгства. Они сказали ему, что возьмутъ его — онъ согласился. Куда? Зачѣмъ? Онъ не зналъ...

Зачѣмъ? Онъ теперь понялъ. Для того, чтобы лежать здѣсь и не шевелиться. Тамъ, въ тюрьмѣ,

подымали на работу, тамъ нельзя было лежать цѣлый день. Это ему надоѣло, покой соблазнилъ его и онъ бѣжалъ.

Они пошли; шли долго, запасы вышли, товарищи стали спѣшить, а онъ,—онъ усталъ... и легъ.

Они развели около него костеръ и пошли за припасами, обѣщали вернуться, велѣли поддерживать огонь.

— Не надо, счастливый имъ путь, только бы не шевелиться. Покой, покой прежде всего!

Лицо варнака дышало выраженіемъ этого наслажденія безусловнымъ покоемъ.

Вдругъ, черты лица его исказились. Казалось, умирающій палъ въ предсмертную агонію и испытывалъ невыносимыя страданія. Онъ усиленно и порывисто дышалъ, какъ бы отъ жгучей внутренней боли. Глаза его, черные, выразительные глаза, широко раскрылись и зрачки, медленно двигаясь въ орбитахъ, видимо, слѣдили за какой-то движущеюся точкой.

Образъ отца-разлучника несся передъ нимъ въ пространствѣ.

Онъ различалъ совершенно ясно только одну голову.

Блѣдное, какъ полотно, морщинистое лицо, съ всклокоченными сѣдыми волосами; глаза, выкатившіеся наружу въ предсмертномъ ужасѣ; намыленный подбородокъ и глубоко перерѣзанное горло.

Онъ сдѣлалъ усиліе, чтобы въ этомъ страшномъ призракѣ признать родныя черты.

Изъ подернутаго туманомъ хаоса воспоминаній стихъ роковыхъ пяти лѣтъ, ярче другихъ предсталъ передъ нимъ одинъ страшный потрясающій инцидентъ изъ его теремно-каторжной жизни.

Онъ отбывалъ уже второй годъ наказанія. Одинъ изъ трехъ его товарищей по камерѣ—старикъ, сидѣвшій много лѣтъ, умеръ. Съ прибытіемъ новой партіи на его мѣстѣ появился другой—хилый, чахоточный, молодой парень. Онъ не долго и протянулъ, менѣе, чѣмъ черезъ полгода сошелъ въ могилу. Новый сожитель былъ молчаливъ и несообщителенъ и все искоса поглядывалъ на него. Ему тоже казалось, всматриваясь въ него, что онъ гдѣ-то видѣлъ это лицо, но гдѣ—припомнить, несмотря на дѣланныя имъ усилія, не могъ.

Прошло около двухъ недѣль.

Была глубокая ночь. Вдругъ, сквозь сонъ ему почудилось, что кто-то крадется къ тому мѣсту нары, гдѣ онъ спалъ. Онъ старается проснуться. Вотъ кто-то ужъ около него. Ему слышно дыханіе наклонившагося надъ нимъ человѣка. Онъ открываетъ глаза. Передъ нимъ стоитъ его новый товарищъ и какъ-то блаженно улыбается. Огарокъ сальной свѣчки, который онъ держитъ въ рукахъ, освѣщаетъ его исхудалое лицо снизу.

Онъ съ недоумѣніемъ смотритъ на подошедшаго.

Тотъ продолжаетъ улыбаться.

— А, вѣдь, это я порѣшилъ вашего папеньку!—шепчетъ, наконецъ, онъ.

— Гаврюшка!—осѣняетъ его мысль.

— Узнали!—радостно произноситъ арестантъ и свѣтлая улыбка еще болѣе расплывается по его лицу.

Передъ нимъ стоялъ товарищъ его дѣтскихъ игръ, сынъ садовника въ имѣніи его отца—Гаврюшка.

— Какъ? Ты?..

— Я же, я!—заспѣшилъ Гаврюшка, какъ-то радостно подтверждая свое преступленіе.

Съ его лица не сходила улыбка.

— Но какъ, когда?—снова шепчетъ онъ.

— Служилъ я въ подмастерьяхъ у парикмахера-француза въ Москвѣ, на Тверской, въ тотъ годъ, какъ папенька вашъ пріѣхалъ жениться васъ. Заѣхалъ онъ къ намъ въ магазинъ бриться, призналъ меня и сталъ у меня бриться ежедневно. Потрафилъ, видно, я ему.

Гаврюшка злобно усмѣхнулся.

— Мастеръ былъ я своего дѣла, не въ похвалу себѣ скажу, первый сортъ, потому тятинька меня тому французу на одиннадцатомъ году, вскорѣ послѣ воли, на выучку отдалъ, и не только брить, стричь, завивать и дамъ причесывать, но даже по-ихнему, по басурманскому лопотать я отлично выучился и русскую рѣчь ломать началъ. Бывало, кричу въ магазинѣ не иначе, какъ: „Маль-

шикъ, чипцы". Многіе изъ посѣтителей за кровнаго француза меня принимали, другимъ же, кто меня зналъ, въ томъ числѣ и папенькѣ вашему, очень это нравилось.

Гаврюшка хрипло, надорванно расхохотался.

— И началъ это папенька вашъ меня къ себѣ сманивать на службу, значитъ, въ парикмахеры, въ деревню. Жалованье назначилъ большое. Мѣстомъ хотя я доволенъ былъ, да подумалъ, что у барина все посвободнѣе будетъ,—не цѣлый день въ магазинѣ торчать. Къ тому же задумалъ я тогда жениться на нашей, на деревенской,—все одно къ одному. Анютку-то, баринъ, помните?

Онъ отрицательно покачалъ головой.

— Кузьмы скотника дочь, бѣлобрысая такая, все еще у скотнаго двора въ пескѣ копалась, маленькая тогда была еще, не ходила.

Онъ вспомнилъ и закивалъ головой.

— Ну, ну!

— Вотъ ее-то я и облюбовалъ. Выросла она статная такая, красивая, кровь съ молокомъ, глаза свѣтлые, большіе...

Гаврюшка вздохнулъ.

— Баринъ каждый день съ отвѣтомъ пристаетъ—я и согласись и про любовь свою разсказалъ.—Хороша?— спрашиваетъ. Я, какъ умѣлъ, описалъ ему мою зазнобушку. Ухмыльнулся только.—Значитъ, согласенъ? говоритъ.—Согласенъ! отвѣчаю.—Такъ вмѣстѣ и поѣдемъ. На томъ и порѣшили. Тутъ въ скорости разнеслась вѣсть,

какъ вы съ невѣстой покончили; судъ надъ вами состоялся, и я, грѣшный человѣкъ, свободную минутку урвалъ, послушать сбѣгалъ. Папенькито вашего на судѣ не было, больнымъ сказался, а затѣмъ, такъ черезъ недѣльку, получаю я отъ него письмо и пятьдесятъ рублей на дорогу; проситъ выѣзжать немедленно. Раздумье тутъ меня взяло. Больно въ домѣ-то вашемъ некалисто поступилъ онъ, да Анютка стала передъ глазами мелькать, я и поѣхалъ.

Гаврюшка остановился.

— Дальше, дальше!—шепталъ онъ.

— Пріѣхалъ я. Баринъ, папенька-то вашъ, принялъ меня ласково, но только такъ лукаво улыбается.—За невѣстой тебѣ не далеко ходить, говоритъ, въ ключницахъ она у меня ужъ съ мѣсяцъ живетъ. Я такъ и обмеръ, но пересилилъ себя.—Что-жъ, отвѣчаю, благодарствуйте, что барской милостью ее взыскали. И ее увидалъ въ тотъ же день: нарядная, пышная такая, а со мной—какъ чужая.—Здравствуйте, говоритъ, Гаврила Ивановичъ,—и больше ни слова.

Гаврюшка затрясся.

— Всю ночь я не спалъ, голова огнемъ горѣла, по утру лишь изъ какого-то забытья очнулся. Позвали къ барину брить. Усѣлся онъ передъ зеркаломъ, намылилъ я ему подбородокъ, сталъ править бритву, да и взгляни въ окно,— а окна-то изъ кабинета на дворъ выходили,—а по двору-то Анютка идетъ, пышная такая, важ-

ная и ключами помахиваетъ. Поблѣднѣлъ я весь и затрясся. На барина взглянулъ. Замѣтилъ — сидитъ, ухмыляется. Зло меня взяло. Сдѣлалъ я видъ, что успокоился. Поднесъ бритву къ его шеѣ, какъ ни въ чемъ не бывало. Онъ голову поднялъ. Я его что есть силы бритвой по горлу и полыснулъ. Не крикнулъ. Кровь фонтаномъ брызнула, горячая кровь, мнѣ руки ошпарила. А съ души,—съ души точно тяжесть какая свалилась, и легко мнѣ въ ту пору стало. Вышелъ я, какъ былъ, на дворъ, съ бритвой въ рукѣ, а на встрѣчу мнѣ Аннотка плыветъ. Увидала меня всего въ крови—побѣлѣла вся.—Поди, говорю ей, обнимайся теперь съ твоимъ полюбовникомъ.

Гаврюшка захохоталъ.

Этотъ дикій, злобный хохотъ и теперь раздался въ ушахъ умирающаго варнака, раздался съ такой силой, что онъ не выдержалъ и даже дрогнулъ всѣмъ тѣломъ, какъ тогда, ночью, въ тюрьмѣ.

Это былъ, впрочемъ, послѣдній пароксизмъ страшнаго, мучительнаго кошмара.

Лицо умирающаго стало снова спокойнымъ; глаза закрылись.

Вотъ появилась даже какая-то тихая, радостная улыбка.

Образъ нѣжно любимой матери проносится передъ нимъ. Онъ сразу узналъ ее, онъ любуется, онъ лелѣетъ взглядомъ дорогія черты, эту свѣтлую, добрую улыбку, эти тихіе глаза, глу-

бокіе, какъ лазурное море, освѣщенное солнцемъ. Вотъ и рука, его благословляющая...

— Мама, дорогая мама!—чуть слышно шепчутъ его губы.

А вотъ и она, его Таня.

Вечеръ перваго признанія возстаетъ ярко въ его памяти. Какъ живая, сидитъ она около него, вотъ наклоняется ближе, ближе — онъ переживаетъ опущеніе перваго поцѣлуя.

Улыбка неизъяснимаго блаженства появляется на измученномъ лицѣ.

. . . . . .

Кругомъ все такъ же безмолвно и тихо.

Природа въ своемъ величавомъ покоѣ безучастна къ погибели человѣка— этой пылинкѣ среди мірозданья.

Но вотъ какой-то слабый трескъ нарушилъ невозмутимую тишину—это упала въ снѣгъ послѣдняя догорѣвшая вѣтка костра и зашипѣла.

Костеръ потухъ.

Варнакъ умеръ.

ИСПОВѢДЬ УБІЙЦЫ.

(Съ натуры).

— Да, это моя работа... Это я, я убилъ ихъ...

Такъ заговорилъ закованный въ ручныя и ножныя кандалы преступникъ, когда судебный слѣдователь, указавъ ему на лежавшія на полу изрубленныя на части два человѣческихъ тѣла—мужчины и женщины, спросилъ его:

— Чья это работа?

Убійца былъ еще совсѣмъ молодой человѣкъ, юноша, недостигшій совершеннолѣтія, мощно сложенный, но еще не вполнѣ развившійся... На худыхъ босыхъ ногахъ его были надѣты кожаные башмаки и холщевые шаровары, а на плечахъ былъ накинутъ арестантскій халатъ. Туловище, съ широкою грудью, обѣщавшей въ будущемъ быть богатырской, облечено было въ пестрядинную ру-

башку съ растегнутымъ и надорваннымъ воротомъ.

На безусомъ лицѣ лежала печать почти дѣтскаго выраженія. Бѣлокурые, песочнаго цвѣта волосы, встрѣчающіеся лишь въ крестьянскомъ быту, были прямы и длинны и все спускались ему на глаза какого-то неопредѣленнаго цвѣта съ зеленоватымъ отливомъ, смотрѣвшіе удивленно и наивно на страшную груду человѣческаго мяса, лежавшую почти у его ногъ...

Онъ то и дѣло порывистымъ движеніемъ головы откидывалъ волосы назадъ, а съ тонкихъ губъ его не сходила какая-то неопредѣленная улыбка. Эта странная улыбка далеко не гармонировала со всей окружающей обстановкой...

Категорическое сознаніе убійцы было произнесено въ одной изъ двухъ маленькихъ комнатъ, составлявшихъ флигелекъ, стоявшій въ глубинѣ двора на окраинѣ одного изъ городовъ Восточной Сибири. Это была вторая комната флигелька, съ четырьмя окнами съ двухъ сторонъ; убранство ея было незатѣйливо: двухспальная кровать въ глубинѣ, покрытая одѣяломъ изъ ситцевыхъ трехъугольниковъ, съ нѣсколькими подушками въ ситцевыхъ наволочкахъ, нѣсколько стульевъ, маленькій столъ угольникомъ, на немъ стеклянная лампа, въ переднемъ углу кіотъ съ образами, на стѣнахъ—небольшое простѣночное зеркало и нѣсколько фотографій въ бумажныхъ рамкахъ и, наконецъ, большой обѣденный столъ, за которымъ

теперь засѣдало начальство: судебный слѣдователь, товарищъ прокурора и мѣстный приставъ. Первая комната была занята русской печкой и скамьей, стоявшей по стѣнѣ около единственнаго окна; между скамьей и печкой былъ ходъ въ подполье, творило котораго было открыто. Изъ этого-то подполья за нѣсколько времени до привода преступника, схваченнаго и арестованнаго послѣ суточнаго сопротивленія въ этомъ же самомъ флигелькѣ, запертомъ имъ изнутри, были вынуты четыре холщевыхъ мѣшка, изъ которыхъ сочилась кровь. Когда стали высыпать изъ нихъ содержимое, то, къ ужасу присутствующихъ, оказалось, что это были части человѣческихъ тѣлъ: вотъ выскочила полусогнутая рука, тамъ показалась отрубленная по колѣно нога, затѣмъ туловище женщины съ пробитою головою; раскрытые глаза окостенѣвшаго лица, обезображеннаго разсѣченной раной, выражали весь ужасъ предсмертной агоніи; слѣдомъ за этими появились части другого трупа и послѣднею выскочила изъ мѣшка отрубленная мужская голова; она, какъ резиновый мячъ, нѣсколько разъ подскочила на полу и легла навзничь, бородой кверху, съ остановившимися, полными предсмертнаго ужаса глазами, съ широко открытыми вѣками.

Трупы были разрублены въ одеждѣ...

Опорожненные окровавленные мѣшки были положены рядомъ...

Изъ того же подполья были вынуты окро-

вавленные топоръ и перочинный ножикъ... На угольникѣ же найденъ пустой кожаный бумажникъ... Всѣ эти вещи лежали на столѣ, за которымъ засѣдало начальство. Тутъ же лежала и связка ключей, вынутыхъ изъ кармана убійцы при его задержаніи.

Былъ лѣтній поздній вечеръ...

На обширномъ дворѣ, гдѣ находился флигелекъ, тѣснилась все прибывавшая разношерстная толпа, старавшаяся заглянуть въ щели ставенъ, которыми были закрыты окна флигеля.

Въ толпѣ шли разговоры:

— Сосѣдъ по лавкѣ, на Новомъ Базарѣ, все дѣло обнаружилъ... Видитъ, ни онъ, ни она третій день не выходятъ... Слѣдить за нимъ сталъ, разспрашивать. Онъ ему и то, и се... То на плоты ушла, то въ Закачинскую слободу... Въ послѣдней у одной старухи съ полиціей искали, — онъ тщательно самъ розыскивалъ,—а они, голубчики, ужъ въ подпольѣ лежали имъ укокошенные...

— Изверги, а еще сыномъ доводится. Оно, положимъ, не въ законѣ рожденъ, а все-таки...

— Потомъ видитъ—дѣло плохо, сосѣдъ-то, пріятель покойнаго, говоритъ: семь-ка въ квартирѣ я ихъ поищу, а тотъ ему въ отвѣтъ: такъ я тебя въ квартиру безъ хозяевъ и пущу. Неравно пропадетъ что—мнѣ отвѣчать...

— Хитеръ, шельма...

— Изъ молодыхъ, да ранній... Такъ я, го-

ворить сосѣдъ, съ полиціей войду...—Съ полиціей другое дѣло, сказалъ онъ, да и заперся извнутри... Пріѣхалъ частный, не тутъ то было: никого, кричитъ, не пущу, а перваго, кто войдетъ, убью и шабашъ. Въ рукахъ револьверъ заряженный держитъ, сидитъ у окна, поглядываетъ, а около топоръ стоитъ да желѣзная палка... Народъ собрался, начальство всякое прибыло...—Пусти, говорятъ.—Нѣтъ-съ, ужъ это вы лучше оставьте, отвѣчаетъ, а самъ улыбается и въ окно съ толпой шутки шутитъ... Съ крыши хотѣли войдти, разломавъ ее... Услыхалъ, что забрались—стрѣлять въ потолокъ сталъ... Цѣлыя сутки, варваръ, продержался...

— Какъ же его взяли?

— Да тутъ старичекъ, наборщикъ изъ губернской типографіи, на него вдругъ въ открытое окно бросился... За нимъ, знамо дѣло, и другіе повалили его... Онъ два раза выстрѣлилъ, но, слава Богу, ни въ кого не попалъ—ну, и взяли...

Пріѣхалъ слѣдователь, вошли въ квартиру—ничего не замѣтно, все въ порядкѣ. Спустились въ подполье.

— О, да тутъ четыре мѣшка съ какой-то провизіей, замѣтилъ слѣдователь.

Разрѣзалъ первый, сунулъ руку—мокро, вынулъ—она вся въ крови да въ мозгу.

Въ флигелькѣ призванные понятыми сосѣди, въ числѣ которыхъ былъ и сосѣдъ по лавкѣ уби-

таго, признали въ трупахъ: „барохольщика" *), торговавшаго на Новомъ Базарѣ, и его любовницу, жившую съ нимъ въ одной квартирѣ.

Незаконнорожденнымъ сыномъ послѣдней и былъ стоявшій передъ столомъ убійца.

— Да, это я, я убилъ ихъ: сперва ее, мою мать, а потомъ и его,—указалъ онъ спокойно, загадочно улыбаясь, на головы убитыхъ.—Я приплылъ на плотахъ по Енисею всего съ недѣлю тому назадъ изъ деревни... Тамъ я жилъ у дѣдушки съ малолѣтства, занимался хлѣбопашествомъ и рыбачилъ лѣтомъ... Тамъ же сошелся я съ товарищами,—это были лихіе молодцы... По веснѣ мы вмѣстѣ убили и обобрали четырехъ прохожихъ и бросили, привязавъ имъ на шею каменья, въ озеро... Не велика досталась намъ добыча, да и концы не канули, какъ мы надѣялись, въ воду... Страхъ заставилъ меня бѣжать... Я зналъ, что въ городѣ живетъ моя мать съ торговцемъ—человѣкомъ богатымъ... Пойду, подумалъ я, попрошу у ней денегъ и уйду дальше, дальше, скроюсь совсѣмъ... съ деньгами это легко. Я явился къ матери; она сначала приняла меня ласково; на третій день я рѣшился ей разсказать все откровенно...

— Не зови меня матерью, уйди отъ меня,— такъ отвѣчала она мнѣ.

---

*) Барохольщикъ—мѣстное названіе старьевщика.

Прим. авт.

— Уйду, дай только мнѣ денегъ...

— И не думай; своихъ у меня нѣтъ, а просить у чужаго для тебя человѣка, моего благодѣтеля, языкъ у меня не повернется... Уйди...

Она дала мнѣ рубль на билетъ на пароходъ... Своихъ у меня было около рубля... Въ то время, когда она вынимала деньги изъ жестянки, я замѣтилъ, что ихъ была цѣлая пачка... За эти три дня я слышалъ на базарѣ толки, что любовникъ моей матери дома денегъ не держитъ, а въ лавкѣ, ключи отъ которой онъ носитъ постоянно при себѣ, хранится навѣрное тысченка. На другой день, послѣ разговора съ матерью, рано утромъ, я пошелъ на пристань, но на билетъ у меня денегъ не хватило... Я принужденъ былъ вернуться назадъ. По дорогѣ къ дому я увидалъ на базарѣ плотника, продававшаго топоръ... Топоръ былъ большой, блестящій, острый... вотъ этотъ самый...—указалъ онъ на столъ.—Роковая мысль промелькнула у меня въ головѣ... Убью мать и ея любовника, завладѣю пачкой денегъ въ жестянкѣ и тысячью, хранящейся въ лавкѣ, и скроюсь... далеко... въ Россію... Я купилъ топоръ...

— Ты зачѣмъ опять,—встрѣтила меня вопросомъ мать, когда я переступилъ порогъ.

— Я пѣшкомъ пойду, вотъ и топоръ купилъ въ дорогу,—отвѣчалъ я и поставилъ топоръ у печки...

— Такъ иди... засвѣтло до ночлега доберешься...—выпроваживала меня моя мать.

Я сидѣлъ на стулѣ задумавшись... Услыхалъ эти слова, я сказалъ:

— Сейчасъ, дай только мнѣ, маменька, квасу испить!

Мать отворила подполье и спустилась туда за квасомъ. Вотъ, подумалъ я, удобное время: когда она будетъ подыматься, я ударю ее топоромъ .. Я всталъ... Голова матери появилась въ отверстіи... Я быстро схватилъ топоръ и ударилъ... Она захрипѣла и упала внизъ... Я спустился въ подполье и еще разъ ударилъ ее топоромъ, чтобы докончить... Обтеревъ топоръ объ ея же платье, я вышелъ изъ подполья и затворилъ его... Топоръ я спряталъ за печку... Это было утромъ... Я оставался одинъ, такъ какъ сожитель матери былъ въ лавкѣ... Я взялъ хлѣба, посолилъ его и съѣлъ... Затѣмъ я легъ спать и проспалъ до вечерень, когда вернулся барохольщикъ.

— Гдѣ же Катя?—такъ звали мою мать,— спросилъ онъ.

— Ушла на плоты,—отвѣчалъ я...

Вмѣстѣ съ нимъ пришла сожительница его пріятеля, вотъ этого самого... -указалъ преступникъ на сосѣда по лавкѣ убитаго...—Она попросила напиться... Я самъ спустился въ подполье и принесъ квасу... Она ушла... Мы напились чаю... Старикъ все ждалъ мать... Поужинали и легли спать... Я слышалъ въ просонкахъ, какъ онъ все ворочался и ворчалъ, видимо недовольный отсутствіемъ матери... Убить его въ эту ночь я не

рѣшился. На утро мы проснулись рано. Онъ пошелъ въ лавку, а меня послалъ искать мать. Я отправился безъ дѣла бродить по городу... Вернулся домой, пообѣдалъ черным хлѣбомъ съ квасомъ и сталъ ждать возвращенія старика. Онъ вернулся въ этотъ день позднѣе, такъ какъ была суббота—базарный день...

Нашелъ мать?—былъ первый его вопросъ.

- Видѣлъ ее на плотахъ пьяною,—отвѣчалъ я.

Старикъ замолчалъ. Стали пить чай. Старикъ все охалъ и какъ-то странно сталъ посматривать на меня. Я понялъ, что онъ сталъ догадываться... Я рѣшилъ покончить и съ нимъ... Чего, думаю, тянуть! Славный былъ старикъ, душевный; бывало, заступался за меня, когда меня ругала мать, но что же дѣлать... Мнѣ нужны были деньги и кромѣ того... онъ сталъ догадываться... Напившись чаю, мы встали изъ-за стола... Старикъ вышелъ въ первую комнату, сѣлъ на лавку и сталъ снимать сапоги... Я послѣдовалъ за нимъ, зашелъ за печку, взялъ топоръ и когда онъ наклонился, чтобы снять второй сапогъ, я ударилъ его острiемъ по шеѣ... Ударъ былъ такъ силенъ, что старикъ и не вскрикнулъ, а голова держалась лишь на кожѣ у горла... Я отворилъ подполье и сбросилъ туда и второй трупъ, вынувъ предварительно изъ кармана его шароваръ ключи отъ лавки и бумажникъ... Въ подполье кинулъ я и топоръ и захлопнулъ крышку. Замывъ слѣды крови на полу, на стѣнѣ и на лавкѣ, я сжегъ тряпку, которою

вытиралъ, въ печкѣ на лучинахъ... Изъ жестянки вынулъ я деньги матери,—ихъ оказалось тридцать рублей... Въ бумажникѣ старика я нашелъ всего семь рублей... Я взялъ и ихъ... Вскорѣ я легъ и заснулъ... Все воскресенье я то былъ дома, то бродилъ по городу; хотѣлъ пробраться въ лавку, но не рѣшился... боялся попасться... и отложилъ до другого раза... Поздно вечеромъ я вернулся домой, вошелъ въ квартиру, отворилъ окно, снова вышелъ, опять заперъ дверь висячимъ замкомъ, влѣзъ въ окно и заперъ его... На дворѣ еще изрѣдка появлялся народъ, я сталъ ждать... Во время этого ожиданія я незамѣтно заснулъ... Когда я проснулся было темно... Я зажегъ лампу... Часы старика, висѣвшіе на стѣнкѣ, показывали два часа ночи... Я взялъ лампу, четыре холщевыхъ мѣшка, перочинный ножикъ и спустился въ подполье... Трупъ старика лежалъ поперекъ трупа моей матери; топоръ валялся около труповъ... Я началъ разрубать ихъ на части и прятать въ мѣшки; голову старика отрубилъ совсѣмъ, такъ какъ она болталась на кожѣ. Нѣкоторыя части приходилось отдѣлять ножемъ... Уложивъ все въ мѣшки, я завязалъ ихъ и оставилъ въ подпольѣ... Когда я вышелъ, то было совершенно свѣтло... Часы показывали пять часовъ утра... Я потушилъ вынесенную изъ подполья лампу, вылѣзъ въ окно, затворилъ его и ушелъ... Когда я вернулся, меня встрѣтилъ вотъ онъ... и сталъ разспрашивать...

Убійца указалъ на сосѣда по лавкѣ покойнаго...

— Я старался отъ него отдѣлаться, разсказывая небылицы, ѣздилъ съ нимъ розыскивать мать и старика, но все напрасно;—онъ не упускалъ меня изъ виду... Наконецъ, онъ пожелалъ осмотрѣть квартиру... Я не пустилъ и заперся... Затѣмъ меня взяли... Я думалъ успѣть вынести незамѣтно со двора мѣшки и бросить въ Енисей и пробраться въ лавку и, захвативъ деньги, скрыться, да не удалось... Видно такъ судилъ Богъ...

Такъ закончилъ свой разсказъ убійца, все продолжая загадочно улыбаться.

БРАТОУБІЙЦА.

(Изъ уголовной хроники).

Это былъ высокій худой старикъ...

Сѣдые, какъ лунь, волосы и длинная борода съ какимъ-то серебристымъ отблескомъ придавали его внѣшнему виду нѣчто библейское. Выраженіе глазъ, большею частью полузакрытыхъ вѣками и опущенныхъ долу и все его лицо, испещренное мелкими, чуть замѣтными морщинами, дышало необыкновенною, неземною кротостью и далеко не гармонировало ни съ его прической, ни съ его костюмомъ.

Эта прическа изображала голову, половина которой была обрита, а костюмъ этотъ составлялъ арестантскій халатъ...

Онъ былъ каторжникъ...

Наша первая встрѣча состоялась въ одномъ изъ городовъ Восточной Сибири, гдѣ я находился

по дѣламъ службы, при пріемѣ арестантской партіи.

Когда собралось все надлежащее „начальство" и смотритель тюрьмы крикнулъ „староста", то вышелъ этотъ высокій худой старикъ, гремя на ходу ножными кандалами, и снялъ шапку-картузъ изъ сѣраго сукна безъ козырька...

Я положительно впился въ него глазами, до того онъ мнѣ сразу показался симпатичнымъ даже въ его, безобразящемъ всѣхъ, костюмѣ; но болѣе всего меня поразило то обстоятельство, что при первомъ появленіи его передъ столомъ, гдѣ засѣдало „начальство", лица его составляющія: совѣтникъ губернскаго правленія, полицеймейстеръ, инспекторъ пересылки арестантовъ и смотритель — все по большей части сибирскіе служаки-старожилы, пропустившіе мимо себя не одну тысячу этихъ „несчастненькихъ", какъ симпатично окрестилъ русскій народъ арестантовъ, и сердца которыхъ отъ долгой привычки закрылись для пропуска какого-либо чувства сожалѣнія или симпатіи къ этимъ, давно намозолившимъ имъ глаза варнакамъ,—сразу измѣнились... На губахъ ихъ мелькнула добродушная улыбка и они почти хоромъ, голосомъ, въ которомъ звучали совершенно несвойственныя имъ почти нѣжныя ноты, воскликнули:

— Здравствуй, Кузьмичъ?

— Здравствуйте, господа!— степенно отвѣчалъ

вышедшій, вскинувъ на мгновенье на всѣхъ насъ глаза...

Глаза эти были свѣтло-голубые, сохранившіе почти свѣжесть юности.

— Гдѣ изловили?—спросилъ смотритель и въ голосѣ его послышалось какъ бы сожалѣніе.

— Въ Кіевѣ, ваше вис—родіе,—отвѣтилъ арестантъ,—у самыхъ воротъ лавры.

— Какъ же это такъ?

— Строго нонѣ стало, вездѣ паспорта спрашиваютъ, а у меня какой-же?

— А ты что же не промыслилъ?—замѣтилъ я.

— Зачѣмъ грѣхъ на душу брать,—отвѣчалъ мнѣ Кузьмичъ, окинувъ меня, какъ новое для него лицо, быстрымъ взглядомъ.

Началась провѣрка арестантовъ по статейнымъ спискамъ...

„Ну, подумалъ я, вотъ гусь-то! Въ каторгу-то, чай, сосланъ за дѣло почище поддѣлки паспорта, а жить съ чужимъ паспортомъ считаетъ грѣхомъ“ ..

За столомъ, въ это время, между дѣломъ, шли разговоры...

— Ну, какъ, благополучно провели?—справлялся полицеймейстеръ у этапнаго офицера, приведшаго партію...

— Съ Кузьмичемъ-то!?—удивленно отвѣчалъ тотъ.—Какъ овечки шли: ни шуму, ни драки, ни пѣсенъ; развѣ что-нибудь изъ духовнаго; очень ужъ они его всѣ сразу забоятся и полюбятъ.

чуть не молятся на него... Да вотъ, я за десять лѣтъ службы третій разъ съ нимъ партію вожу и чтобы какой скандалъ или недоразумѣніе— ни-ни...

— Это онъ шестой разъ съ каторги-то удуваетъ въ теченіе, кажется, двадцати лѣтъ!—соображалъ вслухъ совѣтникъ губернскаго правленія, не обращаясь ни къ кому въ особенности.

— Тебя сколько лѣтъ тому назадъ рѣшили-то?—обратился онъ къ Кузьмичу.

— Двадцать лѣтъ!—не запинаясь отвѣчалъ тотъ.

— А который разъ бѣгаешь?

— Шесть разъ уходилъ, ваше в—родіе!

— Седьмой не думаешь? — улыбнулся совѣтникъ.

— Хворь одолѣла, ваше в—родіе, еле и теперь на ногахъ стою...

— Такъ ты сядь,—замѣтилъ совѣтникъ.—Вы позволите, господа?—обратился онъ къ намъ.

— Конечно, садись, садись! — послышались отвѣты.

Кузьмичъ, видимо, съ наслажденіемъ опустился на полъ, поджавши ноги.

Все видѣнное и слышанное мною до того меня заинтриговало, что я порѣшилъ тотчасъ же по окончаніи пріема партіи разспросить о Кузьмичѣ подробно смотрителя, который, служа уже много лѣтъ на этой должности, могъ доставить мнѣ болѣе обстоятельныя свѣдѣнія.

Наконецъ партія была принята...

Къ концу пріемки пріѣхалъ тюремный врачъ, осмотрѣлъ арестантовъ и нѣсколько человѣкъ отправилъ въ больницу. Въ числѣ послѣднихъ оказался и Кузьмичъ...

— Что съ нимъ?—обратился я къ доктору.

— Чахотка въ послѣднемъ градусѣ; легкаго не существуетъ; мѣсяца не протянетъ,—небрежно отвѣчалъ Эскулапъ, садясь въ свою пролетку и укатилъ.

Разъѣхалось и остальное „начальство". Я умышленно замедлилъ свой отъѣздъ и пошелъ къ Кузьмичу.

Тотъ началъ было привставать, но я остановилъ его.

— Сиди, сиди! Я вотъ о чемъ хотѣлъ спросить тебя: ты мнѣ отвѣтилъ, что считаешь за грѣхъ жить съ чужимъ паспортомъ, а между тѣмъ сосланъ въ каторгу. Вѣдь, не за доброе же дѣло, а чай за большой грѣхъ? Ты что сдѣлалъ?

— Брата убилъ,—спокойно отвѣчалъ мнѣ арестантъ.

Это спокойствіе въ признаніи себя виновнымъ въ братоубійствѣ, хотя бы совершенномъ болѣе двадцати лѣтъ назадъ, заставило меня отступить назадъ передъ новымъ Каиномъ.

— Нечаянно!—почти закричалъ я.

— Нѣтъ, умышленно,—чуть слышно отвѣчалъ Кузьмичъ.

— Да, вѣдь, это страшный грѣхъ!

— Нѣтъ, не грѣхъ, потому что сдѣлано по-божески...

— Какъ по-божески?..

— Съ родительскаго благословенія,—глухо отвѣчалъ онъ,—а о душѣ его я двадцать четыре года непрестанно молюсь, по всей Рассеѣ-матушкѣ исколесилъ, у престоловъ всѣхъ угодниковъ земные поклоны клалъ, для того и съ работы шесть разъ бѣгалъ, холодъ и голодъ принималъ и тѣло мое все плетьми исполосовано...

Старикъ истово перекрестился.

Я стоялъ передъ нимъ и молчалъ.

— А любилъ его я больше чѣмъ брата,—началъ онъ снова,—душу за него продать готовъ былъ, такъ какъ послѣ матери малышемъ остался онъ, я его и воспиталъ; и жаль его мнѣ было, да видно такъ Богъ судилъ. Прядь волосъ его въ ладонкѣ у меня зашита—въ могилу со мною ляжетъ. Старикъ полѣзъ за пазуху и показалъ мнѣ мѣшочекъ изъ грубаго холста, висѣвшій вмѣстѣ съ тѣлянымъ мѣднымъ крестомъ.

— За что же ты убилъ его?—уже совсѣмъ прошепталъ я...

— Другихъ, неповинныхъ, спасти...—отвѣчалъ Кузьмичъ и вдругъ низко опустилъ голову.

Онъ плакалъ. Слезы градомъ катились изъ его глазъ и падали на сложенныя на колѣняхъ загорѣлыя, мозолистыя руки.

Находя неумѣстнымъ продолжать разспросы, я отошелъ.

Загадка личности этого страннаго преступника не только не разъяснилась, но скорѣе осложнилась.

Въ это время начали собирать арестантов, назначенныхъ докторомъ въ больницу, и я видѣлъ, какъ Кузьмичъ, отерши рукавомъ глаза, медленно поплелся вмѣстѣ съ другими, все еще не поднимая низко опущенной головы.

— А не зайдемъ-ли выпить по рюмочкѣ? — подошелъ ко мнѣ управившійся смотритель.

Я чуть было не расцѣловалъ его за это предложеніе, такъ было оно кстати.

Мы отправились въ маленькую, но уютную квартиру смотрителя... Вскорѣ на столѣ появилась водочка и закусочка, состоящая изъ неизмѣнныхъ рыжиковъ и селедки.

Послѣ второй рюмки я прямо приступилъ къ интересовавшему меня дѣлу.

— Пожалуйста, Иннокентій Ивановичъ,—такъ звали смотрителя,—разскажите мнѣ, что вы знаете про этого загадочнаго арестанта!

— Это про Кузмича-то?..

— Да. То, что я узналъ изъ короткаго моего съ нимъ разговора, просто невѣроятно...

Я передалъ моему собесѣднику въ короткихъ словахъ содержаніе моего разговора съ Кузьмичемъ.

Да, замѣтилъ,—выслушавъ меня, Иннокентій Ивановичъ,—большаго отъ Кузьмича едва-ли можно и добиться; не словоохотливъ онъ, да и

тяжело, видимо, ему вспоминать совершенное им кровавое дѣло... Слишкомъ ужъ оно идетъ въ разрѣзъ съ его прежнею и настоящею, трудовою и подвижническою жизнью ..

— Но почему же онъ совершилъ его?—спросилъ я. Вы-то знаете?

— Я-то?—переспросилъ смотритель.

— Ну, да, вы. .

— Я-то дѣло это знаю досконально и вы весьма удачно придумали обратиться именно ко мнѣ—я производилъ слѣдствіе по этому дѣлу...

— Ради Бога разскажите.

— И вольте! Выпьемте-ка еще по единой! Мы выпили и я весь превратился въ слухъ.

— Было это, дорогой мой, почти четверть вѣка тому назадъ, да, именно, безъ малаго, безъ какихъ-нибудь мѣсяцевъ двадцать пять лѣтъ, — такъ началъ разсказчикъ.—Я былъ еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ и только съ мѣсяцъ или два получилъ мѣсто земскаго засѣдателя именно въ томъ участкѣ, гдѣ находилось село, въ которомъ родился Кузьмичъ,—въ этомъ даже селѣ была моя резиденція. Кузьмичъ —природный сибирскій крестьянинъ и зовутъ его Петръ Кузьминъ Орловъ. Село это вы сами знаете: оно лежитъ верстахъ въ двадцати пяти отъ нашего города по московской дорогѣ, большое село, чай не разъ тамъ бывали?

Я утвердительно кивнулъ головой.

Въ этомъ-то селѣ, гдѣ жили и дѣды, и пра-

дѣды Кузьмича, выросъ и онъ въ родной семьѣ. Семья эта состояла, кромѣ него, изъ отца и матери, старшей сестры и младшаго брата. После смерти матери и выхода въ замужество сестры, мужа которой отецъ, какъ выражаются наши крестьяне, взялъ къ себѣ въ домъ, Петръ остался лѣтъ четырнадцати, а младшій его братъ Иванъ—лѣтъ семи... У сестры пошли свои дѣти и семилѣтній Иванъ, дѣйствительно, выросъ всецѣло на попеченіи своего старшаго брата, ходившаго за нимъ лучше любой няньки... По словамъ старика-отца, который лежитъ давно уже въ могилѣ,—онъ умеръ во время производства формальнаго слѣдствія,—Петръ любилъ и берегъ брата, какъ зеницу ока... Всѣ подростки на деревнѣ знали, что обидѣть Ивана Орлова опасно, такъ какъ за него заступится Петръ,—все равно, виноватъ-ли въ затѣянной сварѣ Иванъ или нѣтъ. Словомъ, мальчишку избаловалъ до нельзя и не чуя, что балуетъ на свою голову... Года шли, братья подрастали. Незамѣтно подкрался и „призывной годъ", когда старшему надлежало вынимать жребій. Вы сами знаете, какъ наши сибирскіе крестьяне неохотно идутъ въ военную службу и всячески стараются отъ нея освободиться. Не то было съ Петромъ: онъ только спалъ и видѣлъ, какъ бы ему вынуть жребій поближе и оказаться „годнымъ", чтобы только спасти отъ солдатчины своего меньшого брата. Но, увы! это ему не удалось... Что сдѣлалось съ Петромъ, когда послѣ

двухъ лѣтъ отсрочки,- такъ какъ у него не выходилъ размѣръ груди, на третій призывной годъ осматривавшіе его доктора снова проглядѣли для всѣхъ столь радостное, а для него роковое слово: „негоденъ"...—мнѣ разсказывали очевидцы. Онъ побѣлѣлъ какъ полотно и весь затрясся, затѣмъ бросился, обливаясь слезами, въ ноги начальству и умолялъ принять его... Мольбы его, конечно, оказались тщетными...

— Да чего тебѣ такъ хочется?—спросилъ удивленный исправникъ.

Брать, ваше благородіе, вѣдь, братъ долженъ идти...—съ рыданіями заявилъ Петръ.

— А можетъ и онъ окажется негоденъ, успокоилъ его одинъ изъ членовъ присутствія.

- Нѣтъ, онъ и хотѣлъ меня,— сквозь слезы пробормоталъ освобожденный отъ службы Петръ.

Иванъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ плотнѣе его... Ему въ то время шелъ семнадцатый годъ, но это былъ почти уже вполнѣ сформировавшійся парень: въ плечахъ, какъ говорится, косая сажень, изъ лица кровь съ молокомъ... Даже ростомъ былъ уже немного выше Петра... Сорви-голова онъ былъ отчаянный... Нищенство и баловство его старшаго брата сдѣлали свое дѣло... Такъ прошло года съ три... Наступилъ и для Ивана „призывной" годъ; но недѣли за двѣ до дня призыва онъ вдругъ безслѣдно исчезъ... Не смотря на принятыя со стороны начальства мѣры, стоявшій на очереди парень розыскать не былъ и въ очеред-

ныхъ спискахъ присутствія по воинской повинности противъ имени Ивана Кузьмина Орлова появилась лаконическая отмѣтка „въ безвѣстной отлучкѣ". Петръ все время ходилъ, какъ потерянный. Отецъ, давно собиравшійся женить его, приглядѣлъ ему и невѣсту—красивѣйшую и богатѣйшую дѣвушку изъ всего села, но Петръ, самъ неравнодушный къ избранной для него отцомъ будущей подругѣ жизни, рѣшительно отказался вступить въ бракъ. видимо, занятый и озабоченный чѣмъ-то другимъ... Почти черезъ день ѣздилъ онъ на заимку, гдѣ и ночевалъ...

— Куда?—переспросилъ я.

— На заимку. Ахъ, да, я и забылъ, что вы человѣкъ новый, -замѣтилъ Иннокентій Ивановичъ.— Заимками въ Сибири называются отдѣльные хутора, лежащіе въ семи, десяти верстахъ отъ деревни... Такія заимки существуютъ у большинства зажиточныхъ крестьянъ. На нихъ, обыкновенно, бываетъ пчельникъ, содержится скотъ... Да вы, чай, много ихъ видали, ѣхавши изъ Россіи...

— Понялъ, понялъ!—нетерпѣливо замѣтилъ я.—Пожалуйста, продолжайте!

Такая-то заимка была и у Орловыхъ... На нее-то и ѣздилъ Петръ...

— Какого ляда ты тамъ дѣлаешь? —спроситъ его, бывало, отецъ.

— Кой-какія подѣлки есть...—неохотно отвѣтитъ Петръ.

Такъ прошло около полугода... Безвѣстная

отъ тучка Ивана Орлова продолжалась, но вскорѣ и о немъ стали доходить вѣсти... Вѣсти эти были не изъ хорошихъ... Разсказывали, что встрѣчали его въ компаніи какихъ-то бродягъ то на большой дорогѣ, то въ ближайшей тайгѣ,— такъ зовутся въ Сибири лѣсистыя мѣста. Между тѣмъ, въ мѣстности, гдѣ лежало родное село Орловыхъ, считавшейся до сихъ поръ спокойной и безопасной, стали производиться разбои и грабежи, частыя нападенія на приходящіе обозы вооруженными злоумышленниками; разграблена была даже одна почта, совершено нѣсколько звѣрскихъ убійствъ въ самомъ селѣ, но преступники успѣвали скрыться и ловко заметали свой слѣдъ... Постоянные полицейскіе розыски, тасканья къ допросу, чуть не ежедневные обыски, аресты—часто ни въ чемъ неповинныхъ людей—и, наконецъ, чувство самосохраненія отъ близости кучки неуловимыхъ злодѣевъ, привели все село въ уныніе... Народный голосъ, который мѣтко зоветъ „гласомъ Божіимъ", указывалъ на Ивана Орлова, какъ на главнаго виновника во всѣхъ этихъ звѣрскихъ преступленіяхъ, и вскорѣ его имя стало пугаломъ населенія... И народъ не ошибся... Начальство добыло вѣскія данныя, изъ которыхъ можно было заключить, что въ ближайшей тайгѣ образовалась шайка злоумышленниковъ, коноводомъ которой былъ Иванъ Орловъ, но послѣдній оставался неуловимъ, а по показаніямъ нѣсколькихъ оплошавшихъ его сотоварищей, полагали я

въ руки властей, живетъ отдѣльно отъ товарищей и является лишь для того, чтобы идти на „работу", но гдѣ имѣетъ онъ пристанище — они отозвались незнаніемъ. Дерзость Ивана Орлова дошла до того, что онъ сталъ среди бѣла дня появляться въ родномъ селѣ, и встрѣтившіеся съ нимъ односельчане или, ошеломленные, пропускали его мимо себя, или, съ перепугу, бѣжали отъ него безъ оглядки. Разъ, встрѣтившись съ дочерью своей сестры, дѣвочкой лѣтъ одиннадцати, онъ далъ ей пять рублей. Дѣвочка принесла подарокъ дяди домой, но старый дѣдъ молча взялъ изъ рукъ внучки деньги и бросилъ ихъ въ топившуюся печь .. Дѣвочка расплакалась.

— А съ братомъ онъ не видался? — задалъ я вопросъ.

— Нѣтъ! По крайней мѣрѣ Петръ на допросѣ показалъ, что видѣлъ его передъ днемъ убійства одинъ разъ за недѣлю, а не вѣрить ему нельзя, — да и не было нужды ему, явившемуся съ повинною, показывать ложь...

— Однако, я такъ увлекся самъ разсказомъ, что и выпить не предложу. — замѣтилъ хозяинъ, наливая рюмки...

Мы выпили.

— Продолжайте, пожалуйста! — поспѣшилъ попросить я.

— Похожденія Ивана Орлова, — снова началъ хозяинъ, — не остались безъ вліянія по отношенію односельцевъ ко всему, до сей поры ужасающему.

семейству... Начались косые взгляды, укоры по адресу отца, не съумѣвшаго обуздать сына, и избаловавшаго его брата... Петръ ходилъ какъ приговоренный къ смерти и избѣгалъ выходить на улицу... Кровь, пролитая однимъ изъ членовъ ихъ семьи, легла на эту семью несмываемымъ пятномъ... Дни, одинъ тяжелѣе другаго, проходили своей чередой... Однажды, въ концѣ мая мѣсяца,—я передаю это вамъ изъ показаній старика Орлова и Петра,—отецъ послалъ Петра на заимку осмотрѣть колоды для пчелъ... Петръ поѣхалъ и, сдѣлавъ что было надо, уже вышелъ изъ двери избы, когда передъ нимъ, какъ изъ земли, выросъ Иванъ.

— Братъ!—воскликнулъ послѣдній и бросился на шею Петру.

Братья разцѣловались... Петръ ввелъ его въ избу...

— Что ты дѣлаешь! Чѣмъ ты сталъ!—началъ Петръ.

— Что? какъ бы не понявъ переспросилъ Иванъ.

— Какъ что? Душегубствуешь, надъ невинными надмываешься, какъ дикій звѣрь въ лѣсу хоронишься; развѣ это жизнь?..

— Получше твоей,—развязно отвѣчалъ Иванъ:—ни горя, ни заботы, ни недоимокъ, ни солдатчины... День да ночь—и сутки прочь...

— А грѣхъ? О смертномъ часѣ помышляешь-ли? Что тамъ-то будетъ?..

— Не сули журавля въ небѣ, давай синицу въ руки...

— Опомнись!

— Съ нашей дорожки назадъ не вертаются и впередъ не видать, потому кривая... Да что лясы-то точить,—я къ тебѣ за дѣломъ. Ужъ съ мѣсяцъ, какъ все въ эти мѣста захожу, тебя поджидая...

— За какимъ дѣломъ? Какое можетъ быть у меня дѣло съ тобою? Ты не братъ мой, уйди...

— Не шабарши, братъ, а выслушай. Знаю я, хоть и въ лѣсу живу, что не сладка тебѣ жизнь въ селѣ-то, а ты одинокій. Давай со мной за-одно: такихъ дѣлъ натворимъ, что небу жарко будетъ. А то у меня и молодцовъ-то моихъ за это время поубавилось... Да и гдѣ-жъ имъ до тебя: парень ты на всякое дѣло золотой... Оно и къ отцовской кисѣ не дурно подобраться,—не два вѣка старинѣ жить... будетъ... Сестрѣ же домъ и хозяйство оставишь...

Петръ слушалъ и не вѣрилъ своимъ ушамъ. Онъ понялъ, что передъ нимъ стоитъ злодѣй неисправимый, не задумывающійся поднять руку даже на отца изъ корысти. Чего же ожидать отъ него другимъ? Онъ глядѣлъ на брата остановившимися глазами и волосы дыбомъ поднялись на головѣ его... Страшная мысль мелькнула въ его умѣ...

— Подумать надо, — черезъ силу проговорилъ онъ.

— Умныя рѣчи хорошо и слушать, — отвѣчалъ Иванъ, довольный успѣхомъ.—Когда же отвѣтъ?..

— Черезъ недѣлю, къ ночи...—машинально проговорилъ Петръ.

— Ладно, черезъ недѣлю—такъ черезъ недѣлю.—хлопнулъ его по плечу Иванъ.—Сюда же приду... А пока прощай!..

— Прощай!—задумчиво повторилъ за нимъ Петръ.

Они обнялись, но на поцѣлуй Ивана пересохшія отъ внутренняго волненія губы Петра не отвѣчали поцѣлуемъ. Иванъ вышелъ, а Петръ тяжело опустился на лавку и задумался... Мелькнувшая въ его умѣ, при разговорѣ съ братомъ, мысль клещемъ засѣла въ его мозгу, какъ ни старался онъ отогнать ее, по временамъ даже мотая головой. Просидѣвъ такъ болѣе часу, онъ поплелся изъ избы и, сѣвъ на лошадь, поѣхалъ домой.

— Что это ты, аль съ медвѣдемъ столкнулся?—встрѣтили его вопросомъ домашніе.

— А что? спросилъ Петръ.

— Да на тебѣ лица нѣтъ!

— Нѣтъ, такъ что-то неможется.

Сѣли ужинать, но Петръ и не прикоснулся къ ѣдѣ. Прошло пять дней. Петръ совершенно осунулся и еле ходилъ. Отецъ и сестра съ мужемъ начали за него безпокоиться. Стали поговаривать, что надо-де отвести его въ городъ, къ доктору.

— Не надо! И такъ пройдетъ!—замѣтилъ Петръ на предложеніе отца въ этомъ смыслѣ.

Наступилъ канунъ дня, назначеннаго для свиданія съ братомъ. Семья, отъужинавъ, стала ложиться спать. Сестра съ мужемъ ушла на свою половину. Петръ остался съ отцемъ глазъ на глазъ. Старикъ было тоже поднялся съ лавки.

— Погоди, отецъ, поговорить надо.— остановилъ его сынъ не вставая съ мѣста.

Старикъ опустился на лавку и вопросительно поглядѣлъ на сына. Петръ въ немногихъ словахъ разсказалъ ему встрѣчу съ братомъ, не скрывъ и замысловъ послѣдняго на его жизнь. Старикъ поникъ головою.

— Благослови меня, отецъ, спасти и тебя, и всю округу отъ злодѣя,—прервалъ молчаніе сынъ.

Какъ? -вскинулъ на него глаза отецъ.

— Убить его!—прохрипѣлъ Петръ.

— Да ты ошалѣлъ! Себя загубишь! Вѣдь, ты у меня одинъ—простоналъ старикъ.

— Дочь есть, зять вмѣсто сына будетъ... неповинныхъ спасемъ... отъ изверга избавимъ... другаго исхода нѣтъ... онъ слуга дьявола... Твоя плоть, моя вина. Вѣдь, это я его отъ солдатчины на заимкѣ схоронилъ! Думалъ, здѣсь тамъ проживетъ, а онъ сбѣжалъ...

Наступило молчаніе.

— Благослови! ..— шепотомъ произнесъ Петръ и опустился на колѣни.

Старикъ молча взялъ съ кіота икону, которой

благословляли его къ вѣнцу и, крестообразно осѣнивъ ею сына, положилъ ему на голову... Благословеніе на братоубійство было дано... Отецъ и сынъ разошлись спать, но едва-ли сомкнули въ эту ночь глаза. Наступилъ роковой день. Наточивъ топоръ и захвативъ съ собою какъ его, такъ и четверть ведра водки, Петръ, послѣ полудня, отправился на заимку. Пріѣхавъ туда, онъ началъ молиться и ждать. Вскорѣ послѣ захода солнца отворилась дверь и въ избу быстро проскользнулъ Иванъ.

— Ну, что, надумался? спросилъ онъ, поздоровавшись съ братомъ.

— Надумался, идетъ!—отвѣчалъ тотъ.

Вотъ это по нашему, по-молодцовски! — воскликнулъ Иванъ и бросился обнимать брата.

Тотъ не противился.

— Надо бы уговоръ-то запить... —замѣтилъ Петръ.

И то дѣло! А развѣ есть?

— Припасъ,—отвѣтилъ Петръ, вынимая изъ подъ стола, подъ которымъ лежалъ и топоръ, четвертную бутыль.

— Ну, парень, да ты не братъ, а золото! — восхитился Иванъ.

Вынули краюху хлѣба и чашки. Началась попойка. Иванъ замѣтно началъ хмѣлѣть, на Петра же, вслѣдствіе душевнаго волненія, вино не производило никакого дѣйствія. Братъ хвастался совершенными имъ преступленіями и до-

бычей и рисовалъ картины будущихъ, которыя они совершатъ вмѣстѣ. Петръ слушалъ молча и подливалъ брату водку. Наконецъ, совершенно захмѣлѣвшій Иванъ упалъ на столъ головою и захрапѣлъ. Петръ всталъ, вынулъ изъ подъ стола топоръ, перекрестился и съ размаху ударилъ брата остріемъ по головѣ. Тотъ даже не вскрикнулъ. Смерть, какъ потомъ далъ заключеніе и врачъ, была моментальна. Часть окровавленныхъ волосъ, отрубленныхъ топоромъ, упала на столъ. Петръ бережно собралъ ихъ и, завернувъ въ лоскутокъ холста, оторванный имъ отъ мѣшка, въ которомъ былъ привезенъ имъ на заимку хлѣбъ, спряталъ за пазуху. Затѣмъ онъ сѣлъ на лошадь и помчался въ село. Поздно вечеромъ явился онъ ко мнѣ и разсказалъ о своемъ преступленіи... Я арестовалъ его при сельскомъ управленіи, гдѣ онъ тотчасъ раздобылся у сторожа иголкой и ниткой и собственноручно зашилъ волосы убитаго имъ брата въ ту ладонку, которую онъ вамъ показывалъ сегодня. Самъ же я, собравъ понятыхъ, помчался на заимку. Вотъ вамъ и вся исторія Кузьмича, —закончилъ смотритель, наполняя рюмки.

— А что-же дальше?

— Дальше было произведено формальное слѣдствіе, а затѣмъ, года черезъ три, вышло ему и рѣшеніе, которымъ онъ оказался приговореннымъ къ двадцатилѣтней каторжной работѣ... Вотъ и все...

Мы занялись закуской.

— Вы, можетъ быть, удивляетесь, — началъ хозяинъ, что я, не смотря на такое количество прошедшихъ лѣтъ, въ такой подробности помню дѣло Кузьмича?

— Да, признаться...

— Вотъ оно гдѣ у меня это дѣло, — показалъ смотритель на затылокъ. Я Орловыхъ-то, и старика, и сына, — больно жалость меня къ нимъ взяла, — отдалъ подъ надзоръ полиціи... Стряпчій на меня взъѣлся, прокуроръ губернатору пожаловался, запросы разные пошли, я отписывался и дѣло-то чуть не наизусть выучилъ... Однако, ихъ, рабовъ Божіихъ, въ тюрьму законопатили, — старикъ тамъ и умеръ, — а меня въ пристрастіи, чуть не во взяточничествѣ, обвинили, да и причислили къ общему губернскому управленію. Года три я безъ мѣста шлялся, пока, вотъ, сюда не пристроился... Поневолѣ такое дѣльце вѣкъ помнить будешь...

„Ну,—подумалъ я,—такое дѣло и безъ этого забыть нельзя", но не высказалъ своей мысли и сталъ прощаться, поблагодаривъ за разсказъ.

— Теперь и вамъ изъ-за Кузьмича работы поприбавится,— замѣтилъ смотритель, провожая меня въ прихожую.

— Это почему?

— А какъ же? Всѣ шесть разъ, какъ его возвращали изъ его самовольныхъ путешествій по святымъ мѣстамъ, сейчасъ проѣзжаютъ въ селѣ,

да почти все село у него и перебываетъ: и старый, и молодой, — вѣдь они его за мученика и спасителя всей округи считаютъ,—провизіи сколько натащутъ; все принимаетъ и арестантамъ отдастъ, а самъ однимъ чернымъ хлѣбомъ питается и водой запиваетъ...

Я уѣхалъ...

Смотритель оказался правъ. Уже съ другаго дня ко мнѣ повалилъ народъ за полученіемъ пропускныхъ билетовъ въ тюрьму для свиданія съ арестантомъ Петромъ Орловымъ.

При моихъ посѣщеніяхъ острога я всегда заходилъ въ больницу навѣстить Кузьмича, но онъ, видимо, боясь съ моей стороны новыхъ разспросовъ, при моемъ появленіи притворялся спящимъ. Я его не безпокоилъ...

— Какъ Кузьмичъ? — справлялся я у фельдшера.

— Плохъ,—лаконически отвѣчалъ тотъ.

Недѣли черезъ три послѣ дня пріема партіи, съ которою прибылъ Кузьмичъ, я получилъ отъ смотрителя тюрьмы краткое оффиціальное донесеніе о томъ, что ссыльно-каторжный Петръ Кузьминъ Орловъ умеръ.

Односельчане покойнаго, съ сельскимъ старостой во главѣ, который оказался его роднымъ племянникомъ, выхлопотали у начальства дозволеніе перевести гробъ съ его останками въ село и похоронить на сельскомъ кладбище. Могилу они выкопали передъ кладбищемъ, почти около

тракта, оградили ее рѣшеткой и поставили громадный деревянный крестъ.

Возвращаясь въ Россію я видѣлъ эту могилу.

Проѣзжая мимо, я приказалъ ямщику остановиться, вылѣзъ изъ возка и поклонился праху этого преступника...

ИЗЪ-ЗА КОРЫСТИ.

(Быль).

Заимка Иннокентія Тихонова Безпрозванныхъ находилась не вдалекѣ отъ лѣса.

Самая фамилія владѣльца заимки указываетъ, что мѣсто дѣйствія этого разсказа та далекая страна золота и классическаго Макара, гдѣ выброшенные за бортъ государственнаго корабля, именуемаго центральной Россіей, нашли себѣ пріютъ разные нарушители закона, лихіе люди, бродяги,—нашли и осѣлись, обзавелись семьей, наплодили дѣтей, отъ которыхъ пошло дальнѣйшее потомство, и образовались, такимъ образомъ, цѣлые роды, носящіе фамиліи Безпрозванныхъ, Неизвѣстныхъ и тому подобныя, родословное дерево которыхъ, несомнѣнно, то самое, изъ котораго сдѣлана „русская" скамья подсудимыхъ,—словомъ, Сибирь.

Заимками въ Сибири именуются разбросанные тамъ и сямъ по ея необозримымъ простран-

ствамъ хутора, стоящіе вдали отъ селеній. Кругомъ избы, двора съ крѣпкими тесовыми воротами и высокимъ заплотомъ *), за которымъ находятся надворныя постройки, идетъ огороженный невысокимъ тыномъ огородъ и садъ-пчельникъ; далѣе-же лежатъ пашни; ихъ площадь не опредѣлена; сколько силъ и зерна хватитъ, столько и сѣютъ,—земли не заказанныя, бери—не хочу. Занялъ то или другое количество десятинъ — всѣ твои; отсюда и слово: „займка".

Займка Безпрозванныхъ лежала верстахъ въ пятнадцати отъ ближайшаго села и съ точки зрѣнія крестьянскаго хозяйства была, что называется, полная чаша. Поля засѣвались на большое пространство; пчельникъ и огородъ были въ образцовомъ порядкѣ; лошадей, скота и птицы въ изобиліи.

Самъ Иннокентій Тихоновъ Безпрозванныхъ былъ степенный мужикъ-скопидомъ, хотя еще совсѣмъ молодой,—ему было лѣтъ тридцать пять. Въ хозяйствѣ и скопидомствѣ была ему примѣрною помощницею жена его—Татьяна Дмитріева, красивая баба лѣтъ двадцати-шести, одинъ изъ типовъ тѣхъ русскихъ крестьянокъ, дышащихъ красотой, здоровьемъ и силой, о которыхъ сложилась народная поговорка: „взглянетъ—рублемъ подаритъ" и о работѣ которыхъ на пашнѣ такъ

*) Мѣстное названіе забора.

красиво сказалъ поэтъ: „Что взмахъ—то готова копна“.

Безпрозваныхъ считался, поэтому, въ окружности зажиточнымъ крестьяниномъ, имѣвшимъ про черный день хорошую деньгу.

Это мнѣніе общественниковъ не было ошибочнымъ.

Весной, лѣтомъ и осенью на заимкахъ, обыкновенно, господствуетъ оживленіе, идетъ лихорадочная дѣятельность: хозяева, не будучи въ силахъ управиться одни съ обширнымъ и разнообразнымъ хозяйствомъ, нанимаютъ нѣсколькихъ рабочихъ изъ ссыльно-поселенцевъ, которые ежегодно тысячами прибываютъ въ Сибирь и за ничтожную плату готовы по первому призыву предложить свои руки, чтобы хоть что-нибудь заработать на долгую сибирскую зиму. Иные изъ владѣльцевъ заимокъ переѣзжаютъ зимою въ село, оставляя сторожить скотъ, птицу и другое хозяйство какого-нибудь бобыля-поселенца изъ старенькихъ, иные-же остаются и лишь изрѣдка отъѣзжаютъ въ большія села или города,—если таковые есть по близости,—дабы продать лишніе запасы и закупить необходимое на сельскомъ или городскомъ базарѣ.

Къ послѣднимъ, т. е. остающимся на зиму, принадлежалъ и Безпрозванныхъ.

Втроемъ проводили они на заимкѣ суровую зиму, когда необозримыя поля покрывались бѣлой, серебристой пеленой, на которой вдали вид-

нѣлся буровеленымъ пятномъ сосѣдній хвойный лѣсъ: самъ Иннокентій Тихоновъ, жена его Татьяна и десятилѣтній единственный сынъ-первенецъ Миша—кумиръ и баловень, надежда и радость обоихъ родителей.

Дѣло было именно зимой...

Въ тотъ день, когда начинается этотъ разсказъ, хозяинъ съ утра уѣхалъ въ городъ, лежащій верстахъ въ восьмидесяти отъ заимки. Дома осталась одна Татьяна съ сыномъ.

Уже совсѣмъ смерклось и они собирались ложиться спать, какъ, вдругъ, раздался стукъ въ ворота.

— Кого Богъ несетъ?—освѣдомилась вышедшая на дворъ Татьяна.

— Пусти, родимая, переночевать: баба у меня очень заморилась, на сносяхъ,—раздался у воротъ жалобный голосъ.

Вслѣдъ за этимъ послышались оханье и стонъ.

Татьяна отперла ворота и увидала двухъ странниковъ съ котомками за плечами. Фигура женщины при свѣтѣ фонаря, который Татьяна держала въ рукахъ, выдавала ея положеніе. Мужчина тоже казался утомленнымъ.

— Пусти, родимая, не дай намъ, грѣшнымъ, на морозѣ пропасть. Бабѣ моей, кажись, послѣдній часъ пришелъ,—взмолился снова мужчина.

Женщина продолжала охать и стонать.

— Хозяина-то нѣту-ти... Безъ него какъ-бы и не ладно,—заговорила нерѣшительно Татьяна.

— Ой, батюшки, родимые, смертушка моя подходитъ,—начала причитать женщина.

- Инь, будь по вашему, идите; бабы-то больно жаль,—согласилась сердобольная Татьяна.

— Пошли тебѣ, Господи, доброе здоровье!—проговорилъ мужчина, тихо входя въ открытыя Татьяной ворота.

За нимъ, еле передвигая ноги, вошла и баба.

Татьяна заперла ворота и вернулась въ избу.

Гости ея уже расположились въ ней. Миша спалъ.

Послѣ предложеннаго Татьяной ужина, до котораго женщина, все продолжавшая охать и стонать, и не дотронулась, хозяйка и гости стали укладываться спать.

Татьяна хотѣла было помочь раздѣться больной бабѣ, но та отклонила ея предложеніе:

— Не замай, родимая, благодарствуй, теперь словно какъ и полегчало; это, должно, съ устали—много шли...

— А вы издалека?—полюбопытствовала Татьяна.

— Изъ-подъ Иркутска, родимая; давно идемъ,—отвѣчала женщина.

— Куда пробираетесь?

— Къ Томску, родная, къ Томску...

— Далеко еще,—промолвила Татьяна.

— Не близко, ну, да, Богъ дастъ, доберемся.—замѣтилъ мужчина.

Татьяна затушила свѣчу, но ей почему-то не

спалось. Какое-то тяжелое предчувствіе щемило ей сердце. Она то прислушивалась къ тихому и ровному дыханію спящаго около нея Миши, то къ прерывистому, неровному храпу заснувшихъ гостей, то къ вою зимняго вѣтра на дворѣ.

Вдругъ, она услыхала въ томъ углѣ, гдѣ расположились ея гости, какую-то возню и шепотъ. Ей явственно послышались слова: „пора, спитъ“...

Вскочить съ постели и зажечь свѣчу — было для нея дѣломъ одной минуты.

Изба освѣтилась и передъ ошеломленной Татьяной вмѣсто утомленнаго путника и его беременной спутницы оказались два рослыхъ мужика: одинъ постарше, а другой совсѣмъ молодой, безусый, игравшій роль женщины.

Въ рукахъ у стариаго блеснулъ большой ножъ.

— Ну, Богъ тебя спасъ, что пробудилась. Отдавай деньги добромъ!—воскликнулъ онъ.

— Кажи, гдѣ мошну хоронишь! — замѣтилъ другой.

— Родимые, нѣтъ у меня денегъ—хозяинъ увезъ; пощадите, не губите,—опустилась Татьяна на колѣни передъ злодѣями.

Разбуженный шумомъ Миша проснулся и, спустившись съ кровати, робко прижался къ матери.

— Нишкни, зря не болтать, а не то тутъ съ своимъ щенкомъ и ляжешь. Давай деньги! — загремѣлъ старшій.

У Татьяны блеснула мысль...

— Будь по вашему, берите; только своими руками сокровище свое не отдамъ,—годами коплено,—сами берите...

— Гдѣ?—въ одинъ голосъ спросили обрадованные злодѣи.

— Въ подполѣ, — указала она на творило, находившееся среди комнаты,—въ правомъ углу за верхней доской...

— Не врешь?

— Разрази Господи!

— Укажи сама...—сказалъ старшій.

— Не... не могу!—вздрогнула Татьяна.

— Сынишка пусть съ нами идетъ,—замѣтилъ молодой,—а то ты творило-то прихлопнешь, да съ мошной и драло,—мы тоже изъ стрѣленыхъ.

Татьяна нервно прижала къ себѣ Мишу.

— Зачѣмъ? Клянусь, тамъ, съ мѣста не сойду!—прошептала она.

— Товарищъ дѣло баетъ, не финти, а то вотъ—и конецъ,—замахнулся старшій на Татьяну ножемъ.

Татьяна отшатнулась. На лицѣ у нея промелькнуло выраженіе внутренней борьбы. Она поглядѣла на сына, покосилась на печку... Глаза ея сверкнули какимъ-то страннымъ огнемъ.

— Берите...—хрипло сказала она, толкнувъ сына къ бродягамъ.

Младшій взялъ его на руки.

Ребенокъ залился слезами и съ ревомъ рвался къ матери.

Старшій зажегъ фонарь, поднялъ творило и сталъ медленно спускаться въ подполье; за нимъ послѣдовалъ и младшій съ Мишей на рукахъ.

Татьяна стояла, какъ вкопанная, и безсмысленно глядѣла на происходящее.

Едва успѣли они спуститься въ подполье, какъ Татьяна, словно разъяренная тигрица, бросилась къ нему. Съ нечеловѣческимъ усиліемъ вытащила наверхъ лѣстницу и захлопнула творило... Затѣмъ подвинула на него тяжелый кованый сундукъ, на сундукъ опрокинула тяжелый столъ, скамьи, кровать... Все это было сдѣлано до того быстро, что злодѣи не успѣли опомниться. Потомъ, подошедши къ печкѣ, она вынула одинъ изъ кирпичей, сунула руку въ образовавшееся отверстіе и, вынувъ толстый бумажникъ желтой кожи, быстро спрятала его за пазуху.

Въ творило раздался стукъ...

Татьяна дико захохотала и опустилась на полъ.

Стукъ продолжался.

Татьяна, сидя на полу около устроенной ею баррикады и прижавъ руки къ груди, какъ-бы боясь, что у нея отнимутъ бумажникъ, отвѣчала на него хохотомъ.

— Отвори, иначе щенка твоего прирѣжемъ,— раздались угрозы изъ-подъ полу.

Татьяна продолжала хохотать.

Раздался крикъ ребенка:

— Мама, мама, рѣжутъ!..

Дикій хохотъ былъ отвѣтомъ.

Возгласы злодѣевъ, смѣшанные со стономъ и криками ребенка, продолжались.

Татьяна хохотала.

—

Наступилъ день и прошелъ. Вечерѣло.

По дорогѣ отъ села къ заимкѣ показались двое розвальней въ разнопряжку: въ переднихъ сидѣлъ возвращающійся изъ города домой Иннокентій Тихоновъ.

Первая лошадь уперлась лбомъ въ ворота. Никто не встрѣтилъ пріѣхавшаго.

Ворота оказались запертыми. Сердце у Безпрозванныхъ упало, почуявъ бѣду.

На его сильный и продолжительный стукъ никто не откликался, только спущенныя цѣпныя собаки заливались громкимъ лаемъ.

Онъ перелѣзъ черезъ заплотъ и вошелъ въ сѣни.

Дверь въ избу оказалась тоже запертою изнутри.

Онъ сталъ стучаться.

Въ отвѣтъ на этотъ стукъ изъ избы раздался дикій хохотъ, но двери не отворяли.

Онъ окликнулъ жену по имени.

Въ избѣ снова захохотали.

Убѣдившись, что дома не ладно, Иннокентій

Тихоновъ снова перелѣзъ обратно со двора, сѣлъ въ сани и погналъ, что есть духу, къ селу.

На заимку вернулся онъ, разсказавъ о случившемся, со старостою и понятыми.

Ихъ сопровождало человѣкъ двадцать крестьянъ.

Перелѣзши на дворъ, они толпой вошли въ сѣни избы и стали стучаться.

Въ избѣ послышался неистовый хохотъ.

— Баба-то у тебя хмѣлемъ не зашибается?— спросилъ староста Иннокентія Тихонова.

— Отродясь...—упавшимъ голосомъ отвѣчалъ тотъ.

Послѣ нѣсколько разъ повтореннаго стука и криковъ: „отворяй", выломали дверь и глазамъ пришедшихъ представилась слѣдующая картина: Татьяна сидѣла, дико озираясь, на полу, прижавъ руки къ груди, возлѣ груды наваленной мебели и дико хохотала.

Увидавъ вошедшихъ, она вскочила съ пола и начала метаться по избѣ, выкрикивая безсмысленныя фразы. Ее принуждены были связать.

Она не узнала не только знакомыхъ, но и мужа.

— Отворите, православные. — послышалось изъ подполья.

Сдвинули вещи, отворили подполье и спустили лѣстницу.

Видя себя окруженными толпой народа, злодѣи безпрекословно дали себя связать.

Они были въ крови...

Въ подпольѣ лежалъ изрѣзанный по частямъ трупъ несчастнаго Миши.

—

Это было около десяти лѣтъ тому назадъ.

Если вы въ одномъ изъ городовъ Восточной Сибири, лежащихъ на пути отъ Иркутска къ Томску, посѣтите городовую больницу и войдете въ женское отдѣленіе для душевно-больныхъ, то васъ прежде всего поразитъ видъ исхудалой посѣдѣвшей страдалицы, сидящей на своей койкѣ съ устремленнымъ вдаль остановившимся взглядомъ и съ прижатыми къ груди руками. Больная по временамъ оглашаетъ палату дикимъ неистовымъ хохотомъ, отъ котораго васъ невольно охватитъ нервная дрожь.

Это хохочетъ сумасшедшая Татьяна...

Въ томъ-же городѣ вы непремѣнно встрѣтите на улицѣ нищаго мужиченку, одѣтаго въ невообразимые лохмотья, вѣчно пьянаго и на видъ до того худаго, что кажется, будто у него остались кости да кожа. Онъ робко протягиваетъ руку за подаяніемъ...

Если вы дадите ему пятачекъ, то онъ моментально скроется подъ вывѣской ближайшаго питейнаго.

Это — Иннокентій Тихоновъ Безпрозванныхъ.

НА ВСКРЫТІИ.

(Набросокъ).

Свѣжо преданіе, а вѣриться съ трудомъ.

Стоялъ октябрь 1886 года.

Въ одномъ изъ крупныхъ селъ Восточной Сибири, верстахъ въ пятидесяти отъ города П***, мѣста моего служенія, былъ назначенъ пріемъ новобранцевъ. Пріѣхалъ и я туда въ качествѣ члена присутствія по воинской повинности.

Первый день прошелъ на провѣрку очередныхъ списковъ и семейнаго положенія призываемыхъ. Со втораго началось освидѣтельствованіе новобранцевъ. Пріѣхали двое врачей: военный и гражданскій, — окружной, какъ называютъ ихъ въ Сибири.

Послѣдній, не молодой уже человѣкъ, былъ любимцемъ всего округа. Зналъ онъ по имени и отчеству почти каждаго крестьянина въ селахъ, входящихъ въ районъ его дѣятельности, и умѣлъ

каждаго обласкать, каждому помочь и каждаго утѣшить. За это и крестьяне платили ему особеннымъ, чисто душевнымъ расположеніемъ и даже, не коверкая, отчетливо произносили его довольно трудное имя—Вацлавъ Лаврентьевичъ.

Особенно расположены крестьяне были къ нему за то, что онъ, по первому призыву, ѣхалъ куда угодно и не стѣснялся доставляемымъ ему экипажемъ или лошадьми. Подадутъ телѣгу—ѣдетъ въ телѣгѣ, дадутъ одну лошадь—ѣдетъ на одной. Разсказывали, какъ фактъ, что однажды его встрѣтили переѣзжавшимъ изъ одного села въ другое на телѣгѣ рядомъ съ бочкой дегтя,—и это по округу, раскинутому на громадное пространство, при стоверстныхъ разстояніяхъ между селеніями. Словомъ, это былъ, какъ говорили крестьяне, „душа-человѣкъ".

Не смотря на недавнее наше знакомство, мы съ нимъ успѣли сойтись и сдружиться, а потому я съ удовольствіемъ встрѣтился съ нимъ на второй день призыва въ помѣщеніи волостнаго правленія—мѣстѣ присутствія.

— Со мной обѣдаете, конечно?—спросилъ я его послѣ обычныхъ привѣтствій.

— Да, но не сегодня: мнѣ сегодня надо пораньше кончить,—дѣльце тутъ еще одно предстоитъ.

— Какое?

— Вскрытіе надо произвести; убили тутъ одного съ мѣсяцъ тому назадъ.

— Знаю, но развѣ до сихъ поръ трупъ не вскрытъ?

— Нѣтъ, я въ другомъ концѣ округа *) пребывалъ; чай сами знаете, сколько тамъ происшествій, убійствъ, скоропостижныхъ смертей.

— Но какъ же можно такъ долго держать покойника?

— Эхъ, вотъ и видно, что вы новичекъ! Мѣсяцъ—долго!.. Да при прежнемъ врачѣ,—положимъ это давно было, я ужь лѣтъ десять служу,—по полугоду трупы вскрытія ждали, а онъ, при нашихъ разстояніяхъ, говоритъ: мѣсяцъ—долго! Пріѣдутъ изъ Россіи, да на россійскую мѣрку и мѣряютъ.

— Да развѣ здѣсь не Россія?—улыбнулся я.

— Россія-то Россія, да только, подите, поскачите-ка по ней съ мое. Между каждымъ селомъ чуть не вашъ уѣздъ помѣстится.

— Это-то такъ, но какъ же ихъ сохраняютъ? Вѣдь, за это время они могутъ подвергнуться сильной порчѣ!

— Въ ледникахъ,—такія помѣщенія въ каждомъ селѣ имѣются.

— Но какъ же вскрывать мерзлый трупъ?

— Для этого есть „анатомія", т. е. изба съ печкой. Истопятъ ее пожарче, да покойника наканунѣ вскрытія туда и принесутъ. Я ужь вчера сдѣлалъ распоряженіе.

*) Округъ—Сибирскій уѣздъ.

Запахъ, все-таки, я думаю, ужасный?

— Ничего, не силенъ... Да пойдемте вмѣстѣ, увидите и узнаете; кстати, и вскроемъ въ вашемъ присутствіи... — предложилъ мнѣ Вацлавъ Лаврентьевичъ.

— Пожалуй!—согласился я.

— Начнемте, начнемте, господа! —заторопился окружной судья, предсѣдатель присутствія.

Мы усѣлись за столъ и началось освидѣтельствованіе.

По окончаніи присутствія отправились на вскрытіе.

Въ „анатоміи" уже дожидался насъ земскій засѣдатель *) съ письмоводителемъ, фельдшеръ и нѣсколько крестьянъ-понятыхъ.

Вообразите себѣ небольшую, въ двѣ квадратныхъ сажени, избу, состоящую изъ одной комнаты съ двумя окнами, добрая половина которой занята громадной печкой, а другая—большимъ деревяннымъ столомъ для труповъ,—остальная мебель состояла изъ нѣсколькихъ табуретовъ, дверь въ эту избу прямо съ улицы, безъ сѣней, съ крылечкомъ въ нѣсколько ступеней, — и вы будете имѣть полное понятіе о сибирскомъ анатомическомъ театрѣ, кратко именуемымъ „анатоміей".

*) Земскій засѣдатель—родъ нашего станового пристава, исполняющій обязанности слѣдователя и мирового посредника. *Прим. авт.*

Температура въ „анатоміи" напоминала жарко натопленную сибирскую баню (сибиряки всѣ сплошь большіе любители париться); сторожъ приставленный къ этому общественному учрежденію, въ виду присутствія въ селѣ почти всего начальства, видимо постарался.

И въ такой-то температурѣ почти цѣлыя сутки пролежалъ трупъ, уже съ мѣсяцъ хранившійся въ ледникѣ, хотя и набитомъ льдомъ, но атмосфера котораго, въ виду спертости воздуха и отсутствія вентиляціи (объ этой затѣѣ сибиряки не имѣютъ понятія, — даже форточки вы рѣдко встрѣтите въ сибирскихъ городскихъ жилищахъ) не предохраняетъ отъ гніенія. Трудно себѣ представить, какой заразой обдало насъ съ докторомъ, когда мы отворили дверь.

Докторъ, впрочемъ, какъ человѣкъ привычный, не обратилъ на это обыденное для него явленіе никакого вниманія, меня же положительно отшатнуло, но, устыдясь своей слабости, я вошелъ довольно смѣло. Поздоровавшись съ присутствующими, я усѣлся на любезно предложенный мнѣ засѣдателемъ табуретъ.

Всѣ размѣстились и началось вскрытіе.

Въ избѣ стоялъ какой-то паръ, еще болѣе сгустившійся послѣ того, какъ одинъ изъ понятыхъ затворилъ дверь, оставленную мною открытой. Мнѣ казалось, что я съ трудомъ вижу лица присутствующихъ и только слышу выкрикиванія Вацлава Лаврентьевича, диктующаго письмоводи-

тело актъ вскрытія и скрипъ письмоводительскаго пера.

Не прошло и пяти минутъ, какъ я не вынесъ и всталъ.

— Нѣтъ, ужъ, вы, докторъ, орудуйте безъ меня: я уйду... не въ состояніи... обѣдать подожду... -заявилъ я и, шатаясь, направился къ двери.

Если бы понятые не поддержали меня подъ руки и не вывели за дверь, я упалъ бы.

— Ишь, петербургская нѣженка, амбры, видно, захотѣлъ... -- раздался за мной шутка Вацлава Лаврентьевича.

Выйдя на улицу, я опустился на ступени крыльца и нѣсколько минутъ не могъ придти въ себя, но морозный воздухъ скоро сдѣлалъ свое дѣло,—я, что называется, очухался,—но разыгравшійся было во время присутствія аппетитъ совершенно пропалъ и я смѣло могъ исполнить данное доктору обѣщаніе—подождать его обѣдать.

Я потихоньку отправился на квартиру, которую занималъ, по отводу, у одного зажиточнаго крестьянина, почтеннаго, но еще бодраго старика Ивана Павловича Точилова.

Точиловъ почитался въ селѣ первымъ человѣкомъ и міръ всегда приглашалъ его для обсужденія казусныхъ дѣлъ, хотя онъ давно, по старости лѣтъ, какъ онъ увѣрялъ, отказался отъ выборныхъ должностей. Впрочемъ, на своемъ вѣку онъ послужилъ обществу, нѣмыми свидѣтелями

чего были похвальные листы, выданные ему начальниками губерній и развѣшанные по стѣнамъ въ рамкахъ за стеклами. Власти въ селѣ онъ не потерялъ, а служба отнимала время, которое ему было дорого, - онъ былъ пріискатель, т. е., кромѣ крестьянскаго надѣла, имѣлъ свой небольшой пріискъ. Я засталъ его маленькую семью, состоящую изъ старухи-жены и младшей дочери, дѣвушки лѣтъ девятнадцати (три старшихъ были замужемъ; одна даже за купцомъ, о чемъ Иванъ Наполычъ очень любилъ говорить), въ сосѣдней съ моей комнатѣ за чаемъ.

Увидавъ меня, обѣ хозяйки заторопились было подавать обѣдать, но я заявилъ, что подожду доктора, и присѣлъ къ столу.

— Ну, чайкомъ не побрезгуйте; не кирпичный - банковый,—замѣтилъ хозяинъ.

Я не отказался.

— А Вацлавъ Лаврентьевичъ въ „анатоміи?"— спросилъ онъ, беря изъ рукъ жены стаканъ и подавая мнѣ.

— Да, и я было пошелъ туда, да сбѣжалъ, не вынесъ.

— Непривычному человѣку оно точно муторно *); не разъ тоже я на своемъ вѣку тамъ бывалъ; уже на что, кажется, человѣкъ не слабый, а все слюна возжей.

— Ужасно! А главное — ничего не поймешь.

*) Муторно—тошно.

лаешь, — согласился я, вспомнивъ разговоръ съ докторомъ въ присутствіи.

— Я, вотъ, когда въ головахъ *) ходилъ, одно средство придумалъ,—помогало,—замѣтилъ хозяинъ.

— Какое же?

— Солилъ.

— Что солилъ?—удивился я.

— Покойниковъ, — невозмутимо продолжалъ Иванъ Павловичъ—Посыпешь, это, на ледъ соли, положишь его, тоже сольцей обсыпешь, онъ и въ сохранности. Соль-то у насъ не дорога. Многіе головы и по сосѣднимъ селамъ то же дѣлали, а потомъ перестали, потому народъ сталъ не въ примѣръ безстрашнѣе, да и строгости ужъ не тѣ...

— Развѣ не тѣ!? Прежде, какъ говорилъ Вацлавъ Лаврентьевичъ, по полугоду трупы вскрытія ждали,—какія же тутъ строгости!

— Оно точно,—отвѣчалъ хозяинъ,—и поболѣ даже лежали; однако, все же у насъ насчетъ покойниковъ строго было, потому покойникъ, коли не надлежащую кончину принялъ,—казенный, а казенное, извѣстно, пуще глаза беречь надо.

— Кто это вамъ сказалъ, что покойникъ казенный?

— Извѣстно кто—баринъ!

*) До введенія въ Сибири земскихъ учрежденій въ селахъ были не старшины, а головы. *Прим. авт.*

— Какой баринъ?

— Засѣдатель былъ у насъ, законникъ такой до страсти, лѣтъ съ десять будетъ, какъ его смѣнили,—такъ тотъ, если какой изъянъ въ трупѣ увидитъ,—бѣда!

— Какой такой изъянъ? недоумѣвалъ я.

— Да такой: одинова случилась оказія при мнѣ еще, какъ я послѣдній годъ въ головахъ ходилъ; карауливши мы одного покойника, карауливши, да и прокараулили—мышки носъ у него и отгрызли. Насилу откупились.

— Какъ откупились?

— Такъ! Пріѣхалъ докторъ, вынесли, то, покойника въ „анатомію“, анъ носа-то у него нѣтъ! Засѣдатель на дыбы: „Какъ же это такъ, православные, казенное имущество съ поврежденіемъ приму? Самому мнѣ, что-ли, а гдѣ отвѣтъ давать? Нѣтъ, благодѣтельствуйте, я сейчасъ рапортомъ по начальству“. И ушелъ изъ „анатоміи“. Крестьяне ко мнѣ. Выручай, Иванъ Павлычъ!.. Пошелъ. Прихожу къ барину—сидитъ, пишетъ. Такъ и такъ, ваше благородіе, не погубите... вѣдь, одинъ носъ... на что ему его въ землю-то? „Какъ на что!?.. Никъ, можно сказать, обезображенъ, а онъ одинъ носъ!... Ахъ ты... да я тебя!..“. И началъ, и началъ. Вижу, что разговоры пустые бросить надо, тержу только: не погубите, заслужимъ, міромъ заслужимъ. Пять красненькихъ заломилъ! Однако, на трехъ порѣшили

— И отдали?—спросилъ я.

— Предоставили въ минуту. Бѣду-то и сбыли, слава тебѣ Господи!—заключилъ хозяинъ.

Я расхохотался во всю комнату.

Иванъ Павловичъ удивленно смотрѣлъ на меня.

Въ это время въ дверяхъ показался докторъ и началъ разоблачаться.

— Ну, славу Богу, живъ! обратился онъ ко мнѣ. -Чего вы тутъ на все село гогочете?

— Да, помилуйте. Вацлавъ Лаврентьевичъ, Иванъ Павловичъ просто уморилъ, разсказывая, какъ у нихъ засѣдатель нось покойника въ тридцать рублей оцѣнилъ,—отвѣчалъ я, еле сдерживая душившій меня хохотъ.

— А... Слышалъ я эту исторію. Вѣдь, смѣшно, кажется, а фактъ. Дѣлались тутъ дѣла въ относительно недавнее время... Какъ-нибудь поразскажу вамъ на досугѣ,—замѣтилъ докторъ, усаживаясь за столъ, на который хозяйка уже поставила дымящуюся миску съ пельменями.

Мы принялись за нихъ.

ОКОЛО ЗОЛОТА.

(Бытовые наброски изъ жизни тайги)

Конецъ апрѣля. Солнце свѣтитъ ярче, лучи его становятся теплѣе. Весна одерживаетъ побѣду даже надъ суровой сибирской зимой. Ласковою теплотою разбираетъ она ледяныя оковы земли. Рѣки вскрылись; груды нагроможденныхъ другъ на друга льдинъ несутъ онѣ къ полюсу—въ царство вѣчнаго льда.

Тайга, этотъ дѣственный сибирскій лѣсъ, уже давно, впрочемъ, оскверненный присутствіемъ злого человѣка, ожила, преобразилась въ зеленый, весенній нарядъ; тамъ и сямъ между деревьями текутъ мутные желтоватые ручьи, размывая золотоносную почву, и ихъ шумъ сливается съ шелестомъ деревьевъ въ одну гармонію привѣтствія голубому, чистому небу.

Тайга приготовилась къ встрѣчѣ гостей.

Но далеко не въ праздничномъ нарядѣ идутъ къ ней ея гости.

По трактовымъ и проселочнымъ дорогамъ задвигались толпы оборванныхъ, полуобнаженныхъ людей. Сгорбленныя фигуры, то изнеможденныя, то звѣрскія лица, лохмотья, которымъ не подыщешь названія, пьяные возгласы, стоны и проклятія, смѣшанныя съ ухарскою, безшабашною пѣснею,— то партіи рабочихъ, направляющіеся въ тайгу на добычу золота.

Сзади каждой партіи ѣдетъ въ накладушкѣ (*) степенный, откормленный прикащикъ. За нимъ двигается возъ, нагруженный разнаго рода одеждой для партіи: тутъ и озямы (**), и однорядки, рубахи, сапоги, бродни (***) и проч.

Путь долгъ. Разстоянія между селеніями попадаются въ сотни верстъ.

Мѣшки съ провизіей за спинами рабочихъ истощаются, ноша становится легче, но и желудки подчасъ пустуютъ; а это облегченіе далего не изъ пріятныхъ.

Наконецъ, показалось и селеніе.

Привалъ!..

Селеніе приготовилось къ встрѣчѣ. Кабатчикъ торжествуетъ.

Заготовленные запасы дурманнаго зелья идутъ въ ходъ. У питейнаго дома толпа. Пропиваются

(*) Телѣга съ кожаннымъ или рогожнымъ верхомъ.
(**) Халатъ изъ желтаго сукна.
(***) Родъ обуви изъ желкой кожи. *Прим. авт.*

остатки полученныхъ задатковъ, еще не пропитыя на мѣстѣ полученія, пропивается послѣдняя одежда и обувь.

Прикащикъ производитъ новый наемъ рабочихъ, выдаетъ задатки, одежду,—но и ихъ постигаетъ та же участь.

Проходитъ бурная, пьяная ночь. На другой день сборы въ дорогу.

Къ избѣ, занятой прикащикомъ, раннимъ утромъ собираются полупьяные, непроспавшіеся рабочіе. Большинство съ еще прикрытымъ нестряпанною, разодранною рубахою тѣломъ (цѣловальникъ, видимо, не взялъ); нѣкоторые, совсѣмъ обнаженные, требуютъ одежды, обуви, денегъ. Прикащикъ, занимавшійся чайкомъ, отрывается отъ самовара.

— Идтить какъ же?—вопросительно глядятъ они посоловѣвшими глазами на вышедшаго изъ избы прикащика.

— А зачѣмъ пропивали? Идите, въ чемъ мать родила, утробы ненасытныя! — напускается онъ на нихъ.

— Нѣтъ, ужь это ты погодишь!—слышатся возгласы.

— Нанялся—иди, а не хошь—въ полицію!—хорохорится прикащикъ.

— Не пугай, не испугаешь; нами съ измальства только три мѣста и облюбованы: полиція, тюрьма, да больница!—острятъ въ отвѣтъ рабочіе.

Толпа разражается пьянымъ хохотомъ.

Прикащикъ еще ломается нѣкоторое время, но только для виду. Отъ цѣловальника имъ уже съ вечера взяты всѣ заклады со скидкою и сложены на возъ.

Начинается вновь раздача одежды и обуви и записка на счетъ, но уже по возвышеннымъ цѣнамъ; даются и деньжонки.

Партія трогается въ путь съ запасомъ провизіи и водки на похмѣлье.

Такъ до слѣдующаго привала; а тамъ та же исторія.

Въ тайгу рабочій приходитъ уже забравъ почти за все время деньги; въ лучшемъ случаѣ остается къ полученію грошн.

Люди закабалены.

Кто же эти люди? Подонки даже Сибири. Работящій ссыльно-поселенецъ не пойдетъ въ тайгу, не наймется на пріиски. Пріисковой рабочій— отпѣтый: лѣтомъ въ тайгѣ, зимой въ острогѣ,— вотъ его жизнь. Заработковъ съ пріисковъ не приносятъ, а трудъ каторжный.

Разработка, шурфовка и промывка производятся по теченію таежныхъ рѣчекъ и ручьевъ, въ болотистыхъ мѣстахъ. Отъ мошки, этого бича пріисковыхъ рабочихъ, одной изъ казней египетскихъ, не спасаетъ и толстый слой дегтя на лицѣ и тѣлѣ, она жалитъ немилосердно, заѣдаетъ глаза, лѣзетъ въ ротъ и уши. Болотныя испаренія также даютъ себя знать: цинга, скорбутъ и другія болѣзни ѣдятъ людей. Плохая пища пучитъ

карманы золотопромышленниковъ и животы рабочихъ.

Водка въ продажѣ запрещена, но это лишь на бумагѣ. Въ гости въ тайгу появляются падкіе до наживы сыны Израиля: тамъ и сямъ выростаютъ, какъ изъ-подъ земли, жидочки-спиртоносы.

Съ прирожденной ловкостью они избѣгаютъ или задабриваютъ начальство и дѣлаютъ свои „гешефты". Спиртъ, разбавленный водою, отъ храненія въ бычачьемъ, плохо очищенномъ пузырѣ, пріобрѣтаетъ отвратительный вкусъ и запахъ. Рабочіе съ жадностью бросаются на эту бурду и раскупаютъ ее буквально на вѣсъ золота.

Но откуда же золото у нищихъ?

О, золото есть! Золото краденое, конечно. Хозяева обсчитываютъ рабочихъ, а послѣдніе ихъ обворовываютъ. Кража золота достигаетъ колоссальныхъ размѣровъ, но, увы! рабочимъ въ прокъ оно не идетъ.

Сбыть его трудно, но за то на него можно купить водки, — и этого достаточно. Предпріимчивые жидочки остаются съ пузырями безъ спирта, но съ золотымъ пескомъ.

Куда же сбываютъ его они?

Среди богатыхъ пріисковъ непремѣнно ютится заявленный пріискъ, гдѣ по малому золотосодержанію почвы не стоитъ производить работъ, но для виду нѣсколько человѣкъ рабочихъ копается въ землѣ. Туда-то и сбывается это зо-

лото съ значительной скидкой и вносится въ книги, какъ добытое на пріискѣ.

Кромѣ этихъ фиктивныхъ пріисковъ существуютъ еще и другіе, уже заброшенные, гдѣ взято все, что можно было взять, а между тѣмъ, они перепродаются и покупатели на нихъ находятся, особенно если истощенный пріискъ лежитъ на пути возвращенія пріисковыхъ рабочихъ,—работы на нихъ тоже производятся только для виду, а золото приходитъ извнѣ. Такіе пріиски именуются „половинками", т. е. лежащими на полъ-пути. Знаменитою „половинкою" въ Енисейской губерніи считается „Ражевская", по фамиліи ея хозяина. Она извѣстна въ уголовныхъ лѣтописяхъ Сибири какъ мѣсто дѣйствія всевозможныхъ кровавыхъ драмъ.

„Половинка" — это родъ таежнаго кафе-шантана.

Возвращающіеся съ пріисковъ рабочіе находятъ здѣсь злачное мѣсто, музыкантовъ, таежныхъ „этихъ дамъ", водку, и за все это они оставляютъ тамъ заработанные гроши и непопавшее въ руки спиртоносовъ краденое золото.

Все это дѣлается почти открыто, на виду у начальства, но засыпанные золотымъ песочкомъ глаза становятся близорукими.

Надо еще, впрочемъ, дойти до „половинки", чтобы отдаться грубымъ наслажденіямъ послѣ грубаго труда.

Нимъ и неприходится дойти.

Сентябрь въ тайгѣ пасмуренъ. Идетъ мелкій, холодный дождь,—часто и снѣгъ. Между деревьями, съ поблекшими листьями, жалобно завываетъ сѣверный вѣтеръ. Тайга замираетъ.

Работы кончились. Наступаетъ время разсчета. Та же одѣтая въ лохмотья, но уже сильно поредѣвшая толпа осаждаетъ пріисковыя конторы и получаетъ причитающіяся грошевые заработки. Ругань и проклятія виснутъ въ воздухѣ.

Разсчетъ конченъ. Прикащикъ, или хозяинъ, заколотилъ на-глухо контору и уѣхалъ. Расходятся и рабочіе

Они идутъ партіями. Бѣда отставшему—его ожидаетъ въ тайгѣ смерть. Онъ становится добычей самаго хищнаго изъ всѣхъ животныхъ—человѣка.

Крестьяне сосѣднихъ съ тайгою селеній ведутъ правильную охоту,—она именуется „охотой на горбачей".

„Горбачами" зовутъ пріисковыхъ рабочихъ вслѣдствіе ихъ сгорбленныхъ фигуръ, которыя дѣлаются такими отъ постоянной работы въ наклоненномъ положеніи.

Съ заряженнымъ пулей ружьемъ отправляются эти своеобразные охотники въ тайгу и стрѣляютъ въ возвращающихся въ одиночку рабочихъ. Мѣткій выстрѣлъ укладываетъ жертву на мѣстѣ. Ее раздѣваютъ до нага и оставляютъ на съѣденіе звѣрямъ.

По веснѣ находятъ массу костей, череповъ и

начинаются дѣла „о найденныхъ, неизвѣстно кому принадлежащихъ", костяхъ, черепахъ и т. п., которые хоронятся, а дѣла „предаются,—выражаясь языкомъ стараго, такъ недавно и не совсѣмъ еще отжившаго свои дни въ Сибири законодательства,—волѣ Божіей".

Лѣтъ десять тому назадъ простой случай открылъ одного такого охотника, десятки-же другихъ остаются неуличенными.

Двое рабочихъ, возвращаясь съ пріисковъ, пришли въ ближайшее село и попросились переночевать въ домъ зажиточнаго крестьянина.

Дома была одна маленькая дѣвочка, которая не пустила ихъ, безъ старшихъ, въ избу, а проводила въ баню.

— Гдѣ же старики? спросили ее путники.

— Мать съ работниками въ полѣ, а отецъ пошелъ въ лѣсъ „горбачей" стрѣлять,—отвѣчала дѣвочка.

Въ дѣтской наивности она считала „горбача", вѣроятно, какой-нибудь таежной птицей.

Рабочіе поняли. Когда же, пришедши въ баню, они увидали тамъ цѣлый складъ окровавленной „юпатины" (такъ именуется въ Сибири одежда), то, уйдя изъ-подъ страшнаго крова, заявили объ открытіи начальству.

Возвратившійся съ охоты хозяинъ былъ арестованъ и сознался въ убійствѣ за эту осень восемнадцати человѣкъ.

Охотился онъ не первый годъ.

Въ тайгѣ указалъ онъ тамъ и сямъ лежащіе обнаженные трупы, — иные уже полусъѣденные червями.

Тамъ дикіе таежные нравы.

Люди исчезли изъ тайги. Иные ушли, иные заснули въ ней вѣчнымъ сномъ.

Добытое за лѣто золото сдается въ казну. Получаются ассигновки.

По московско-сибирскому тракту тянется рядъ повозокъ, окруженныхъ конвоемъ.

Это идетъ караванъ съ золотомъ. Въ дно каждой повозки крѣпко-накрѣпко вдѣланъ ящикъ съ драгоцѣннымъ металломъ.

На монетномъ дворѣ это золото превращается въ полуимперіалы.

Въ какъ красится стопки укладывается онъ, этотъ изящный, блестящій желтенькій кружочекъ! Какъ удобно, не говоря уже о томъ, какъ пріятно, класть его въ кошелекъ!

Родится ребенокъ. Его крестятъ. Крестный отецъ кладетъ подъ подушку матери, лежащей въ батистѣ и кружевахъ, на зубокъ новорожденнаго, полуимперіалъ.

Богачъ ставитъ его на карту, покупаетъ на него любовь и ласку, почетъ и уваженіе.

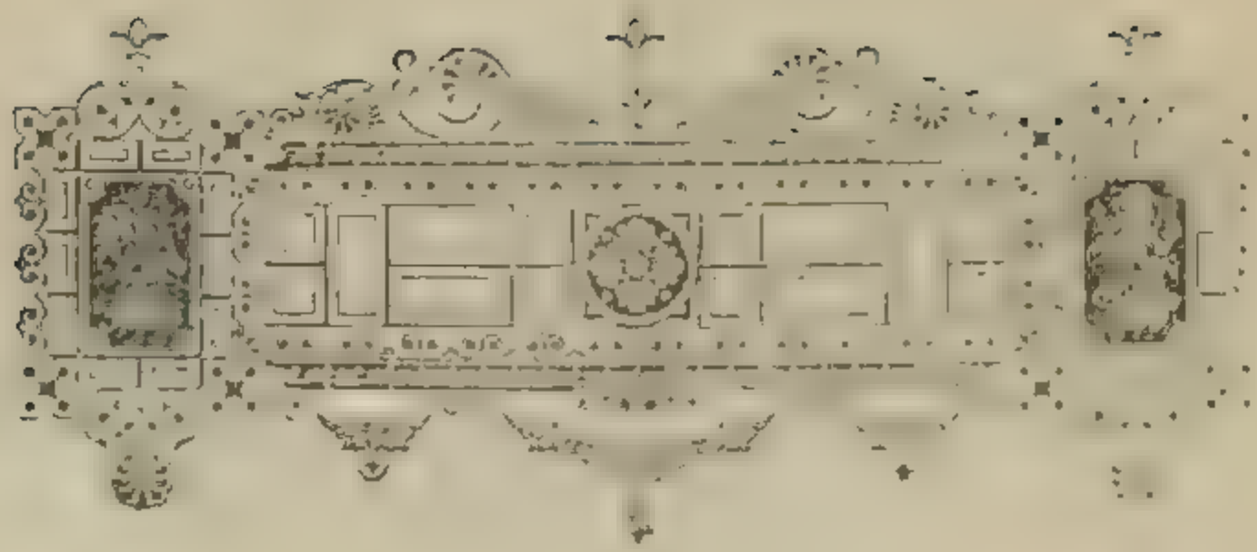
Еврей готовъ продать за него себя хоть по фунтамъ.

Наличность этихъ красныхъ монетъ обезпечиваетъ людское счастье, доставляетъ радость и довольствіе, — таково мнѣніе большинства.

Каждый стремится добыть его. Съ улыбкой онъ получается, съ гримасой отдается.

Всюду и вездѣ полуимперіалъ—современный Архимедовъ рычагъ, способный перевернуть міръ.

Но задумывается-ли кто-нибудь о тѣхъ, чьими руками добытъ онъ? О тѣхъ, которые, по злой иронiи судьбы, гибнутъ въ нищетѣ тамъ, около золота?



СИБИРСКІЙ «ДЕРЖИМОРДА».

(Изъ моей памятной книжки).

По прибытіи на службу въ Восточную Сибирь, мнѣ, вскорѣ по пріѣздѣ, пришлось выѣхать въ „округъ" или, по нашему, уѣздъ, въ одно изъ большихъ селъ, отстоящихъ отъ того города, гдѣ я имѣлъ пребываніе, въ ста верстахъ.

Въ этомъ селѣ имѣлъ, какъ принято выражаться въ Сибири, резиденцію земскій засѣдатель. Этотъ сибирскій чинъ равняется нашему становому приставу съ тою лишь разницею, что кромѣ чисто полицейскихъ обязанностей, онъ исполняетъ обязанности мирового посредника и судебнаго слѣдователя. Въ этомъ послѣднемъ качествѣ онъ былъ отчасти подчиненъ мнѣ, и я ѣхалъ обозрѣвать его дѣлопроизводство. Собственно дѣлопроизводство не того, который находился въ то время на этомъ посту, а его пред-

мѣстника. Новый былъ только что назначенъ и сообщилъ мнѣ, что встрѣчаетъ много затрудненій въ виду запутанности слѣдственной части принятаго имъ участка, и я, собственно говоря, ѣхалъ помочь ему разобраться, тѣмъ болѣе, что „запутанность" была весьма естественна, если знать, что за „субъектъ" былъ его предмѣстникъ. Это былъ одинъ изъ старыхъ „сибирскихъ служакъ", большая часть которыхъ, при облегченномъ видѣ населенія, по введеніи реформы 25 февраля 1885 года, сошли, по независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ, съ арены ихъ многолѣтней и не безплодной для нихъ самихъ служебной дѣятельности. Описываемый мною засѣдатель былъ одинъ изъ первыхъ уволенъ безъ прошенія, подъ судомъ же онъ состоялъ давно, каковое обстоятельство въ Сибири не мѣшаетъ состоять на государственной службѣ. Вскорѣ къ нему присоединились десятки другихъ отставныхъ отъ „кормленія" служакъ, и они составили чуть не цѣлую армію „недовольныхъ" новыми порядками и никующихъ при малѣйшей неудачѣ, ошибкѣ или невинномъ промахѣ „новыхъ дѣятелей". Увольненіе этого, пробывшаго почти десять лѣтъ въ одномъ и томъ же участкѣ, засѣдателя, случилось вслѣдствіе выкинутаго имъ „кундштюка" сравнительно невинно-игриваго свойства. Въ мѣстной врачебной управѣ получена была отъ него въ одно прекрасное утро съ почтою тюкъ, состоящій изъ ящика, по вскрытіи котораго въ немъ

оказалась отрубленная человѣческая голова съ пробитымъ въ двухъ мѣстахъ черепомъ. Одновременно съ этимъ было получено и отношеніе сѣмскаго засѣдателя, къ номеру котораго и препровождался трупъ, въ каковомъ отношеніи засѣдатель просилъ врачебную управу: опредѣлить причину смерти по препровождаемой при семъ головѣ, отрѣзанной имъ, засѣдателемъ, отъ трупа крестьянина, найденнаго убитымъ въ семи верстахъ отъ такого-то села. При этомъ засѣдатель присовокупилъ, что на остальномъ тѣлѣ убитаго знаковъ насильственной смерти, по наружному осмотру, не обнаружено. Врачебная управа, получивъ такую неожиданную посылку, сообщила о такомъ „необычайномъ казусѣ" по начальству, которое, въ виду наступившихъ новыхъ вѣяній, и уволило „рьянаго оператора" отъ службы. Интересно то, что уволенный засѣдатель никакъ, вѣроятно, и до сихъ поръ не можетъ понять, за что его уволили, такъ какъ, по его словамъ, онъ сдѣлалъ это единственно, дабы не затруднять начальства и не наносить ущербъ казнѣ уплатою приговоръ окружному врачу. Подъ судомъ же этотъ засѣдатель состоялъ по дѣламъ „почище", которыя, впрочемъ, всѣ сводятся къ тому, что онъ не только „бралъ", что въ прежнее время въ Сибири не считалось даже проступкомъ, но бралъ „не по чину".

Въ дѣлопроизводствѣ-то такого сибирскаго „юса" мнѣ приходилось разбираться.

Выѣхавъ изъ города рано утромъ, я прибылъ въ село, служившее конечной цѣлью моего путешествія, когда уже стало смеркаться. Дѣло было зимой. Село было большое.—въ Сибири, впрочемъ, мелкихъ поселеній-деревень почти нѣтъ, и села, хотя отстоятъ другъ отъ друга на сотни верстъ, но за то всегда громадны. Существуютъ такія, которыя тянутся на протяженіи семи и болѣе верстъ. Крестьяне живутъ зажиточно; у нихъ, по большей части, двухъ-этажные дома. Въ селѣ всегда имѣется церковь, трактиръ, нѣсколько лавокъ съ овощнымъ и пайскимъ товаромъ и неизмѣнный „питейный". Лишь на краяхъ каждаго села, у „поскотины", какъ именуется здѣсь околица, вотятся „мазанки" —глиняныя лачуги ссыльно-поселенцевъ. Они составляютъ въ сибирскихъ селахъ какъ бы отдѣльную корпорацію и, по большей части, служатъ въ работникахъ у крестьянъ.

Уже совсѣмъ смерклось, когда ямщикъ мой лихо вкатилъ въ распахнутые настежь ворота „земской квартиры", гдѣ я рѣшилъ отдохнуть до утра, когда прибудетъ извѣщенный о моемъ пріѣздѣ засѣдатель, и мы примемся за „дѣла". „Земской квартирой", или „дворянской", называется въ Сибири домъ зажиточнаго крестьянина, гдѣ есть двѣ — три чистыя комнаты, которыя онъ отдастъ „подъ проѣзжающихъ чиновниковъ", за что получаетъ извѣстное вознагражденіе отъ казны. Убранство этихъ „земскихъ

квартиръ" ни мало не отличается отъ убранства помѣщеній другихъ зажиточныхъ крестьянъ, въ которыхъ они живутъ сами. Тѣ же бѣленыя стѣны съ видами Аѳонскихъ горъ и другими „божественными картинками", съ портретами Государя и Государыни и другихъ членовъ Императорской фамиліи, безъ которыхъ не мыслимъ ни одинъ домъ сибирскаго крестьянина, боготворящаго своего Царя-Батюшку; та же старинная мебель,—иногда даже краснаго дерева: диваны съ деревянными лакированными спинками, небольшое простѣночное зеркало въ рамѣ и непремѣнно старинный буфетъ со стеклами, затѣйливаго устройства, точно перевезенный изъ деревенскаго дома „старосвѣтскаго" помѣщика и Богъ вѣсть какъ попавшій въ далекія Сибирскія палестины.

Хозяинъ „земской квартиры", съ которымъ я былъ знакомъ ранѣе, такъ какъ онъ не разъ бывалъ у меня въ городѣ по дѣламъ, принялъ меня съ настоящимъ „сибирскимъ" радушіемъ. На столѣ тотчасъ появился чай со всевозможными „прикусками" и „пріѣдками", — такъ именуются въ Сибири печенья къ чаю и пирожки съ разнымъ фаршемъ, —водочка съ закуской, состоящей изъ неизмѣнныхъ рыжиковъ, селенги (копченая сибирская селедка) и „стругани" — мороженой сырой стерляди, настроганной ножемъ и облитой соусомъ изъ горчицы, масла и уксуса. Я попросилъ хозяина составить мнѣ компанію, и мы, усѣвшись за столъ, принялись за чай и прочія явства. Раз-

говоръ пересѣлъ, какъ всегда и вездѣ въ Сибири въ то время, на „новые порядки"...

— Ну, что, Иванъ Алексѣевичъ,—обратился я къ хозяину,—довольны у васъ новымъ засѣдателемъ?

— Не приглядѣлись мы еще къ нему, ваше высокоблагородіе, да и онъ къ намъ,—степенно отвѣчалъ тотъ.—Да послѣ стараго-то, впрочемъ, и волкъ за ягненка покажется,—прибавилъ онъ послѣ нѣкотораго раздумья.

— А что, развѣ лютъ былъ?

— Какъ звѣрь рыкающій по деревнѣ рыскалъ. Кровопивецъ!

— Что же вы не жаловались?

— Жаловались, и не разъ, да все на свою голову. Доказать не могли, — да и не тѣ были порядки, что нонѣ, — ну, и выходилъ звѣрь-то нашъ лютый—орцою неповинною. Однова даже подвести надумались, да не удалось.

— Какъ подвести?

— Да такъ, взятку при свидѣтеляхъ дать, а потомъ и къ начальству.

— Что же, не взялъ?

— Какое не взялъ, [illegible] взялъ, да только не взяткой это оказалось.

— Какъ такъ? Разскажите!

— Да что я вамъ, ваше высокоблагородіе, своими мужицкими рѣчами докучать буду! Вы, можетъ, послѣ дороги и почивать желаете, — сталъ отлынивать спохватившійся хозяинъ, уви-

давъ, что онъ, по его мнѣнію, не въ мѣру заоткровенничалъ съ „начальствомъ".

— Нѣтъ, еще рано, ночь велика; пожалуйста, разскажите!—присталъ я.

— Инъ, будь по вашему, — согласился припертый, что называется, къ стѣнѣ, хозяинъ.

Наполнивъ стаканы чаемъ, онъ началъ:

— Ходилъ я въ тѣ поры сельскимъ старостой. Отъ крестьянишка-то нашему селу, по близости, больше тѣхъ доставалось. Вотъ и собрались мы на сходъ и порѣшили: дать ему пятьдесять рублевъ при свидѣтеляхъ,—меня застрѣльщикомъ къ нему послали. Прихожу. „Что надо?" рявкнулъ баринъ [1]).—„Да такъ и такъ, ваше благородіе, началъ я, какъ вы завсегда нашъ благодѣтель, о нашемъ благѣ радѣтель и передъ начальствомъ заступникъ, то міръ порѣшилъ васъ отблагодарить. „Деньгами?" — Такъ точно, ваше благородіе. „Итожъ, это хорошо", замѣтилъ „баринъ".—Только, ваше благородіе, рѣшили, чтобы „епутаціей" въ нѣсколько человѣкъ поднести. „Сколько народу?" —Да, окромя меня, трое. „Гмъ", крякнулъ засѣдатель, „что-жь, это можно! На, вотъ, тебѣ мой кошелекъ", вытащилъ онъ его изъ кармана, и пошувъ, перво-наперво, находившіяся тамъ деньги, передалъ кошелекъ мнѣ. „Положи туда деньги и принеси, а они пусть войдутъ... ничего!" Положилъ это я въ кошелекъ

[1]) Народное прозвище засѣдателей. *Изд. ком.*

пять красненькихъ, да и айда опять къ засѣдателю, уже вчетверомъ. „Вы зачѣмъ?“ какъ рявкнетъ онъ на насъ, инда у насъ всѣхъ подъ жилки затряслись. Одначе я успѣлъ выговорить: — Вотъ кошелекъ! „Кошелекъ“, ударилъ онъ себя по карману, „а я и не замѣтилъ, какъ его на деревнѣ обронилъ, ну, спасибо, любезные, что нашли и доставили. Засѣдательскія деньги труловыя, святыя; день и ночь о васъ пекусь, покоя не имѣя, спасибо, спасибо“. Мы только роты разинули и ни съ мѣста. „Только, что же это“? закричалъ засѣдатель, взявъ кошелекъ, вынувъ и сосчитавъ деньги. „Тутъ всего пятьдесятъ рублей, а было сто. Такъ вы, други любезные, себѣ половинку прикарманили. Начальство обворовывать! Я вамъ покажу! Въ острогѣ сгною! Чтобъ сейчасъ остальные доставить. Вонъ!“ Я обернулся, а свидѣтелей моихъ ужь и слѣдъ простылъ. Ну, я и самъ задомъ къ двери, — кое какъ во сьояси убрался. Вотъ онъ какой офіонъ-то былъ,—заключилъ свой разсказъ хозяинъ.

— Что же дальше? спросилъ я.

— Дальше-то... Собрались, покалякали, почесали затылки, полѣзли за голенища, собрали еще полусотенную да и предоставили. Одначе, я съ вами заболтался,—замѣтилъ хозяинъ.—Покойной ночи, пріятнаго сна!..

Мы разстались...

Я, вынувъ изъ ремней одѣяло и подушку, устроился на диванѣ и потушилъ свѣчу, но дол-

го не могъ заснуть. Мнѣ все мерещилась комически-грустная картина шествія опростоволосившихся мужичковъ, почесывающихъ затылки и несущихъ смѣтливому засѣдателю его „собственныя“ деньги.

МЕДАЛЬ ИЛИ КАТОРГА?

(Изъ недавняго прошлаго).

Какое отношеніе можетъ имѣть рыжая лошадка нашего милѣйшаго, обходительнѣйшаго и добросовѣстнѣйшаго городового врача съ вышеприведеннымъ заглавіемъ этого разсказа? Казалось бы, никакого. Между тѣмъ, живя въ одномъ изъ губернскихъ городовъ Восточной Сибири, я за послѣднее время не могъ видѣть добрѣйшаго доктора, проѣзжавшаго на его рыжей лошадкѣ, чтобы въ умѣ моемъ не возникла, на первый взглядъ совершенно неподходящая къ случаю, дилемма: медаль или каторга?

Это положительная несообразность!

Согласенъ, но Сибирь вообще страна несообразностей. Вообразите себѣ, что вы чиновникъ и, къ довершенію благополучія, женаты. Наступаетъ желанное „двадцатое“ число, отъ котораго чиновники въ Сибири получили прозвище „двадцатниковъ“. Вы возвращаетесь изъ присут-

стыя съ тощимъ кошелькомъ, но за то полными карманомъ. Ваша, въ этотъ день чрезвычайно ласковая супруга, приготовила вамъ обѣдъ по нашему вкусу (по случаю ровно разъ въ мѣсяцъ). Вы насыщаетесь. Спать послѣ обѣда жена вамъ не даетъ, а тащитъ прогуляться непремѣнно по направленію къ галантерейнымъ магазинамъ.

Положеніе мужа въ Сибири, какъ видите, не страдаетъ ни малѣйшей несообразностью, — оно даже чрезчуръ сообразно; но это исключеніе.

Послѣ такой прогулки вы возвращаетесь все еще съ полнымъ, послѣ сытнаго обѣда, желудкомъ, но уже довольно тощимъ кошелькомъ.

Напруженной рядами свертками вашей дражайшей половинѣ идти неудобно. Вы нанимаете извозчика. Неизмѣнная, отжившая свой вѣкъ въ центральной Россіи, долгушка, т.-е широкія дрожки, на которыя садятся спина къ спинѣ, къ вашимъ услугамъ. На козлахъ сидитъ чумазый возница. Грубое лицо его заросло всклокоченной бородой, мозолистыя грязныя руки держатъ сыромятныя вожжи. Одѣтъ онъ въ дырявый зямъ и невозможный треухъ.

Настроеніе вашего духа, послѣ опустошенія вашего кармана, не изъ хорошихъ. Вы мрачны и придирчивы. Супруга ваша, достигнувъ цѣли, перемѣняетъ тактику и становится далеко неуступчивой. Начинается прилюдія семейной сцены. Горячая размолвка въ присутствіи извозчика идетъ на французскомъ языкѣ. Вы подъѣзжаете уже

къ дому, какъ, вдругъ, нашъ чумазый возница вставляетъ въ вашъ супружескій разговоръ фразу на чистѣйшемъ парижскомъ діалектѣ. Вы поражены и умолкаете.

Это-ли не несообразность?

Грязная канцелярія сибирскаго полицейскаго пристава. Бѣдняга-писецъ, одѣтый въ невозможныя лохмотья, невольно возбуждаетъ ваше сочувствіе, но шевелитъ въ вашей душѣ и брезгливое чувство. Вы даете ему за справку лишній гривенникъ, но постараетесь поскорѣе уйдти.

Это магистръ чистой математики.

Такова Сибирь для непосвященныхъ,—страна несообразностей.

Но возвратимся къ докторской рыжей лошадкѣ. Она не только вызывала въ умѣ моемъ неподходящую дилемму, но рисовала въ моемъ воображеніе цѣлую картину. Мнѣ видѣлась ближайшая къ городу почтовая станція. Жарко, по-сибирски натопленная комната для проѣзжающихъ съ огромною лежанкой, занимающей чуть не добрую ея половину, и огромнымъ же сѣрымъ котомъ, постоянно покоящимся на этой лежанкѣ. На столѣ кипитъ внушительныхъ размѣровъ самоваръ. Въ ожиданіи перепряжки, я занимаюсь чаепитіемъ. Съ боку стола почтительно, на кончикѣ стула, сидитъ почтосодержатель и владѣлецъ дома, гдѣ помѣщается станція. Это мужчина лѣтъ сорока пяти, благообразной наружности, съ добродушно-плутоватымъ выраженіемъ

у́ко-разрѣзныхъ глазъ. Онъ одѣтъ въ длинно-полый суконный сюртукъ, плисовій купеческій жилетъ. На шеѣ шумѣо, а быть можетъ и намѣренно, ниже окладистой русой бороды, повѣшена серебряная медаль.

Собесѣдникъ мой медленно, смачно отхлебываетъ чай съ блюдечка, которое онъ держитъ пятью перстами лѣвой руки, — правою онъ нѣтъ-нѣтъ да и поправитъ свою регалію. Слышится мнѣ меланхолически-грустныя тонъ его голоса.

Рѣчь идетъ объ той самой медали.

— Натерпѣлся я въ тѣ поры страху, ваше высокоблагородіе! Бѣжалъ изъ губернскаго острога важный арестантъ—каторжный, да прямо по нашему московскому тракту. Дѣло было лѣтомъ, днемъ, въ самую страду. Въ селѣ-то старый да малый—всѣ въ полѣ. У меня проѣзжающій купецъ чайкомъ тоже какъ и вы, балуется. Тройку ямщикъ запрегъ, да во дворъ и отлучись. Увидалъ это я въ окно, такъ и ахнулъ. Купца дома оставилъ, да совсѣми ямщиками верхами на лошадяхъ въ погоню. Я ружье захватилъ, — картечью на медвѣдя заряжено было. Добро-то свое жаль, тройку угналъ первѣющую, гонимъ. Верстахъ отсюда въ сорока селенье проѣзжать будете — настигли. Народъ сбѣжался, галдятъ, а онъ въ руки не дается, топоромъ, что мой же ямщикъ въ телѣгу положилъ, отмахивается. Кому охота на смерть лѣзть. Умаетъ,

думаю, народъ, уйдетъ. Тройка вся въ мылѣ стоитъ. Разыгралось ретивое. Жаль лошадушекъ стало, я изъ ружья въ него и ахнулъ. Прикончилъ, значитъ. Тройку-то свою вернулъ, анъ дороже вышло. Начальство наѣхало. Сперва на перво земскій засѣдатель *), и сейчасъ меня, раба Божія, въ каталажку **), потому, какую ни на есть, а душу загубилъ. Изъ за каторжнаго да въ каторжные обратился. Инда волосъ дыбомъ въ тѣ поры у меня сталъ. Сижу это я долго-ли, коротко-ли—чиновникъ изъ губерніи на слѣдствіе наѣхалъ. Вызываетъ меня къ допросу. Иду ни живъ, ни мертвъ. Молодой изъ себя, а на видъ строгій. Съ глазу на глазъ принялъ. „Ты какъ", говоритъ, „хочешь: на каторгу пойти за убійство, али мидаль за поимку преступника получить?" Кому, ваше высокородіе, на каторгу идти хочется,—бухнулся я ему въ ноги,—хоша бы и безъ мидали ослобониться. Поднялъ меня самъ и опять за свое: „Нѣтъ" говоритъ, „выбирай любое: мидаль или каторга?" Мидаль, говорю, ужъ ваше высокородіе. На свободу выпустили, а въ скорости тутъ и мидаль получилъ, только не одну она мнѣ тройку стоитъ.

Хозяинъ затуманился.

Не денегъ жаль, —дѣло онѣ нажитое,—

---

* Земскій засѣдатель—родъ нашего станового пристава.
** Каталажка—арестантская камера.

рыжку жаль! — добавилъ онъ послѣ нѣкоторой паузы.

— Какую рыжку?—спросилъ я.

— Лошадку рыжую, она и по сейчасъ въ городѣ, у доктура. Слѣдственникъ-то мой ему ее продалъ. Не лошадь, а золото.

Вотъ почему рыжая докторская лошадка ныряетъ въ умѣ моемъ страшную дилему: медаль или каторга?

ИВАНЪ СОРОКЪ ВТОРОЙ.

(Разсказъ каторжника).

— Для счастливаго человѣка, у кого бляхи на плечахъ, каторга — плохое дѣло, потому уйдти изъ нея слободно.

Такъ началъ свой разсказъ, сидя, поджавши подъ себя ноги по-турецки, на одной изъ наръ каютъ арестантской баржи, старикъ съ длинною сѣдою бородою, съ гладко остриженною, полуобритою головою, съ ручными и ножными кандалами, что указывало, что онъ былъ каторжникъ—человѣкъ, значитъ бывалый.

Баржа, готовая въ путь, мѣрно качалась на буксирѣ пассажирскаго парохода, стоявшаго у тюменской пристани.

Узкая Тура въ плоскихъ берегахъ тихо несла свои мутныя волны.

Былъ третій часъ ночи. Партія была посажена. Пароходъ уже далъ первый свистокъ. Гуськомъ

керосиновыя лампы полуосвѣщали группу арестантовъ-пассажировъ, собравшихся вокругъ рассказчика и сидѣвшихъ въ разныхъ позахъ.

Картина была достойна кисти жанриста.

Полуобритыя головы придавали и безъ того несимпатичнымъ лицамъ слушателей звѣрское, отталкивающее выраженіе. Особенно жадно впился въ рассказчика глазами еще совсѣмъ молодой, безусый парень, съ кошачьимъ выраженіемъ лица и быстро бѣгающими маленькими глазками. Животные инстинкты наложили свой полный отпечатокъ на этомъ плоскомъ лицѣ, и при взглядѣ на него невольно думалось, какъ вѣрно выраженіе: „на лицѣ всѣ семь смертныхъ грѣховъ написаны".

Иначе и нельзя было очертить характеристику этой физіономіи.

— Само начальство не очень-то за нашимъ братомъ гонится! За буграми *) гуляй себѣ на свободѣ, нашъ фартъ **) гдѣ хочешь — не препятствуетъ. Для начальства-то оно тоже сподручно. Искъ, значитъ, на бѣжавшаго идетъ, одежина всякая на бумагѣ выданной значится, а рта-то нѣтъ. Баринъ, значитъ, прямой. Будетъ дѣтишкамъ ихъ благородіевъ на молочишко. Ну, а передъ буграми нашему брату туго: споймаютъ, какъ разъ, да вотъ въ этихъ браслеткахъ [illegible] назадъ и скажутъ.

*) Бугры — Уральскія горы. **) Фартъ — счастье, судьба.

Разсказчикъ тряхнулъ ручными кандалами.

— Второй разъ, вотъ, я бѣгу—и все влопываюсь. Этотъ-то разъ къ товарищу по каторгѣ, въ Курскъ, пробрался, —тамъ меня и сцапали...

— А товарища-то нашелъ?—задалъ вопросъ безъусый.

— Отыскалъ; въ солдатикахъ онъ тамъ служитъ.

— Простили, значитъ?

— Держи карманъ шире, простили! Самъ себѣ судьбу устроилъ.

— Это какъ же?

— Да такъ. Сбѣжалъ это онъ, лѣтъ семь тому назадъ, изъ полка. Не всѣмъ, тоже, по вкусу жизнь-то солдатская. Вольной волюшки захотѣлося, разгуляться во всю ширъ вознамѣрился. Однако, препону положили, на шестомъ убивствѣ, подъ Астраханью, въ лѣсу облавою взяли. „Ты кто такой?" спрашиваютъ. — Иванъ сорокъ второй. „Гдѣ родился?"—На землѣ. „Гдѣ жилъ послѣднее время?".—Въ Россіи. „Отецъ и мать были?" — Надо полагать, что были, только знакомства я съ ними не имѣлъ. Такъ ничего и не добились. Посадили въ острогъ. Слѣдствіе начали. Въ убивствѣ парень сознался, а о себѣ ни гу-гу. „Иванъ я", дескать, „сорокъ второй" — наладилъ и шабашъ. За убивство, знамо дѣло, по головкѣ не погладили, на двадцать лѣтъ за бугры, царево золото копать отправили. Новый, значитъ, каторжникъ объявился: Иванъ сорокъ

второй. Меня въ ту пору по первому побѣгу назадъ препровождали и шелъ я въ одной съ нимъ партіи. Мужичонко, такъ изъ себя, не мудрящій, низкорослый, но сильща, братцы, такая, что ни въ жисть не встрѣчалъ. Цѣпи на кандалахъ, какъ проволоку, разгибалъ. Сошлись это мы душа въ душу, побратались—онъ мнѣ и открылся. „Коли ты правду баешь, что съ каторги бѣжать легко, то есть у меня намѣреніе снова въ солдаты, въ прежній полкъ, пойти“ говоритъ.—Это то-есть, спрашиваю, какъ же? „Очень“, говоритъ, „просто! Только смотри, если тебя Богъ второй разъ бѣжать сподобитъ—не выдай.“ И, что ты, нехристь я, што-ли, товарища выдавать? Не жидъ, чай, видишь. „Съ кѣмъ-то, пархатымъ, я бы и брататься не сталъ. Ну, слушай. Сейчасъ это, какъ съ каторги лататы задамъ бороду долой, одни усы оставлю, какъ въ полку ходилъ, до Россіи доберусь и явлюсь по начальству. — Ты кто?—Дезертиръ такого-то полка, такой-то. Меня, значитъ, сейчасъ и препроводятъ. Не повѣрилъ я сперваначалу. Брешетъ, думаю, хвастаетъ. Однако, какъ прибыли мы на мѣсто, черезъ недѣлю такъ, Иванъ мой сорокъ второй съ каторги ужъ и лыжи навострилъ — сгинулъ. Любопытство меня взяло. Куда, думаю, онъ побрелъ? Съ полгода такъ я по Сибири пошатался, да снова по ту сторону бугровъ перегалилъ и айда въ Курскъ,—потому отъ него слышалъ, что полкъ ихъ въ Курскѣ стоитъ. Сталъ это я около казармъ похаживать. День,

другой походилъ—смотрю, идетъ разъ мой касатикъ въ полной солдатской амуниціи. Виду я не подалъ, что узналъ его, издали за нимъ побрелъ. Гляжу, за городъ меня ведетъ. Вышли это за городъ—въ лѣсочекъ ближайшій поровитъ. Я за нимъ. Въ лѣсъ то вошли—обернулся онъ, „Здравствуй", говоритъ, „Митричъ". Такъ меня кликаютъ. Расцѣловались и пошла у насъ бесѣда.

— Какъ сказывалъ, такъ и сдѣлалъ!—задалъ снова вопросъ безъусый.

— Какъ по писаному у него вышло. Объявился что онъ дезертиромъ; справки навели—показаніе подтвердилось; въ полкъ вернули, за первый побѣгъ изъ службы на двѣ недѣли подъ арестъ посадили и въ штрафные записали—служитъ. Помочь мнѣ деньгой и кой-чѣмъ на утро обѣщалъ, только меня въ ту же ночь въ кабакѣ забрали. Такъ-то. Вотъ-те и каторжникъ!—закончилъ разсказчикъ.

Раздался второй свистокъ парохода, а вскорѣ и третій. Скрипнули цѣпи и канаты буксира, и баржа медленно тронулась въ путь.

Каторжные всѣ перекрестились.

ВЪ НОЧЬ ПОДЪ РОЖДЕСТВО.

(Быль).

Памятна для меня эта страшная ночь.

Два года прошло съ тѣхъ поръ, а между тѣмъ, при одномъ воспоминаніи о ней мурашки бѣгаютъ по спинѣ и волосы дыбомъ поднимаются. Такъ жилы и такъ потрясаютъ ся впечатленія.

Былъ поздній вечеръ 24 декабря. Я прибылъ на Установскую почтовую станцію, отстоящую въ двадцати-пяти верстахъ отъ главнаго города Енисейской губерніи—Красноярска, мѣста моего служенія, куда я спѣшилъ, возвращаясь изъ командировки. На дворѣ стояла страшная стужа; было около сорока градусовъ мороза, а къ вечеру поднялся рѣзкій вѣтеръ и начинала крутить вьюга.

Мѣстность — безлѣсная, однообразная степь съ видиѣющимися вдали по обѣимъ сторонамъ хребтами высокихъ горъ—отрогами Саянскихъ.

— Лошадей! — крикнулъ я, вбѣжавъ, совершенно закоченѣвшій, несмотря на надѣтую на мнѣ доху, въ теплую комнату станціи.

Изъ-за стола, на которомъ стояла высокая лампа съ стекляной, молочнаго цвѣта, подставкой и самодѣльнымъ абажуромъ изъ писчей бумаги, поднялся старичекъ-смотритель, прервавъ какую-то письменную работу и, сдвинувъ очки въ мѣдной оправѣ на лобъ, меланхолически проговорилъ:

— Здравствуйте!

— Здравствуйте! — повторилъ поспѣшно я, подавая ему руку. — Нельзя-ли приказать поскорѣй лошадей?

— Приказать, отчего нельзя — можно, — тѣмъ-же тономъ продолжалъ онъ, — только мой совѣтъ вамъ — здѣсь переночевать.

— Какъ переночевать? — вскрикнулъ я, посмотрѣвъ на часы.

Было десять часовъ вечера. Черезъ два часа я надѣялся быть въ городѣ и хоть въ первомъ часу ночи, хоть въ часъ, на елкѣ у губернатора, а тамъ, — тамъ былъ для меня, какъ говоритъ Гамлетъ, „сильнѣйшій магнитъ“.

— Такъ, переночевать, а завтра, чуть забрежжетъ, и ѣхать, — невозмутимо совѣтовалъ мнѣ смотритель.

Хладнокровіе его взбѣсило меня.

— Вы съ ума сошли! Мнѣ черезъ два часа надо быть въ городѣ! — категорически заявилъ я.

— Да вы видѣли, погода-то какая?—уставился онъ на меня.

— Погода, погода,—погода ничего...—смутился я, тѣмъ болѣе, что, какъ-бы въ подтвержденіе его словъ, сильный порывъ вѣтра буквально засыпалъ окна станціи мелкимъ сухимъ снѣгомъ.

Стекла задребезжали.

Онъ молча указалъ мнѣ на нихъ.

— Ну, что-жъ, холодно, мятель, да не Богъ знаетъ, что такое. Да и ѣзды-то всего какихънибудь два часа. До города рукой подать,—оправился я отъ перваго смущенія.

— Холодно, мятель!..—укоризненно передразнилъ меня смотритель.—Не мятель, а вьюга, сибирская вьюга! А вы знаете, что такое сибирская вьюга?

— Не знаю и знать не хочу! Что-нибудь очень скверное, какъ и все сибирское,—обозлился я.

— Все, положимъ, не все, а вьюги здѣсь скверныя и тѣмъ то рано до города скоро не доѣхать, такъ какъ дорогу занесло и надо будетъ ѣхать чуть не ощупью. А не ровенъ часъ собьетесь съ пути—пропадете вмѣстѣ съ ямщикомъ: заснетъ—и капутъ.

Я было струхнулъ, но воображенію моему представился образъ „сильнѣйшаго магнита".

— Богъ милостивъ, живо докатимъ,—заявилъ я.—Да и что по пусту время терять? Мы бы ужъ версты три отъѣхали, пока съ вами здѣсь раз-

говоры разговаривали. Говорю вамъ, давайте лошадей.

— Извольте! — пожалъ онъ плечами и направился къ выходу. —Вы „по казенной", такъ мнѣ васъ хоть на тотъ свѣтъ, а отпустить надо, а ѣхали-бы „по частной"—ни въ жисть бы лошадей не далъ.

Новый порывъ вѣтра, сильнѣе перваго, далъ знать, что погода не унимается.

На дворѣ начали позванивать колокольцы и тройка вскорѣ была готова.

— Останьтесь лучше,—началъ было смотритель.

— Вотъ пустяки!—выбѣжалъ я на крыльцо и бросился въ повозку.

Староста застегнулъ передній заметъ.

Вьюга разыгралась во всю.

— Съ Богомъ, трогай! — глухимъ голосомъ произнесъ смотритель, стоявшій на крыльцѣ, и быстро ушелъ въ комнаты, сильно хлопнувъ дверью.

Тройка понеслась. Колокольчикъ застоналъ.

Я не помню, долго-ли мы ѣхали. Подъ однообразный звонъ я задремалъ, пригрѣвшись въ уголкѣ со всѣхъ сторонъ закрытой кошмой *) повозки.

Вдругъ, прекратившійся звукъ разбудилъ меня.

Колокольчика не было слышно.

— Что случилось?—крикнулъ я ямщику.

---

*) Войлокъ.

– Бѣда, барин, дорогу потеряли, заносит,— донесся до меня его голосъ.

Онъ, видимо, былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ повозки.

Я отстегнулъ переднюю кошму.

Вьюга бушевала. Лошади стояли, понуривъ головы, изрѣдка вздрагивая; повозка накренилась на бокъ и почти уже до половины была занесена снѣгомъ. Луна ярко свѣтила съ почти безоблачнаго неба, но, несмотря на это, далѣе нѣсколькихъ шаговъ разсмотрѣть было ничего нельзя, такъ какъ въ воздухѣ стояла густая серебряная сѣтка изъ движущихся мелкихъ искорокъ.

Снѣгъ падалъ хлопьями.

Вѣтеръ гудѣлъ и вдругъ съ силой рванулъ переднюю кошму и помчалъ далеко въ полѣ.

Слѣва отъ меня, въ двухъ шагахъ, выдѣлялся на бѣлой пеленѣ поля большой деревянный крестъ.

Такихъ крестовъ не встрѣчается нигдѣ чаще, чѣмъ въ Сибири. Они попадаются и около почтовыхъ трактовъ, и близъ проселочныхъ дорогъ, и совсѣмъ въ сторонѣ отъ дороги, и служатъ нѣмыми свидѣтелями совершившихся въ этой „странѣ изгнанія" уголовныхъ драмъ, придорожныхъ убійствъ и разбоевъ.

На мѣстахъ, гдѣ находятъ жертвы преступленій, ставятъ эти символы искупленія, а подчасъ найденные трупы и хоронятъ тутъ же, безъ отпѣванія, для котораго надо было-бы вести ихъ за сотни верстъ до ближайшаго села.

Снова послышался звонъ колокольчика. Я посмотрѣлъ по направленію къ лошадямъ — это ямщикъ отпрягалъ пристяжную и толкнулъ дугу надъ коренникомъ.

— Что ты дѣлаешь?—спросилъ я его.

— Верхомъ, баринъ, дорогу поискать хочу, пѣшкомъ-то было утопъ, сугробы, — отвѣчалъ онъ.

Вѣтеръ продолжалъ яростно гудѣть, вьюга крутила все сильнѣе и сильнѣе.

Повозка наполнялась снѣгомъ: мои ноги, обутыя въ высокія валенки, были закрыты имъ до колѣнъ.

Я не помню, что я отвѣчалъ ямщику и лишь смутно припоминаю его фигуру уже верхомъ.

Меня охватила какая-то внутренняя дрожь, затѣмъ вдругъ стало теплѣе и теплѣе. Я почувствовалъ сладкую истому...

Крестъ слѣва стоялъ уже передо мной и какъ будто подвинулся ближе. Я не спускалъ съ него глазъ.

Вотъ онъ тихо закачался, потомъ движенія его стали сильнѣе и онъ постепенно началъ подниматься кверху, какъ бы подталкиваемый кѣмъ-нибудь изъ-подъ земли.

Вотъ онъ наклонился совсѣмъ, а на его мѣстѣ стоялъ, выдѣляясь на снѣжной равнинѣ, досчатый гробъ.

Я затаилъ дыханіе.

Крестъ уже лежалъ плашмя.

Раздался мѣрный, глухой стукъ, а затѣмъ по-

слышался трескъ, это отлетѣла крышка стоявшаго около меня гроба.

Изъ него приподнялась женщина, одѣтая въ одну бѣлую рубашку съ высокимъ воротомъ и длинными рукавами. Черные, какъ смоль, волосы, заплетенные въ густую косу, спускались черезъ лѣвое плечо на высокую грудь, колыхавшуюся подъ холстиной, казалось, отъ прерывистаго дыханія. Лицо ея, съ правильными, красивыми чертами, было снѣжной бѣлизны и на немъ рельефно выдавались черныя, дугой, брови, длинныя рѣсницы, раздувающіяся ноздри и губы,—красныя, кровавыя губы. Глаза были закрыты.

— Ты пришелъ, я ждала тебя...—прошептала она, но губы ея не шевелились.

Я вздрогнулъ, услыхавъ этотъ шепотъ.

Она протягивала ко мнѣ свои руки, бѣлыя, какъ мраморъ.

Я невольно, какъ-бы подчиняясь непреодолимой силѣ, потянулся къ ней и почувствовалъ ея холодныя, какъ ледъ, объятія; они постепенно леденили меня; я коченѣлъ.

Она приподняла меня и мы отдѣлились отъ земли и неслись въ какомъ-то пространствѣ, въ облакахъ серебристаго свѣта. Она наклонила ко мнѣ свое лицо. Я слышалъ ея дыханіе, -оно было горячо, какъ огонь; я прильнулъ губами къ ея раскаленнымъ губамъ и ощутилъ, что жаръ ея дыханія наполнялъ меня всего, проходя горячей

струей по всѣмъ фибрамъ моего тѣла, и лишь ея руки леденили мнѣ спину и бока.

Мы продолжали нестись, слившись въ огневомъ поцѣлуѣ.

. . . . . .

— Кажется живъ! раздался около меня голосъ.

Я открылъ глаза и увидалъ передъ собой старика-смотрителя Установской почтовой станціи.

Я лежалъ на лежанкѣ и меня растирали снѣгомъ.

Когда я совершенно пришелъ въ себя, меня уложили въ постель и стали поить чаемъ.

Оказалось, что мы отъѣхали отъ станціи не болѣе пяти верстъ, какъ сбились съ пути, и ямщикъ верхомъ, поворотивъ назадъ, съ трудомъ отыскалъ дорогу и объявилъ на станціи о случившемся. Сбили народъ, отправились выручать меня и нашли уже засыпаннымъ снѣгомъ.

— Говорилъ, вѣдь, не слушались.—покачалъ головой смотритель, садясь ко мнѣ на кровать.— Слава Богу, во время поспѣли, а то такъ и нашли бы вы могилку въ сибирской степи.

Я только схватилъ его руку и крѣпко, съ благодарностью пожалъ ее.

Я понялъ, что онъ спасъ мнѣ жизнь.

— И занесло-то васъ къ Варвариной могилкѣ.

Я посмотрѣлъ на него вопросительно.

— Кто была эта Варвара?

— Бродяжка тутъ одна; года полтора, какъ

была поселена у насъ; чудная такая, видимо изъ благородныхъ, изъ себя высокая, красивая, молодая еще, въ работницахъ у старосты жила; только, вдругъ, съ годъ какъ заскучала, да въ одной рубахѣ зимой и ушла; на томъ мѣстѣ, гдѣ она похоронена, и нашли ее замершей.

Я разсказалъ смотрителю мое видѣніе.

— Она, она, вылитая она! —воскликнулъ онъ.

Объяснить это послѣднее совпаденіе я не берусь, но только повторяю, что для меня вѣчно будетъ памятна эта ночь подъ Рождество.

НА ЕЛКѢ У ПРИРОДЫ.

(Быль).

Была ночь на 25 декабря 188* года

Лютые морозы уже давно крѣпко сковали быстрогодный Енисей, нагромоздивши на немъ глыбы льда въ формѣ разнообразныхъ конусовъ, параллелограмовъ, кубовъ и другихъ фигуръ—плодовъ причудливой фантазіи великаго геометра-природы.

Вся эта грандіозная сибирская рѣка казалась широкой лентой фантастическихъ кристалловъ, покрытыхъ бѣлоснѣжною пеленою, искрящихся миріадами блестокъ при яркомъ свѣтѣ сѣверной луны.

Только ближе къ берегу, на которомъ расположился неказистый, хотя и состоящій въ чинѣ губернскаго, сибирскій городишко, ледяная поверхность глаже, и на бѣлоснѣжномъ полѣ вид-

нѣется темная полоса. Это дорога обозовъ, направляющихся ежедневно къ сдѣланной не вдалекѣ проруби.

Городъ расположенъ на горѣ и къ рѣкѣ ведутъ крутые спуски, застроенные домами, образующими нѣсколько переулковъ. На самомъ-же берегу, внизу, у главнаго центральнаго спуска,—Покровскаго,—тоже видѣется сирая масса построекъ,—покосившихся деревянныхъ домишекъ, лачугъ и даже землянокъ, образующихъ затѣйливые переулки и составляющихъ Кузнечную слободу, получившую свое названіе отъ нѣсколькихъ кузницъ, изъ отворенныхъ дверей которыхъ съ утра до вечера раздается стукъ ударовъ молота о наковальню.

Кузнечная слобода сплошь заселена поселенцами.

Городъ еще не спалъ. Большія окна деревяннаго зданія на Большой улицѣ, въ которомъ помѣщался клубъ или, какъ онъ именуется въ Сибири, Общественное собраніе, ли ли потоки свѣта, освѣщая, впрочемъ, лишь часть совершенно пустынной улицы.— Въ клубѣ была рождественская елка. Все небольшое общество города, состоящее изъ чиновниковъ по преимуществу, собралось туда со своими чадами и домочадцами встрѣтить великій праздникъ христіанскаго міра.

Около того-то зданія и была нѣкоторая жизнь. Въ остальныхъ же частяхъ города, и въ особен-

ности въ слободѣ, царила невозмутимая, подавляющая тишина.

Бѣдный людъ спалъ послѣ тяжелаго дневного труда и сладкія грезы переносили его, быть можетъ, въ другіе міры, на елки не въ примѣръ роскошнѣе той, возлѣ которой собралась аристократія сибирскаго города.

Но, чу!.. Въ одной изъ слободскихъ землянокъ скрипнула дверь, отворилась, и на порогѣ появилась человѣческая фигура.

Осторожно притворила она за собой дверь и быстрою, неровною походкою направилась къ Покровскому спуску.

Вотъ она уже у самой рѣки, вотъ вступаетъ на ледъ и идетъ, но уже медленно, къ проруби.

Отблескъ луны въ снѣжныхъ кристалахъ даетъ возможность разсмотрѣть во всѣхъ деталяхъ эту фигуру.

Это фигура женщины.

Изодранныя валенки на ногахъ, пестрядиная юбка, ваточная неуклюжая кофта съ нѣсколькими разноцвѣтными заплатами на спинѣ и бокахъ и дырявой шерстяной платокъ, окутывающій всю голову,—вотъ ея костюмъ.

Она подходитъ къ проруби, замедляя шаги останавливается у самаго края, какъ бы въ раздумьи, и, вдругъ, въ изнеможеніи, опускается на одинъ изъ ледяныхъ выступовъ рѣки и низко-низко наклоняетъ голову.

Лица ея все еще не видно.

Какъ-то холодно, жутко становится при видѣ этой склонившейся надъ прорубью одинокой человѣческой фигуры среди безбрежнаго царства снѣга и льда.

Сильный морозъ, отъ котораго не спасаетъ ея убогая одежда, вѣроятно пронизываетъ ее всю до костей, но ей, видимо, не холодно.

Вотъ она судорожнымъ движеніемъ сорвала съ головы платокъ, растегнула воротъ кофты и выпрямилась.

Луна освѣтила ея лицо.

На видъ ей казалось не болѣе двадцати пяти лѣтъ: истомленное худое лицо носило отпечатокъ пережитаго горя, преждевременно ее состарившаго; русые съ золотистымъ отливомъ волосы, всклокоченными, полурасплетенными прядями ниспадали на ея плечи.

Всевыносящее, но доведенное до конца, терпѣніе и невыносимыя страданія читались на этомъ, когда-то миловидномъ, лицѣ.

Исхудалая грудь нервно колыхалась. Глаза, когда-то голубые, но выцвѣвшіе отъ слезъ, уставившись на открытую пасть проруби, выражали нечеловѣческую рѣшимость.

Кто бы изъ обывателей города ни увидалъ ее, всякій узналъ бы въ ней всегда молчаливую, всегда готовую на самыя тяжелыя работы поденщицу.

Она была извѣстна всѣмъ въ городѣ подъ страннымъ прозвищемъ — „жены бродяги".

Кто она? Откуда? Какъ зовутъ ее?—никто не зналъ, да и не отъ кого было узнать это.

Только двое людей знали ея прошлое: ея мужъ-бродяга, по самому характеру преступленія не могшій никому ничего разсказывать, и на всѣ вопросы, обращенные къ нему, отдѣлывавшійся стереотипнымъ: „не помню", да она. Но она сама старалась забыть это прошлое и, если бы было можно, даже забыть самое себя... Ей было не до разговоровъ.

Въ народѣ толковали, что ея мужъ, женившись на ней, въ Россіи, носилъ довольно громкое имя, которое оказалось не принадлежащимъ ему. Когда это обнаружилось, онъ, не долго думая, причислилъ себя къ непомнящимъ родства, заявивъ, что онъ—„бродяга".

Толковали также, что ея семья, весьма почтенная и богатая, требовала, чтобы она разошлась съ мужемъ, „непомнящимъ родства", но она любила не имя, а человѣка — своего мужа, отца только-что родившагося ребенка — дѣвочки, и отказалась.

Родные тоже отказались отъ нея.

„Не помнящій родства" былъ осужденъ на ссылку въ Сибирь и она, „жена бродяги", безъ колебаній, съ ребенкомъ на рукахъ, пошла за нимъ, „по волѣ", „этапнымъ путемъ".

Окончился тяжелый каторжный путь. Они прибыли на мѣсто и поселились въ Кузнечной слободѣ, въ землянкѣ, купленной ею на остав-

шіеся гроши отъ продажи въ Россіи послѣднихъ вещей и отъ расходовъ далекаго пути.

Не долго мужъ прожилъ съ ней: мѣсяца черезъ два онъ ушелъ изъ дому и не воротился. Пошелъ-ли онъ просто бродяжничать, собрался-ли назадъ въ Россію —неизвѣстно. Онъ ушелъ, не простившись ни съ женою, ни съ дочерью, которой уже пошелъ третій годъ.

Пять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ. Она все ожидала его, но онъ не возвращался. Всю нѣжность своего любвеобильнаго сердца отдала она дочери. Для нея трудилась, не разгибая спины, надъ непривычной для нея поденной работой.

Вся жизнь матери была въ ея ребенкѣ.

Ежегодно свято соблюдался въ непріютной землянкѣ день 24 декабря. Посрединѣ убогой комнатки ставилась маленькая елочка, украшенная грошевыми гостинцами, и мать встрѣчала Рождество Спасителя, любуясь радостью своей дочурки, весело и безъ заботно прыгавшей вокругъ освѣщеннаго и украшеннаго деревца.

Въ описываемый нами день елочки этой зажжено не было. Малютка уже около мѣсяца лежала въ постелѣ,—сильная простуда разрушила слабый организмъ ребенка.

Мать день и ночь просиживала у ея изголовья, но заботы ея не помогли.

Въ ночь на 25 декабря ребенокъ ушелъ на елку къ Христу.

Долго еще бѣдная мать сидѣла передъ нимъ,

не спуская глазъ съ безжизненнаго, вытянувшагося тѣльца, какъ бы все ожидая, что оно пошевелится, и лишь когда убѣдилась въ роковой истинѣ, она осторожно одѣлась, будто боясь потревожить ея вѣчный сонъ, тихо отворила дверь и вышла.

Ни одной слезинки не показалось на ея глазахъ.

Очутившись надъ прорубью, за секунду до осуществленія роковой мысли, за секунду до перехода въ другой, лучшій міръ, все ея прошлое— съ дня ея дѣтства до страшнаго момента оставленія ею холоднаго трупа ребенка тамъ, въ пустой землянкѣ, —пронеслось передъ ней яркой, живой картиной.

Ее душитъ внутренній жгучій жаръ этихъ воспоминаній.

Она усиленно дышетъ, безсознательно глядя въ пространство.

Въ разсыпанныхъ кругомъ по снѣжнымъ кристаламъ искрометныхъ блесткахъ — отраженіяхъ холодной, но яркой луны „страны изгнанія",—ея воспламененному воображенію чудятся иные огни.

Вспоминается ей тоже все залитое огнями пространство. Громадная зала представляется ей,— она и теперь, кажется, вдыхаетъ насыщенную ароматами атмосферу. Слышится ей и теперь мягкій шелестъ нарядной толпы, звуки музыки, полные нѣги.

Она вспоминаетъ свою „перьую елку".

Горькая усмѣшка скользитъ по полураскрытымъ отъ тяжелаго дыханія устамъ.

„Да развѣ она и теперь не единственная гостья на елкѣ у холодной, богатой, роскошной природы?" — мелькаетъ въ ея умѣ вопросъ.

Она почти весело озирается кругомъ, любуясь переливами огней въ ледяныхъ и снѣжныхъ кристалахъ.

Вотъ она встала, съ силой рванулась впередъ, какъ бы падая въ чьи-то объятія.

Раздался сильный всплескъ воды и все опять стихло.

На ледяномъ выступѣ рѣки, у края проруби, черньмъ пятномъ видѣлся оставленный ею дырявый шерстяной платокъ.

Кругомъ все также весело искрились разноцвѣтными огнями ледяные и снѣжные кристалы, отражая кроткій блескъ яркой луны.

Нагорѣвшая сальная свѣча въ мрачной землянкѣ тускло освѣщала окоченѣвшій трупъ маленькой дѣвочки.

Въ „общественномъ собраніи" тоже гасли одна за другой свѣчи въ канделябрахъ и люстрахъ. Лишенная своихъ украшеній, елка печально стояла посреди темнѣющей залы. Съ полными руками конфектъ и игрушекъ разъѣзжались по домамъ счастливые наступившимъ праздникомъ дѣти.

Свидѣлась-ли гостья на елкѣ у природы съ своею дочерью на елкѣ у Христа?

РЕБЕНОКЪ-ПОДСТРЕКАТЕЛЬ.

(Разсказъ изъ уголовной хроники).

Случилось это въ концѣ семидесятыхъ годовъ, въ одномъ изъ главныхъ городовъ Восточной Сибири.

Она была единственной дочерью мѣстнаго окружного судьи *). Ее звали Лизой. Ей было всего восемь лѣтъ.

Любящіе родители одѣвали ее какъ куколку.

Въ предъобѣденные часы выходила она гулять, въ сопровожденіи старушки-няни, на Большую улицу, одѣтая въ изящную шубку на легкомъ и тепломъ ангорскомъ мѣху. Изъ-подъ бѣленькой шапочки изъ такого же мѣха выбивались золотисто-льняныя длинныя кудри. Съ раскрасившимся отъ морознаго воздуха личикомъ, съ темными, живыми глазками, подвижная, стройная, она невольно привлекала къ себѣ вниманіе

*) То же, что у насъ былъ „уѣздный судья"; въ Сибири не уѣзды, а округа. *Примѣч. авт.*

прохожихъ, останавливавшихся полюбоваться прелестнымъ ребенкомъ и приласкать его.

Всѣ въ городѣ знали и любили ее.

Домна Семеновна, ея няня, которую по большей части звали просто Семеновной, была словоохотливою старушкою и любила поболтать со встрѣчными знакомыми, а знакомыхъ—хоть отбавляй.

Усядется она съ той и другой на скамеечкѣ у калитки какого-нибудь дома—и пойдетъ бесѣда.

Маленькая Лиза важно шествуетъ одна далѣе, граціозно перебирая своими маленькими ножками, обутыми въ высокіе теплые сапожки.

Няня справедливо не безпокоится.

— Не пропадетъ, вернется! Всѣ ее знаютъ, проводятъ, если, неровенъ часъ, и заблудится. Да и заблудиться гдѣ—весь городъ на ладонѣ; ребенокъ смѣтливый—самъ дорогу найдетъ.

И Лиза, на самомъ дѣлѣ, всегда возвращалась къ бесѣдующей на скамеечкѣ Семеновнѣ, когда уже та, бывало, перемѣнитъ не одну собесѣдницу.

Въ одну изъ такихъ прогулокъ Лиза встрѣтилась съ бѣгущей въ припрыжку по улицѣ Аксюшей-нищенкой, тоже извѣстной всему городу.

Аксюшѣ шелъ одиннадцатый годъ, но по маленькому росту, худенькому тѣльцу, прикрытому невозможными лохмотьями, сморщенному въ ку-

лачекъ личику, сплошь покрытому веснушками, ей нельзя было дать этихъ лѣтъ.

Она казалась моложе Лизы.

Аксюша была дочь поселенца.

Лиза часто встрѣчала ее на улицѣ, дрожащею отъ холода, съ протянутой рукой, но не обращала на нее особеннаго вниманія.

Въ этотъ разъ они встрѣтились лицомъ къ лицу и остановились.

Онѣ, видимо, занялись разсматриваніемъ другъ друга.

Узенькіе, безцвѣтные глазки Аксюши горѣли завистью.

Хорошенькіе глазки Лизы выражали только любопытство.

— Ты нищенка?—первая прервала она молчаніе.

— Нищенка, отвѣтила спокойно Аксюша.

— У тебя нѣтъ папы и мамы?

— Нѣтъ, есть, но мамка лежитъ больная, а тятька пьянствуетъ.

— Мой папа тоже пьянствуетъ.

— Твоему есть изъ чего—вы богатѣи...

— А вы?

— Мы бѣдные.

— Развѣ твой папа не получаетъ жалованья и ему не носятъ купцы деньги и подарки.

— Нѣтъ.

Наступило молчаніе.

Лиза задумалась. Вдругъ, она улыбнулась, какъ бы обрадованная блеснувшею мыслью.

— А у тебя есть сестра?

— Есть, махонькая, еще въ зыбкѣ *).

— Оттого-то вы и бѣдные.

Аксюша вопросительно уставилась на нее.

— У меня—мнѣ разсказывала мама—тоже была маленькая сестра, но умерла и сдѣлалась ангеломъ. Вотъ теперь она намъ все и посылаетъ: и деньги, и гостинцы, и обновы,—все отъ нея къ намъ купцы носятъ.

— Ну!?—усумнилась Аксюша.

— Вѣрно! Я маму спрашивала, она мнѣ сама сказала, что это все носятъ намъ отъ покойной сестрицы. И няня тоже говоритъ.

Очередь задуматься наступила для Аксюши.

Обѣ дѣвочки замолчали.

— Если бы твоя сестра умерла, у тебя была бы такая же шубка, такая же шапочка, такіе сапожки, какъ у меня,—снова затараторила Лиза.

Аксюша окинула ее быстрымъ взглядомъ и вдругъ бросилась бѣжать.

Лиза посмотрѣла ей вслѣдъ и пошла медленно назадъ, къ нянѣ.

— Няня, вѣдь намъ все покойная сестрица присылаетъ?—задала она ей вопросъ, подходя къ дому.

---

*) Зыбка—люлька.

— Да, моя касаточка, Богъ, да она, ангелъ Божій,—подтвердила старушка.

—

Въ тотъ же день къ вечеру по городу разнесся слухъ, что нищенка Аксюша задушила свою четырехмѣсячную сестру, въ чемъ созналась, разсказавъ о своей встрѣчѣ съ дочерью судьи.

ОПЕЧАТКИ.

СТР.	СТРОКА	НАПЕЧАТАНО	СЛѢДУЕТЪ ЧИТАТЬ
29	5 сн.	Ильичъ	Кузьмичъ
30	10 св.		
31	10 сн.		
32	2 „		
92	2 „	мои палаты	мою палату
188	2 эпиграфа	вѣриться	вѣрится
209	5 сн.	„кундштюка“	„кунстштюка“
210	11 св.	присовокупилъ	присовокуплялъ
223	1 „	счастливаго	сметливаго

100-00
16665958?